

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК 2016 № 1

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК 2016 № 1

ЗАСНАВАЛЬНІК – НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ

Часопіс выдаецца са студзеня 1956 г.

Выходзіць чатыры разы ў год

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Савченко В. К. Биобанки, геномная ДНК и биоэтика.....	4
Kuzev V. V. Rethinking of the hell: the second Chance theories in the modern English and American philosophy of religion	14
Сечко Н. Н. Уровень жизни занятого населения как индикатор эффективности функционирования рынка труда.....	20
Мартинкевич А. В. Инфорсмент в сфере трудовых отношений: актуальность, понятие, формы реализации	25

ГІСТОРЫЯ

Даніловіч В. В. Моладзь у сельскагаспадарчай вытворчасці Савецкай Беларусі (1921–1927 гг.).....	29
Ганчар А. И. Значение деятельности Ф. Е. Сенчиковского для римско-католической церкви в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.).....	40
Максімовіч А. М. Курганныя могільнікі на тэрыторыі басейна ракі Шчыры: гісторыя даследавання і культурна-храналагічная інтэрпрэтацыя.....	51

МОВАЗНАЎСТВА

Елынцева И. В. Лексико-семантические поля «цвет» и «колер» в русском и белорусском языках: особенности структуры и состава	60
Чагайда Ю. Н. Методика создания ономазиологического портрета героя художественного произведения	66

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Горбунов И. В. Видовая структура военно-исторических экспозиций в музеях Беларуси (1949–2014 гг.)....	75
Артемова Е. В. Интерпретация европейской школы живописи в работах китайской художницы Пань Юйлян.....	81

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Якавенка Н. В. Мастацкі пераклад з блізкароднасных моў у святле рэцэптыўнай эстэтыкі.....	86
Церковский А. Л. Литературное наследие Коттона Мэзера.....	92

ПРАВА

Василевич С. Г. Актуальные проблемы развития права на современном этапе.....	99
Евдокимов В. Б., Тухватуллин Т. А. Право на отказ от посмертной трансплантации органов и тканей человека в России (конституционно-правовые проблемы)	105

ЭКАНОМІКА

Попкова А. С. Привлечение инвестиций в сферу услуг г. Минска через механизм государственно-частного партнерства.....	110
--	-----

РЭЦЭНЗІІ

Никитенко П. Г. Проблемы зоны евро	116
--	-----

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Евгений Михайлович Бабосов (К 85-летию со дня рождения)	118
Георгий Георгиевич Поплавский (К 85-летию со дня рождения)	121
Міхаіл Іосіфавіч Мушыньскі (Да 85-годдзя з дня нараджэння).....	124
Аляксандр Аляксандравіч Каваленя (Да 70-годдзя з дня нараджэння).....	126

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ 2016 № 1

Серия гуманитарных наук

На русском, белорусском и английском языках

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

Тэхнічны рэдактар *В. А. Тоўстая*
Камп'ютарная вёрстка *Ю. В. Дзянішчык*

Здадзена ў набор 08.12.2016. Падпісана ў друк 15.01.2016. Выхад у свет 28.01.2016. Фармат 60×84¹/₈.
Папера афсетная. Друк лічбавы. Ум. друк. арк. 14,88. Ул.-выд. арк. 16,4. Тыраж 114 экз. Заказ 10.
Кошт нумару: індывідуальная падпіска – 102 900 руб.; ведамасная падпіска – 252 168 руб.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:

Рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства «Выдавецкі дом «Беларуская навука». Пасведчанне аб дзяржаўнай
рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/18 ад 02.08.2013.
ЛП № 02330/455 ад 30.12.2013. Вул. Ф. Скарыны, 40, 220141, Мінск.

© Выдавецкі дом «Беларуская навука»
Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2016

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES 2016 N 1

FOUNDER IS THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

The Journal has been published since January 1956

Issued four times a year

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Sauchanka U. K. Biobanks, genomic DNA and bioethics	4
Kuzev V. V. Rethinking of the hell: the second Chance theories in the modern English and American philosophy of religion.....	14
Sechko N. N. Living standard of the employed population as an indicator of labor market functioning efficiency..	20
Martinkevitch A. V. Enforcement in the sphere of labor relationships: topicality, concept, forms of realization ...	25

HISTORY

Danilovich V. V. Youth in the agricultural activities of the Soviet Belarus (1921–1927)	29
Hanchar A. I. Importance of F. E. Sienchykovski activities for the Roman Catholic Church in the Russian empire (the second half of XIX – beginning of the XX centuries)	40
Maksimovich A. M. Mound burial grounds on the territory of Shchara river basin: history of researches with cultural and chronological interpretation	51

LINGUISTICS

Elyntseva I. V. Lexico-semantic fields of colour in Russian and Belarusian languages: specifics of structure and composition.....	60
Chagaida Y. N. Methods to creation onomasiological portrait of the fiction Writing characters	66

ARTS, ETHNOGRAPHY AND FOLKLORE

Gorbunov I. V. Species structure of the military-historical expositions in museums of Belarus (1949–2014)	75
Artyomova E. V. European painting school interpretation in works of Chinese artist Pan Yuylyan	81

LITERATURE STUDIES

Yakavenka N. V. Creative translation from closely related languages in the light of receptive aesthetics.....	86
Tserkovski A. L. Cotton Mather literary heritage	92

LAW

Vasilevich S. G. Law development topical problems in the modern period.....	99
Evdokimov V. B., Tuhvatullin T. A. Rights to refuse from the posthumously human organs and tissues transplantation in Russia (Constitutional and legal problems).....	105

ECONOMICS

Popkova A. S. Intake of investments into the city of Minsk service sphere by means of state-private partnership..	110
--	-----

REVIEWS

Nikitenko P. G. Problems of Eurozone	116
---	-----

SCIENTISTS OF BELARUS

Yaugeniy Mikhailovich Babosau (To the 85 th anniversary)	118
Georgiy Georgievich Paplauskii (To the 85 th anniversary)	121
Mikhail Iosiphavich Mushinskiy (To the 85 th anniversary)	124
Alyaxandr Alyaxandravich Kavalenya (To the 70 th anniversary).....	126

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

УДК 572(028)+575

В. К. САВЧЕНКО

БИОБАНКИ, ГЕНОМНАЯ ДНК И БИОЭТИКА

Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: u.sauchanka@tut.by

В процессе быстрого развития геномных технологий возрастает роль этических критериев и оценок, касающихся таких важных проблем, как регулирование научных исследований в области геномики, а также решения этических дилемм, возникающих в результате воплощения в жизнь программ тестирования и терапии генома. Обсуждается также проблема соблюдения и охраны автономии индивидов, их полного информирования и получения осознанного согласия на участие как в процедурах тестирования и терапии генома, так и в качестве объекта научных исследований.

В результате создания биобанков клеток и тканей человека и баз персональных данных ДНК к диалогу врач–пациент могут подключаться третьи стороны. Развитие информационных технологий позволяет получать доступ, массово копировать и сохранять в информационных «облаках» интернета любые данные, включая персональные данные личности, медицинские и генетические профили. Такие вновь открывающиеся возможности требуют их осмысления и анализа в рамках постулатов биоэтики с целью совершенствования правового регулирования отношений между геномными компаниями и их клиентами.

Ключевые слова: биоэтика, геном, ДНК, достоинство личности, индивидуальная автономия, медицинские биобанки, правовое регулирование, социум, тестирование генома, этические нормы.

U. K. SAUCHANKA

BIOBANKS, GENOMIC DNA AND BIOETHICS

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus, e-mail: u.sauchanka@tut.by

Genome technologies rapid development increases the role of ethical criteria and assessments relating to such important issues as regulation of scientific researches in the field of genomics, as well as the ethical dilemmas that arise because of the genomes program testing and therapy realization.

We also discuss problems of the respect and individual's autonomy protection as well as their full information and informed consent before to participate in procedures for testing and treatment of the genome or to be an object of scientific researches. Because of the human tissues, cells biobanks, and individual DNA databases creation, third parties could be add to the dialogue doctor–patient.

Development of information technology makes it possible to access, copy and store large quantities of information in the internet clouds of data, including personal data as well as individual medical and genetic profiles. These new opportunities require their comprehension and analysis in the postulates of bioethics in order to improve the legal regulation of relations between genomic companies and their customers.

Keywords: Bioethics, DNA, ethic norms, human genome, individual autonomy, law regulation, medical biobanks, personal dignity, society, testing genome.

Индивидуальная автономия и социум. Быстрое развитие геномных технологий и системной биологии в последние два десятилетия позволило сделать существенный сдвиг в понимании организации генома человека и роли изменений последовательностей ДНК в возникновении наследственных заболеваний. Разработаны технологии тестирования генома человека и его терапии. Возникли биобанки человека и базы данных геномной ДНК отдельных индивидов,

высказываются предложения по искусственному улучшению его генома с помощью новых технологий. В связи с этим возрастает роль этических критериев и оценок, касающихся таких важных проблем, как регулирование научных исследований в области геномики, а также практического решения этических дилемм, возникающих в результате воплощения в жизнь программ тестирования и терапии генома. Встает также проблема соблюдения и охраны автономии индивидов, их полного информирования и получения осознанного согласия на участие как в процедурах терапии, так и в научных исследованиях.

В результате создания банков клеток и тканей человека (биобанков) и баз данных ДНК к диалогу врач–пациент анонимно и без юридического обоснования могут подключаться третьи стороны в лице системы здравоохранения, работодателей, страховых учреждений, коммерческих структур, правоохранительных органов, а также представителей организованной преступности. В этой связи генетическая информация приобретает свою цену и может выступать в качестве товара на рынке. Развитие информационных технологий позволяет крупным международным корпорациям получать доступ, массово копировать и сохранять в информационных «облаках» интернета любые данные, включая персональные данные личности, его медицинские и генетические особенности. Такие вновь открывающиеся возможности требуют их теоретического анализа в рамках биоэтики и последующего практического решения в области правовых актов.

На протяжении последних двух столетий европейской мыслью выработано представление о необходимости уважать каждую личность и право индивида делать свой моральный выбор [1]. На этом основано положение об индивидуальной автономии, которое нашло отражение в правовых документах многих стран. Каждый индивид владеет правом выбирать свой жизненный путь, и этот выбор следует уважать. В медицинской этике утвердился принцип автономии пациента, который предусматривает получение его предварительного согласия на любые медицинские вмешательства и процедуры, чем должны руководствоваться работники здравоохранения. Это касается также информации о состоянии здоровья человека и необходимости соблюдения врачебной тайны.

Но на практике каждый человек связан семейными, дружескими, служебными, общественными отношениями с другими людьми и социальными структурами и не является изолированным островом в людском океане. Поскольку выбор пациента может оказывать негативное влияние на третьи стороны, постольку такой выбор получает признание лишь в случае, если не наносит им вреда. Это единственное ограничение социума на индивидуальную автономию. Парадигма прав пациента и обязанность врача уважать эти права юридически закреплены.

Применение тестирования генома позволяет выявлять носительство индивидом мутантных генов, способных вызывать наследственные болезни, а также онкогенов. Эта информация может оказать сильное влияние на выбор будущего образа жизни как самим пациентом, так и его родственниками. Здесь могут возникать самые разные моральные дилеммы. Одна из них касается самого пациента, его права знать или не знать результат тестирования его генома. Дело в том, что носительство мутантного, или онкогена, не обязательно всегда ведет к возникновению болезни, поскольку его проявление во многом зависит от влияния других генов, экологических условий и стиля жизни. В случае, если пациент сделает выбор в пользу нормальной экологии и здорового образа жизни, то болезнь, возможно, у него не наступит. Если же он сочтет это фатальным событием и, отказавшись от борьбы и профилактики болезни, не станет ей сопротивляться, а в худшем случае сочтет это лишенным смысла, то тем самым приблизит момент трагического завершения своей жизни. Известны также случаи, когда больные в подобных обстоятельствах прибегали к крайним мерам, включая суицид.

Вторая этическая дилемма может возникнуть перед пробандом в связи с тем, следует или не следует сообщать о результатах тестирования генома своим родственникам, чтобы не наносить им психологическую травму. В случае положительного решения пациент рискует оказать негативное влияние на дальнейшую жизнь своих родственников. Если же он не поделится с ними полученной геномной информацией, то это не позволит им принять терапевтические или превентивные меры против возможной болезни. Так, в США дочь предъявила в суд иск своей мате-

ри за сокрытие информации о наступлении онкологической болезни, что, по мнению дочери, не позволило ей самой принять профилактические меры против этой болезни.

За пределами семьи генетическая информация может интересовать работодателей, страховые общества и государственные органы, поскольку позволяет предвидеть возможные изменения здоровья индивида в будущем. Это может послужить основой для отказа при найме на работу или выборе варианта страхового соглашения. Такая дискриминация на основе геномной информации способна негативно влиять на жизненные ситуации индивида, и он заинтересован в том, чтобы свободный доступ к его данным был ограничен. Поэтому важно найти этически приемлемые, обоснованные и легально закрепленные механизмы для выхода из возникающего таким образом конфликта интересов в рамках правового поля социума.

Этические дилеммы. Геномные технологии развиваются быстрыми темпами. В процессе секвенирования нуклеотидных последовательностей геномной ДНК человека удалось значительно усовершенствовать эти технологии, создать автоматы для секвенирования молекул ДНК и разработать программное обеспечение для анализа этих последовательностей с целью извлечения из них генетически значимой информации. Это привело к значительному снижению цены на анализ индивидуальных геномов, которая постепенно снижается до ожидаемого уровня в 1 тыс. долларов за один геном. Такие финансовые затраты приемлемы и делают доступным массовое индивидуальное тестирование генома.

Совершенствование геномных технологий позволяет теперь позитивно решать возникавшие ранее этические вопросы. Стволовые клетки эмбриона можно использовать для терапии наследственных заболеваний человека. Встала острая этическая дилемма: можно ли создавать и затем разрушать эмбрион человека для лечения заболевания другого человека? Большинство стран запретило репродуктивное клонирование человека как не совместимое с его достоинством. Однако некоторые страны разрешили клонирование эмбрионов с терапевтической целью. Этот противоречивый с этической точки зрения подход удалось в последнее время преодолеть в связи с разработкой технологии репрограммирования соматических клеток пациента для придания им мультипотентности и последующего использования для регенерации его клеток и тканей [2].

К настоящему времени уже разработано и можно использовать более 2 тыс. геномных тестов для персональной медицины. Однако пока далеко не все обнаруживаемые дефекты генома имеют свою технологию терапии. Поэтому встает вопрос: следует ли проводить тестирование эмбрионов, новорожденных и взрослых пациентов на носительство таких мутантных генов? Допустим, например, что пренатальный тест указывает на наличие у плода гена, вызывающего хорею Гентингтона. Эта болезнь обычно начинается в возрасте 40–45 лет и вызывает прогрессирующую дегенерацию нервных тканей, что приводит к поражению физических и психических функций индивида и завершается летальным исходом. Иногда болезнь начинается в раннем возрасте или в конце жизни после 60 лет. У родителей и врача возникает дилемма, как поступить в таком случае: делать аборт или же, несмотря на отсутствие технологии терапии, сохранить беременность? Этично ли родителям требовать тестирования на возможность возникновения у потомка болезней, которые пока не имеют лечения, и будет ли это в лучших интересах ребенка? Современные технологии позволяют в ранние сроки определять пол будущего ребенка. Допустимо ли с этической точки зрения отдавать предпочтение одному из полов и прерывать беременность, если пол окажется нежеланным? Искусственное изменение соотношения полов в социуме несет сложные экономические и социальные проблемы. В Индии соотношение мужчин и женщин составляло в 1981 г. 1000:935 и снизилось в 1991 г. до 1000:927, а в штатах Бихар и Раджастан – до диспропорции 1000:600.

Мы привыкли считать, что знание – это сила, но не всегда понимаем, что знание тесно связано с моральной ответственностью. В случае наследственных болезней один или оба родители могут быть причиной возникновения болезни у их ребенка, но это не обязательно влечет за собой их моральную ответственность за это, кроме случаев, если они заранее знали о возможности такого исхода и не предотвратили его (болезнь, страдание, ограниченные возможности). При этом следует принимать во внимание тот факт, что абстрактное знание характера возможной наследственной болезни в клинических терминах не равноценно практическому знанию жизни

с этой болезнью, которое приходит лишь в процессе существования с ней. По данным исследования поведения когорты лиц в США, которые получили положительный результат на предрасположенность к болезни Гентингтона, частота случаев суицида оказалась в 10 раз выше, чем средняя частота в популяции [3–4].

Многие больные, несмотря на тяготы болезни или свои ограниченные возможности, все же удовлетворены тем, что они существуют, находятся в социуме и поэтому познают жизнь во всех ее проявлениях. Из понимания этого возникают моральные обязательства социума перед лицами с ограниченными возможностями и наследственными болезнями. Мы должны избегать оперировать понятиями ответственности и безответственности на основе генетической информации, поскольку реальная личность представляет собой нечто большее, чем сумма ее генетических элементов. Тем более не приемлемо, если генетическая информация используется для необоснованной дискриминации или стигматизации отдельных лиц по тем или иным соображениям. Все мы генетически различаемся и поэтому уникальны, этот биологический факт и эта реальность делают нашу генетическую информацию по своему существу нейтральной. Любое неправомерное использование этой информации с позиций генетического детерминизма в корыстных, эгоистических и негуманных целях не может быть оправдано и одобрено социумом.

На уровне индивида генетическая информация о предрасположенности к болезни может восприниматься двояко. Отрицательный тест обычно повышает жизненный тонус, а положительный тест может нанести психическую травму, дать начало болезненному процессу размышлений и самооценок. В этом проявляется вредный аспект для пациента получения знания о позитивном результате генетического тестирования на угрозу болезни и для постановки вопроса о его праве не знать такого результата. В конечном счете, это отражает положение о том, что не сама геномная информация, а способ ее использования может вызывать негативные последствия для индивида [5]. Поэтому возникает вопрос о том, в чем заключается сходство и различие технологических и этических оценок новых геномных технологий.

Технологические и этические оценки. Новые геномные технологии изменили ситуацию в университетах, клиниках и органах здравоохранения. Ранее врачи спрашивали пациента о наличии тех или иных заболеваний в семье и других родственников, что давало указание на возможную роль наследственности в возникновении болезни. Генетика человека ранее полагалась на изучение пар близнецов, семейные генеалогии, цитологические и биохимические тесты. Возможности секвенирования генома человека и новые геномные технологии открыли новые пути для генетизации медицинской практики и повышения качества медицинских услуг [6–7]. Геномные технологии базируются на знании молекулярных процессов хранения, реализации и передачи генетической информации, они используются для диагностики и лечения наследственных болезней, а также производства лекарств нового поколения и разнообразных полезных продуктов биологической промышленности для использования в разных сферах жизнедеятельности.

Технологические оценки касаются непосредственных продуктов биотехнологий, их качества, надежности, безопасности, цены, конкурентоспособности и востребованности на рынке товаров и услуг. Такие оценки продукта технологии имеют краткосрочный диапазон, экономический контекст и индивидуальную потребительскую направленность. Но при этом каждая новая биотехнология имеет свои менее видимые последствия ее использования, а также проявляющиеся лишь в долгосрочной перспективе воздействия. Причем такие последствия могут проявляться не только на индивидуальном уровне, но также и на социальном, культурном и институциональном уровнях. Возможные последствия применения таких технологий в социуме неизбежно имеют моральный аспект. Анализ этого контекста и составляет предмет биоэтики [8–9].

Следует указать на возрастание понимания роли генетического детерминизма при обсуждении проблем здоровья как в связке врач–пациент, так и в обыденном сознании, как специалистов, так и населения. Профессионалы здравоохранения предпочитают полагаться на результаты анализов больше, чем на экологические, психологические, социальные факторы, которые способны наряду с генами оказывать свое влияние на возникновение и течение болезней. Женщины, например, чувствуют себя беременными только после того, как они проинформированы о результатах их пренатального тестирования. Во многих случаях генетическая информация

влияет на выбор технологии сохранения беременности или лечения, а гены теперь рассматриваются в качестве тесно ассоциированных с идентичностью индивида. В существовании социума под влиянием генетических знаний могут возникать новые феномены. В процессе осуществления программы скрининга геномов на наличие гена, вызывающего бета-талассемию, на Кипре наблюдалось изменение общественного сознания. Рецессивный аллель гена *Th* в гомозиготном состоянии вызывает анемию крови на первом году жизни младенца и заканчивается летальным исходом. Поэтому семейным парам, носителям этого гена, обычно советуют селективный аборт, причем это не встречает осуждения со стороны религиозной общины [10].

Исследования процессов, связанных с использованием геномных технологий, имеют несколько аспектов. Европейская Комиссия рассматривает этические аспекты заявок на финансирование исследований по Программе FP7 как составную часть процесса оценки поступающих предложений и их реализации и считает их ключевыми элементами для достижения научного совершенства. Сама процедура этической оценки предложений строго регламентирована и базируется на критериях, признанных международным сообществом [11].

Истоки исследовательской этики следует искать в Нюрнбергском кодексе с его десятью золотыми правилами этики, включавшими основные фундаментальные права объекта исследования. Это правила добровольного согласия, пропорциональности, необходимости и право субъекта отменить свое согласие на медицинские исследования на любом этапе. Всемирная медицинская ассоциация (ВМА), созданная в 1947 г., подтвердила этические нормы поведения исследователя перед субъектом еще в 1964 г. [12]. Эти нормы затем были расширены и включены в ряд Деклараций ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека, об ответственности перед будущими поколениями, о генетических данных человека, о биоэтике и правах человека [13–16]. Конвенция Совета Европы [17], Хартия фундаментальных прав Европейского союза [18], Хельсинкская декларация ВМА [19] содержат аналогичные нормы, касающиеся как прав субъекта, так и образцов тканей тела и биологических данных человека. Этот корпус правовых и этических норм регламентирует не только исследования в области биомедицины, но и распространяется на другие области постоянно растущего знания.

В Европейской хартии фундаментальных прав в статьях 3, 8, 7, 8, 13 прослеживается тесная связь между этическими нормами биомедицинских исследований и соблюдением прав человека. Каждый имеет право на уважение его физической и ментальной целостности, уважение неприкосновенности личной и семейной жизни, дома и своих коммуникаций, охрану личных данных и свободный доступ к своим данным с правом на их уточнение. При проведении биомедицинских исследований подчеркивается необходимость соблюдения принципа свободного и информированного согласия лиц, вовлеченных в исследования; запрет на евгеническую практику репродуктивного отбора личностей; запрет на получение финансовых доходов за счет тела человека или его частей; запрет на репродуктивное клонирование человека. При этом подчеркивается право без помех и ограничений на проведение научных исследований и соблюдение академических свобод.

Европейская комиссия проводит скрининг и рецензирование предлагаемых исследовательских проектов на предмет соответствия установленным этическим нормам. При принятии решения о финансировании проекта или его отклонении принимается во внимание как научное содержание проекта, так и его этическая оценка. В состав структурного подразделения для рецензирования этических аспектов представленных проектов входят специалисты в различных областях знания: права, социологии, философии, этики, психологии, информационных технологий, медицины, молекулярной биологии и ветеринарной науки. Теперь уже двенадцать золотых правил этики для исследователей включают следующие положения:

- 1) уважение целостности и достоинства личности и охрана ее внутреннего мира для ее благополучия;
- 2) следование принципу «не навредить». При этом необходимо сообщить заинтересованному лицу о всех возможных рисках;
- 3) признание права индивидов на приватность, конфиденциальность, охрану персональных данных и свободу передвижения;

- 4) соблюдение требования информированного согласия и постоянного диалога с исследуемыми субъектами;
- 5) гуманное отношение к исследуемым животным и гуманное обхождение с ними в начале, в процессе и после завершения исследования;
- 6) планирование исследования на животных с учетом возможностей замещения, уменьшения страданий и усовершенствования методик;
- 7) уважение принципа пропорциональности: не навязывать больше, чем необходимо вашему субъекту, или делать больше заявленных целей;
- 8) серьезное отношение к социальным вопросам; первой обязанностью исследователя является выслушать людей и вступить с ними в конструктивный, открытый, честный и прямой диалог;
- 9) стремление избегать участия в любых злоупотреблениях или двусмысленных действиях террористов или военизированных организаций;
- 10) признание целостности личности и того, что проводимые модификации (генетические или технологические) не противоречат этому принципу;
- 11) уважение биоразнообразия и недопущение необратимого его изменения, которое способно угрожать окружающей среде или экологическому балансу;
- 12) развитие понимания того, что любые выгоды для личности приносят пользу обществу, а любые широко разделяемые выражения беспокойства о вреде от ваших исследований должны быть внимательно рассмотрены (с учетом того, что, возможно, придется отказаться от нежелательной исследовательской практики).

Этот свод этических правил позволяет правильно ориентироваться при подготовке исследовательских проектов по использованию геномных и биомедицинских технологий, а также в процессе принятия решений об их финансировании, при контроле их воплощения в жизнь [11].

Биобанки и базы геномной информации. После реализации проекта «Геном человека» стало понятно, что лишь незначительная часть геномной ДНК человека отвечает за существующие биологические различия между людьми. По имеющимся оценкам, речь может идти примерно о 0,1% последовательностей нуклеотидов геномной ДНК, отвечающих за вариацию, и, следовательно, за генетическую уникальность личности. Причем эта идентичность не может быть изменена на протяжении всей жизни индивида в отличие от имени, адреса, личного номера социальной защиты. Это создает основу для использования последовательностей геномной ДНК как маркеров идентичности человека для самых разных целей, включая криминальную, медицинскую, коммерческую, семейную и социальную сферы жизни. На рубеже XXI века стали возникать биобанки крови, слюны и тканей человека, а также базы данных индивидуальных последовательностей ДНК в правоохранительных, медицинских, исследовательских и коммерческих учреждениях. Поскольку такие данные могут быть использованы для дискриминации людей со стороны работодателей и страховых компаний, встала проблема законодательного обеспечения конфиденциальности генетической информации индивидов. С другой стороны, такие биобанки могут создаваться лишь на добровольной основе при информированном согласии на передачу индивидуальных биологических образцов клеток и тканей при условии сохранения анонимности донора. Это необходимо для того, чтобы утечка генетической информации в дальнейшем не была использована для дискриминации личности. Законодательное регулирование этой сферы начато в ряде развитых стран, но не все возникающие проблемы удается пока своевременно проанализировать и найти необходимые технологические и правовые решения [20].

Медицинские биобанки и базы данных ДНК начали создавать в клиниках, родильных домах и госпиталях в конце XX века. Часто в этих базах данных присутствуют сведения о семейных и клинических историях добровольных доноров, по которым можно идентифицировать их личности. Особенно много генетической информации накопилось в медицинских биобанках в процессе ведения обязательного скрининга новорожденных на предмет носительства мутантных генов, вызывающих фенилкетонурию или другие наследственные болезни. Для этого из пятки новорожденного ребенка берется капля крови и наносится на стеклянный слайд для дальнейшего исследования. О масштабах генетического скрининга можно судить по следующим данным. В США около 98% из 4,3 млн детей, рождающихся ежегодно, подвергаются обследованию. При этом анализ ча-

сто проводят без согласия родителей или без внятного объяснения им того, что образцы собираются долго сохранять. При этом существуют разногласия между законодательством разных штатов в отношении необходимости получения согласия родителей на хранение образцов крови их детей, а в отдельных штатах такие образцы объявляются государственной собственностью. Срок хранения образцов варьирует от шести недель до бесконечности в законодательстве семи штатов. Участники обсуждения этой проблемы считают, что родители имеют право запретить взятие образца крови у ребенка, чтобы не нанести вреда его здоровью. Проявился различный подход к получению согласия родителей на сам скрининг и на хранение образцов крови в биобанке. Некоторые родители соглашались на проведение скрининга, но отказывались давать согласие на длительное хранение образцов крови их ребенка. Поэтому предлагается разделить процесс получения согласия родителей на генетическое тестирование ребенка на два этапа и если хранение оставшихся образцов крови вызывает у них дискомфорт, ограничиться лишь проведением самого тестирования.

Другой подход заключается в том, чтобы сделать биообразец анонимным с тем, чтобы в дальнейшем нельзя было идентифицировать личность донора. В этом случае такой биоматериал можно использовать для исследований и других медицинских целей. Однако на практике оказалось возможным идентифицировать личность донора даже по остаточной информации о нем в базе данных ДНК. Это позволяет не уполномоченному на то персоналу использовать такую информацию в своих личных целях, что является нарушением конфиденциальности. Озабоченность родителей вызывает и недостаточная транспарентность сведений о биобанках, их локализации, правилах хранения, ответственных лицах, процедурах создания и доступа к базам данных. Все названные проблемы пока не получили удовлетворительного разрешения на управленческом уровне охраны здоровья и его регулирования.

В последнее время стали создавать *медицинские биобанки и базы данных ДНК взрослых пациентов*, которые добровольно сдают свою кровь или слюну с целью помочь исследованиям, направленным на поиск технологий для лечения различных болезней. Как правило, биобанки создаются при крупных госпиталях или медицинских центрах. Биобанк клиники Майо создан в штате Миннесота в 2009 г., его участниками становятся нынешние и бывшие пациенты клиники. Ожидается, что в 2015 г. база данных будет содержать сведения о 50 тыс. пациентов, каждый из которых получает компенсацию в 20 долларов. Пациент дает сведения о состоянии своего здоровья, стиле жизни, семейной истории и подписывает документ о согласии стать участником проекта. Правила конфиденциальности обеспечивают охрану его персональной информации.

В Нью Йорке в 2007 г. создан биобанк образцов крови и слюны, в котором уже участвуют 25 тыс. пациентов. Для начала волонтер должен встретиться со своим доктором в медицинском центре, который ознакомит его с процедурой вступления в число участников проекта. Она включает информированное согласие участвовать в проекте, разрешение использовать его медицинские данные, сведения о стиле жизни и гарантию того, что его персональные данные защищены специальным кодом и не могут быть использованы третьей стороной без разрешения волонтера. Органы здравоохранения осуществляют общий контроль за состоянием биобанков и разрабатывают необходимые правила и процедуры для их работы.

Добровольные исследовательские биобанки и базы данных ДНК создаются для поиска новых методов лечения таких распространенных болезней, как рак груди или диабет. Они функционально похожи на медицинские базы данных ДНК, но специализируются в более узких областях исследований. Базирующаяся в Калифорнии интегральная медицинская организация Kaiser Permanente инициировала специализированную исследовательскую программу «Гены, окружающая среда и здоровье» для выяснения роли генов и экологических факторов в генезисе заболеваний. Участники этой программы собрали более 500 тыс. образцов крови и слюны пациентов, осуществляют оценку роли генов и средовых факторов в развитии рака простаты у афроамериканских мужчин. Вся база данных находится в специальных компьютерах, обеспеченных необходимыми средствами безопасности. Специальный комитет института наблюдает и предлагает меры по обеспечению анонимности медицинских данных пациентов.

Инициатива по визуальному изучению болезни Альцгеймера была сформирована в 2004 г. и поставила перед собой задачу изучить роль генов и внешней среды в развитии этого заболе-

вания, характеризующегося потерей памяти, особенностями поведения и деградацией нервных клеток. Инициатива разработала планы исследований до 2017 г. и в настоящее время подыскивает 550 пациентов в возрасте от 55 до 90 лет со всего мира для участия в клинических испытаниях. В 2012–2013 гг. был секвенирован геном 818 пациентов, а полученные данные используются участниками проекта в процессах лечения. Инициатива также приступила к созданию своего биобанка по этому заболеванию.

Гарвардская медицинская высшая школа запустила свой Персональный геномный проект с целью выяснить связь между генами и структурой индивидуальной ДНК с развитием признаков тела в норме и патологии. Пациенты должны сначала выразить согласие на участие в проекте, а в дальнейшем каждые три месяца заполнять вопросник о состоянии здоровья и тех его позитивных или негативных изменениях, которые они ощутили в процессе своего участия в нем. При этом каждый человек предупреждается о том, что выводы проекта предназначены для публичного использования и что организаторы не смогут полностью гарантировать анонимность их персональных данных. Для участия в проекте на собеседовании необходимо проявить понимание его целей и общественной значимости.

Несмотря на меры по обезличиванию генетических данных, в биобанках не всегда удается сохранить их анонимность. Это может происходить в том числе и в результате перетекания генетической информации из одной базы данных в другую. Известен случай, когда данные шотландского мужчины, который добровольно сдал образец крови в медицинский биобанк, были использованы форенсической базой данных для обоснования его обвинения в преднамеренном заражении женщины вирусом иммунодефицита. Таким путем была неожиданно для него самого нарушена конфиденциальность его персональной генетической информации.

Коммерческие базы данных ДНК успешно развиваются несколько последних десятилетий и их популярность среди населения возрастает. В отличие от медицинских биобанков коммерческие компании представляют населению свои услуги напрямую без посредничества врачей или иной третьей партии. Любой человек имеет возможность купить специальный кит для взятия биологических образцов и затем направить его почтой в адрес компании, которая проводит анализ его персональной ДНК и сообщает клиенту результаты. Коммерческие базы данных помогают клиентам решать ряд проблем персонального свойства. К ним относятся построение генеалогического древа семьи, установление родственных связей между людьми, выявление биологической совместимости при формировании пар, выявление возможных генетических рисков на основе семейных историй. Такие базы данных ДНК часто становятся узлами социальных сетей, выходящих за пределы национальных границ, они содействуют формированию пар на основе взаимной совместимости, помогают приемным детям в поисках биологических родителей. Коммерческие компании создают обширные базы данных ДНК, имеющие международный масштаб.

Коммерческая компания 23иЯ (23andMe) была основана в 2006 г. в Калифорнии. Она предоставляет своим клиентам информацию по их происхождению, о генетических рисках заболеть и возможной реакции на некоторые лекарства. В настоящее время услугами ее Службы персонального генома пользуются около 650 тыс. человек в различных странах. Компания провозгласила, что ее целью является обеспечить клиентов персональной генетической информацией, возможностью поделиться ее с другими участниками и на добровольной основе принять участие в генетических исследованиях. Пользователи приобретают свой ДНК-кит, помещают свою слюну как источник ДНК, регистрируют его с получением индивидуального баркода для доступа к своим генетическим данным, заполняют форму о согласии участвовать и условиях обслуживания, открывают свой счет. Служба тестирования обеспечивает конфиденциальность генетической и персональной информации, но предупреждает, что она может использовать имеющиеся у нее сведения для контроля деятельности и ее улучшения.

Еще одна коммерческая компания генетического тестирования пациентов возникла в 2006 г. в штате Массачусетс. Она работает с мазками из полости рта и за 169 долл. обеспечивает клиентов информацией о рисках возникновения болезней, а также дает советы по регулированию веса, поддержанию здоровья сердечно-сосудистой системы, правильному питанию и сохранению опорно-двигательного аппарата. Результаты анализа хранятся в базе данных ДНК на протя-

жении семи лет, хотя сама ДНК может быть уничтожена через 10 дней после составления отчета о состоянии здоровья клиента, который может ознакомиться с результатами тестирования либо в режиме онлайн, либо с использованием обычной почты. Клиент может пожелать воспользоваться услугами генетического консультанта для лучшего понимания состояния своего здоровья. Хотя компания имеет защиту конфиденциальности генетических и персональных данных клиентов, третьи партии могут также иметь доступ к базе данных ДНК. При этом нет гарантии, что их сотрудники будут полностью соблюдать правила анонимности клиентов и не используют раскрытую генетическую информацию против самих клиентов.

Генеалогические базы данных ДНК создаются на коммерческой основе с целью помочь клиентам восстановить их родственные связи и оказать содействие в построении предковых и семейных генеалогических древ. Первый биобанк по выяснению происхождения появился в 2011 г. и уже собрал более 200 тыс. образцов ДНК своих клиентов из разных стран. Для анализа используют 700 тыс. сайтов персонального генома для сравнения сходства, причем включены не только сайты Y-хромосомы и митохондрия, но также и аутосом. За 99 долл. клиент покупает кит для пересылки образца своей ДНК на анализ и получает его результаты, где указываются возможный этнический статус, место географического происхождения ДНК, а также возможность связаться с другими людьми, которые имеют сходство по изученным сайтам персонального генома. Генетическая информация хранится в защищенной базе данных ДНК и может быть использована для исследований, причем и третьей стороной, но без предоставления ей персональных данных.

Другая генеалогическая коммерческая база данных ДНК Genebase предоставляет услуги по выявлению генетических связей между клиентами, но отличается большей открытостью. Она позволяет клиентам использовать результаты тестирования своего генома другими компаниями и проводить самостоятельный поиск генетического сходства в открытой базе данных. Фактически эта база данных, имеющая 1765 тыс. активных членов, представляет собой активный веб-сайт для генетической социальной сети. Участники сети имеют возможность сравнивать свой персональный генетический профиль с другими, выявлять сходство, находить своих родителей, детей, других родственников и связываться с ними, строить свое родословное древо генетических связей.

Генографический проект под эгидой Национального географического общества США возник в 2005 г. с целью совместно, коллективно и индивидуально исследовать географические координаты происхождения и пути миграции человека между континентами. Участникам проекта предлагают купить за 159 долл. кит для пересылки образца своей ДНК для анализа. Кит имеет уникальный код для последующего доступа онлайн к результатам геномного анализа, который содержит данные о генетическом профиле клиента и указание, откуда родом могли быть его предки и какими путями они могли мигрировать. Участников предупреждают, что результаты исследований предполагают публиковать в научных и массовых средствах информации и что к базе данных могут иметь доступ сотрудничающие с проектом третьи стороны.

В США в 2008 г. был принят Акт об охране генетической информации (Genetic Information Privacy Act), который направлен на предупреждение генетической дискриминации лиц со стороны нанимателей и страховых обществ. Однако экспансия коммерческих баз данных ДНК и снижение требований к ограничению доступа к персональной генетической информации третьих сторон открывают возможности для злоупотреблений. Правоохранительные органы создают свои форензийские базы данных ДНК в целях идентификации правонарушителей, причем действуют в условиях отсутствия транспарентности и использования имеющихся возможностей доступа к коммерческим базам данных ДНК. Некоторые лица стремятся без согласия другого лица тайно взять его биообразец (волос, слюну из стаканчика) и установить его генетический профиль с целью выявления возможной родственной связи. Это приводит к нарушениям персональной и генетической приватности, причем само лицо может даже не подозревать о нарушении конфиденциальности со стороны третьих сторон. Среди компаний, занимающихся генетическим тестированием, имеются различия в подходах к получению согласия на участие в проектах и степени информированности клиентов, а также взаимных обязательствах сторон. Разные случаи указывают на имеющиеся на данный момент недостатки систем безопасности и ограничения

возможностей доступа к генетическим данным, а также на необходимость совершенствования законодательного регулирования этой области. Важную роль играют также программы информирования и образования участников биобанков и доноров биообразцов в соответствующих разделах законодательства и уже существующих правил регулирования деятельности компаний и биобанков, а также взаимных обязательств в их отношениях с клиентами.

Работа выполнена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г13Р-010 от 16 апреля 2013 г.

Список использованной литературы

1. *Benn, S. L.* A Theory of Freedom 1988 / S. L. Benn. – Cambridge & New York: Cambridge University Press, 1988. – 338 p.
2. *Савченко, В. К.* Геном человека и репрограммирование клеток для регенеративной медицины / В. К. Савченко // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. мед. наук. – 2014. – № 1. – С. 111–123.
3. *Almqvist, E. W., Bloch, M., Brinkman, R. [et al.]* A worldwide assessment of the frequency of suicide, suicide attempts, or psychiatric hospitalizations after predictive testing for Huntington disease / E. W. Almqvist, M. Bloch, R. Brinkman [et al.] // American Journal of Human Genetics. – 1999. – Vol. 64. – P. 1293–1304.
4. *Burley, J. (Ed.)* The genetic revolution and Human Rights / J. Burley. – Oxford & New York: Oxford University Press, 1999. – 217 p.
5. *Chadwik, R., Levitt, M., Shickle, D. (Eds.)* The Right to Know and the Right Not Know / R. Chadwik, M. Levitt, D. Shickle. – Aldershot: Avebury, 1997. – 216 p.
6. *Lippman, A.* Prenatal genetic testing and geneticization: Mother matters for all / A. Lippman // Fetal Diagnosis and Therapy. – 1993. – Vol. 8 (suppl.). – P. 175–188.
7. *Hendecoe, A.* Geneticization, medicalization and polemics / A. Hendecoe // Medicine, Health care and Philosophy. – 1998. – Vol. 1, № 3. – P. 235–243.
8. *Katz Rotman B.* Genetic Maps and Human Imaginations: The Limits of Science in Understanding Who We Are / B. Katz Rotman. – New York: Norton, 1998. – 272 p.
9. *Dijk J. van.* Imagination. Popular Image of Genetics / J. van Dijk. – London: Macmillan Press, 1998.
10. *Hoedemaekers, R.* Geneticization: The Cyprus paradigm / R. Hoedemaekers and H. ten Have // Journal of Medicine and Philosophy. – 1998. – Vol. 24, № 4. – P. 274–287.
11. European Commission. Ethics for Researchers. Facilitating Research Excellence in FP7. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2013. – 30 p.
12. World Medical Association. Declaration of Helsinki: ethical principles for research involving human subjects, articles 1, 6, 11–30 and 31–35. 2008.
13. UNESCO. Universal declaration on the human genome and human rights, 1997.
14. UNESCO. Declaration on the Responsibilities of the Present Generation Towards the Future Generation, 1997.
15. UNESCO. International Declaration on Human Genetic Data, 2003.
16. UNESCO. Universal Declaration on Bioethics and Human Rights, 2005.
17. Council of Europe. Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine. CETS No. 164, Oviedo. 4.4.1997.
18. Charter of Fundamental Rights of the European Union. Official Journal of the European Union № C 83/389 – 403. 30.3.2010.
19. World Medical Association. Declaration of Helsinki: ethical principles for research involving human subjects, 2008. Articles 1, 6, 11–30 and 31–35.
20. *Shah Aditi.* Genetic Privacy and Non-Forensic Biobanks / Aditi Shah. Cambridge, MA: Council for Responsible Genetics, 2014. – 30 p. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.councilforresponsiblegenetics.org/>.

Поступила в редакцию 23.12.2014

УДК 291.1

V. V. KUZEV

RETHINKING OF THE HELL: THE SECOND CHANCE THEORIES IN THE MODERN ENGLISH AND AMERICAN PHILOSOPHY OF RELIGION

Pryazovskyi state technical University, Mariupol, Ukraine, e-mail: elquijote@ukr.net

Problem of hell is a philosophical problem related to theological doctrine of eternal punishment. It is a variation of the problem of Evil. With a few exceptions, the traditional concept of hell has prevailed in Christian thought since the time of early Christianity and until the XIX century. In general, this doctrine of afterlife teaches that after death the souls of sinners fall into hell, where they punished by eternal fire.

The article presents some objections to the traditional model of hell and considers a number of alternative theories. The particular attention has been paid to The Second Chance Theory and its varieties (escapism). Author of the article shows that such escapists as A. Buckareff, A. Plug and others understood the hell as an autonomous place or state, which God creates for those who do not want to communicate with him. Accordingly, the inhabitants of hell may at any time change their status and join the community of the saved. The author analyzes how this theory related to the concept of metaphysical libertarian free will, which admitted by the supporters of free will theodicy (R. Swinburne, E. Stump).

The author concludes that current religious and philosophical reflection developing in the discourse of humanist culture tend to rational criticism, which rejects the traditional model of hell for reasons of moral, psychological, logical and philosophical nature. This creates a need for new theories, designed to amend or reinterpret the traditional concept of hell.

Keywords: hell, the problem of Evil, Christianity, salvation.

B. B. КУЗЕВ

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ АДА: ТЕОРИИ ВТОРОГО ШАНСА В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОАМЕРИКАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ

Приазовский государственный технический университет, Мариуполь, Украина, e-mail: elquijote@ukr.net

Проблема ада является философской проблемой, которая связана с теологической доктриной вечного наказания и представляет собой вариацию проблемы зла. За некоторыми исключениями, традиционная концепция ада преобладала в христианской мысли со времен раннего христианства и вплоть до XIX века. В целом, согласно этой доктрине после смерти души нераскаявшихся грешников попадают в ад, где они подвергаются наказанию вечным огнем. В статье приводятся возражения против традиционной модели ада и рассматриваются альтернативные теории. Особое внимание уделяется теории второго шанса и ее разновидностям (эскапизм). Показано, что согласно взглядам эскапистов (А. Бухарев, А. Плаг и др.) ад понимается как автономное место/состояние, которое Бог создает для тех, кто не желает общения с ним. Соответственно существо, находящееся в аду, может в любое время изменить свое состояние и присоединиться к сообществу спасенных. Автор анализирует, как данная теория соотносится с концепцией метафизической либертарианской свободы воли, которая признается сторонниками теодицеи свободной воли (Р. Суинберн, Э. Стамп).

Автор приходит к выводу, что современные религиозно-философские рефлексии, развивающиеся в дискурсе гуманистической культуры, склонны к рациональному критицизму, который отбрасывает традиционную модель ада по причинам морального, психологического и логико-философского характера. Это порождает необходимость поиска новых теорий, призванных изменить или реинтерпретировать традиционную концепцию ада.

Ключевые слова: ад, проблема зла, христианство, спасение.

Introduction. The problem of hell is a philosophical problem related to the theological doctrine of eternal punishment and is a variation of the problem of evil. For centuries, the image of hell has filled millions of believers with fear. The traditional concept of hell is based on the following basic assumptions: (H1) The Anti-

Universalism Thesis: Some persons are consigned to hell; (H2) The Existence Thesis: hell is a place where people exist, if they are consigned there; (H3) The No Escape Thesis: There is no possibility of leaving hell; and (H4) The Retribution Thesis: The justification for hell is retributive in nature [5, p. 25].

The above described model has certain problematic aspects. The following statements have been accepted: (a) God exists, and He is as absolutely good, omnipotent and omniscient; (b) at least some of His rational creations are consigned to go to hell and stay there forever. The problem is that (b) seems inconsistent with the fundamental attributes of the divine essence encompassed in (a).

The **purpose** of the article is to analyze the second chance theories of hell in contemporary anglo-american philosophy of religion.

I will dwell on two of the most significant objections to the traditional model. First, the «juridical objection» to the traditional model of hell lies in the fact that there is an obvious discrepancy between the finite, limited evil that is committed by individuals, and infinite punishment. Indeed, although an external observer cannot determine with absolute accuracy the amount of evil caused by this or that person, and, therefore, cannot correlate it with the same evidently determined punishment, it is clear that the amount of offence committed during a single lifetime is disproportionate to further punishment that lasts forever.

Let us consider the juridical argument for the doctrine of eternal punishment, best expressed by Anselm of Canterbury (*Cur Deus homo* 1.7, 1.11). Because human beings have offended the infinite majesty of God by committing sin, or have demonstrated in this way the rebellion of limited will against the will of infinite Being, sin cannot be considered a limited action that deserves limited punishment. Accordingly, the punishment for any sin must be eternal. This explanation derives from the practice of feudal law. From this perspective, an appropriate punishment is primarily determined by not only the severity of the offense, but by status of the person injured. The obvious drawback of this theory, in my view, is that God as omnipotent Being cannot be *harmed* by anyone.

Second is the so-called «moral objection». In the most general form it can be presented as follows: the traditional doctrine of hell is inconsistent with the basic notions of love, justice and mercy that are expected from human beings and especially from an omniperfect God [1, p. 433–447; 5, p. 27–28]. It should be stressed that the problem of hell is not a complication exclusively within the Christian philosophical or theological system; it is also the marker by which external observers – atheists, agnostics or representatives of other religions – assess the ethical value of Christianity. For example, Antony Flew noted (*God and Philosophy*, 1966) that when Christians «really believe that God created people with the full intention of torturing some of them in hell forever, they might as well give up the effort to defend Christianity» (Cited according to: [10, p. 150]). David Lewis, considering the traditional doctrine of hell, also questions the concept of God's goodness. When considering the problem of hell, many researchers focus on evil that God cannot prevent; but there is also evil that is caused by God himself. Infernal punishment, says Lewis, is infinite in time and is more powerful than any earthly suffering. So God, in condemning people for such a huge torment, acts infinitely worse than the worst of tyrants did [7, p. 232]. Thus, as we can see, the doctrine of hell puts the morality of both Christianity and Christians under question.

The problem of hell is presented with a number of closely connected items – logical, philosophical, ethical and theological – and becomes acute in the process of careful examination of the doctrine of eternal punishment. A fundamental question that arises within the outlined discourse is how to «solve» the problem of hell. One response to the problem of hell is *annihilationism*. According to annihilationism, God just destroys the wicked souls, or allows them to die as a result of sin. In contrast to annihilationism, *universalism* affirms that all mankind will, sooner or later, be reconciled with God. J. Kvanvig points out that there are two branches of universalism – *contingent* universalism and *necessary* universalism [5, p. 74]. The latter affirms that not only is universal salvation possible, it will undoubtedly take place in reality, and furthermore the assumption that anyone could end up in hell is impossible. Most Christian theologians who share universalistic views hold to contingent universalism – although there is a risk that some people will end up in hell, as a matter of fact nobody will.

Contingent universalism is connected with another hypothesis that will be the main subject of my research. The matter concerns the *Second Chance Theories*¹ (posthumous conversion theories),

¹ The term was introduced by J. Kvanvig (1993) for any view denying that it is impossible for the damned to escape hell.

or «SCTs». According to SCTs, the verdict passed down to the sinful is not final, since there is still a chance for them to turn to God or perform other necessary acts *post mortem*. In line with advocates of the SCTs, human free will persists after death. God gives residents of hell a never-ending afterlife so that they can continue to choose whether to accept or refuse God's love. Most SCTs belong to the so-called issuant conceptions of hell that are prevalent today in Anglo-American philosophical theology and philosophy of religion. Many (but not all) of the issuantists adopt the following propositions. **The Less-than-Human Thesis:** One natural consequence of a person's rejection of God is the loss of the goods with which God endows people. The loss of these goods means the ultimate loss of humanity for the formerly human denizens of hell. **The Fixed Character Thesis:** The formation of an evil character explains how people can chose to remain in hell. **The Irrationality Thesis:** Because of libertarian human freedom, God must allow people to make irrational choices even if those irrational choices entail that they end up in hell. **The Extra Chance Theses:** In order to counteract the possible disadvantages of religious luck, God provides people with one or more postmortem opportunities to be saved [2, p. 124]. The absolute majority of issuantists accepts the Metaphysical Libertarian Human Freedom view and rejects the Retribution Thesis. The main reason for staying in hell is not external divine force, but the desires of a free being. Hell is seen as an autonomous (as far as it is possible within theism) place / state, which God in His love creates for those who do not want to communicate with Him. The theory of hell based only on the concept of God's justice cannot offer a comprehensive solution. An adequate conception of hell must flow from the same divine character from which heaven flows [5, p. 136].

As R. Baker indicates, there are several varieties of SCT: theses, including the possibility of escape or release from hell itself, some form of purgatory, or a restorative justice in which a person is purified through a personal encounter with God on judgment day [2, p. 132–133]. The main point of difference is as follows. One or an infinite number of postmortem chances are offered. Not all adherents of SCTs claim that the number of, or opportunities for, second chances are unlimited. Some believe that after death a person will be given a second chance, but only once. There are categories of people who during their earthly life had no real opportunity to choose between two alternatives – to accept God or reject Him. This refers primarily to those who died in infancy or early childhood until the age of reason (*aetas discretionis*), as well as insane persons. To answer the question of how such individuals can be saved, Heinrich Klee (1800–1840) suggested the Illumination Theory – at the moment of death the infant who have died without baptism is given a sudden illumination which enables him or her to desire the baptism and as a result to be saved (or not to be saved, if the proposal is rejected) [16].

There is another aspect of the issue. As we know, many people (e.g., those who lived before Christ, those who have never heard of Christian teaching, and so on) could not know about the gospel message. Since God is considered completely fair, He could not allow these people to be lost forever just because they had bad religious luck. Therefore, God gives them a postmortem opportunity to make a final decision. Stephen Davis, Jerry L. Walls and some others contemporary philosophers of religion develop this proposal. The advocates of the postmortem evangelization view think God's love cannot be limited by the time of our earthly life. If knowledge of Jesus did not occur before death, it must occur after death. This conclusion is based on some New Testament texts (John 3:18, 1 Pet. 3:18 – 4:6) and doctrine of Christ's descent into hell. Many proponents of postmortem evangelization (Donald Bloesch, Stephen Davis) think that this possibility of escaping hell will be provided, not for all people, but only for the unevangelized – those who have never heard the gospel in its fullness. According to Steven Davis: «Some who hear the gospel hear it in such a way that they are psychologically unable to respond positively. Perhaps they heard the gospel for the first and only time from a fool or a bigot or a scoundrel. Or perhaps they were caused to be prejudiced against Christianity by skeptical parents or teachers. Whatever the reason, I believe it would be unjust of God to condemn those who did indeed hear the good news but were unable to respond positively» (Steven Davis, «Universalism, Hell, and the Fate of the Ignorant», cited according to [12]).

On the contrary, A. Buckareff and A. Plug adhere to the thesis that God gives everyone an endless number of postmortem chances. In their opinion, God being patient and loving parent never ceases to desire to have His estranged child return and be forgiven. Therefore, He provides an infinite number of possibilities for repentance and salvation [4, p. 44].

Next I will mainly consider the theory of escapism suggested by Buckareff and Plug, as it is, in my opinion, the most significant among the SCTs. As the authors of this theory write: «The escapist view of hell can be captured in the following two theses: (E1) Hell exists and might be populated for eternity; and (E2) If there are any denizens of hell, then they, at any time, have the ability to accept God's grace and leave hell and enter heaven» [4, p. 46]. Buckareff and Plug throw out the suggestion that the residents of hell are wantons. They believe, a person must have both freedom and moral responsibility in hell with the possibility of the person coming to a point of repentance and being released from hell.

One of the main points of discussion between the supporters of the traditional model of hell, advocates of The Fixed Character Thesis and adherents of SCTs is the question of whether it is possible to change one's choice after death. According to the traditional model, conversion (*metanoia*) is possible only in this life. The choice made during one's earthly life completely and irreversibly determines one's eternal destiny. There are various explanations of why repentance (that is, one changing one's decision) is impossible in hell. Many think that the inability to change one's choice after death results from factors external to the person. For example, some believe that God limits or destroys a person's ability to make free choices (Theophylact of Ohrid, Commentary on the Gospel of Matthew, 22). The other view is that the freedom of the will of a resident of hell is damaged by some actions the subject performed. In other words, after death the will of the unrepentant sinner becomes fully determined by improper actions she performed during her lifetime. This position is typical for many issuantists who accept **The Fixed Character Thesis**. I will present some arguments these scholars use and consider how their arguments relate to the basic thesis of issuantism, namely the doctrine of libertarian freedom.

One who constantly resists good desires, says R. Swinburne, gradually transforms into a person in whom these desires no longer occur. She becomes prisoner of her depraved passion and no longer has the ability to choose to resist it [15, p. 181]. Some other philosophers of religion endorse such views, e.g. C. Lewis and E. Stump [6, p. 128–130; 13, p. 196]. Let's call these views the «character setting view» (CSV). It should be emphasized that many thinkers accepting CSV, combine it with **The Less-than-Human Thesis**. Swinburne believes residents of hell – that is, those who constantly resists good desires and have become totally depraved – can no longer be regarded as human beings. They turned themselves into something less than human [14, p. 48–49].

So what actually happens to the free will of the damned, according to these thinkers? It seems to me that in Lewis's system the fixed choice for evil the damned constantly make is constituted by the changes that occur with them on the ontological level. Lewis's world-view was influenced significantly by the neo-Platonism of Plotinus. This philosophical system regards God as a pure Being, the true source of life and goodness. Only God is perfect and only the existence of God is a complete and perfect good. The Cosmos has a hierarchical composition. Creatures standing in close proximity to God are more spiritual and real, and vice versa. At the very last step of the ontological scale there is primal matter. Lewis in line with this thinking, supposing those rational beings that stubbornly refused to follow God and moved further away from Him were becoming less good and less real. Their physical and mental structure is destroyed so much, that «a damned soul is nearly nothing» (Lewis, *Great Divorce*, 1946, cited according to [2, p. 63–64]). Although the damned souls may wish to get out of hell, this will never happen, because their wills are too weak and evil. Swinburne highlights key points somewhat differently. He agrees with Lewis that a person is capable of losing her soul, that is, of destroying the very essence of human nature. However, he is more focused on the issue of the disappearances of the intelligence and free will of the damned: «The man who has blinded himself to the goodness of things is no longer an agent, one who chooses what to do in the light of beliefs about its worth. ... The man has 'lost his soul'» [15, p. 177].

Thus, under this approach, people have libertarian freedom in order to be morally responsible. If the person makes bad choices for a long time, he forms a vicious character. For a person who has formed a vicious character, it becomes increasingly difficult to make good choices. Ultimately, he can reach a point where a choice for good will become virtually impossible. Such people make up the population of hell.

The CSV involves some problematic aspects. The question arises, what happens after death to those people who die before their characters are totally fixed? To my mind the issue of free will in character tracing theory is the most open to criticism. Swinburne, like several other supporters of CSV, holds that man is free in the sense that metaphysical libertarian freedom presupposes. But this

theory leads to the assumption that libertarian freedom is not a necessary feature of a human being. In fact, according to Swinburne, a person can use libertarian freedom only until his character is fully fixed. After this process is complete, the person no longer has libertarian freedom. The inhabitants of hell have lost their ability to make free choices, turning themselves into a kind of unreasonable animal, but the inhabitants of heaven also do not possess free will in the libertarian sense. Swinburne writes that although the inhabitants of heaven retain their free will their choice will lie only among a range of equally good actions. «Having no desires for the bad, they *inevitably* (italics mine. – V. K.) pursue only what they (correctly) believe to be good» [15, p. 190]. There is a strong temptation to conclude from the above that libertarian freedom is no more than an intermediate step to a kind of qualitatively «better» dimension of freedom, since this is a kind of freedom the inhabitants of heaven actually have. Consequently, this calls the value of libertarian freedom in question.

Swinburne himself does not make such a conclusion. On the contrary, the concept of libertarian freedom is at the centre of Swinburne's theodicy of hell. But if free will is such a great benefit, for the realization of which God allows to exist so many manifestations of evil, then why does this freedom appear to be so weak that it destroys as a result some (maybe numerous) acts of wrong choice? From this it may follow that God has transmitted some hidden defect to human nature. Proponents of CSV probably believe that the true realization of freedom necessarily implies that if a person trespasses upon this ability for a long time (i.e., makes a conscious choice in favor of evil), he destroys himself and his freedom. This state of affairs, they think, is logically necessary; even an omnipotent God cannot build the world differently, just as He cannot create a triangle with four corners. However, it seems to me it is not a self-evident conclusion. C. P. Ragland offers one of the possible solutions to this dilemma [11, p. 217].

One more objection to the CSV is that in the models of hell which include this thesis, there is a disproportion between the suffering that the damned experience and their misdeeds. Swinburne recognizes that the residents of hell feel some suffering – in particular, suffering that results from a lack of psychic integration [15, p. 182]. For the damned, whose character developed into totally corrupt one, this suffering will never end. However, the difficulty lies in the fact that the damned, since their character became completely fixed, are already deprived of the ability to choose anything. Their free will having been eliminated, they are no longer free or morally responsible for their actions. They were morally responsible before their character had finally been fixed as evil. During the time they were free and morally responsible, they committed some finite number of evil deeds. Because sins must be considered a limited action, which presupposes limited suffering, God, being just, cannot allow the damned to suffer forever. The argument that they continue in sin is not applicable here, since if the totally corrupted continue to sin in hell, they are responsible for this no more than animals or insane people.

Another discussion point can be set out with the help of such an analogy. Swinburne mentions Nazi butchers as an example of totally corrupted [15, p. 178]. Suppose however, that some are able to repent of their numerous crimes after death. The CSV presupposes a certain point of no return – in the continuum of human existence there is a moment after which we cannot put events in another scenario. Let us assume that Goebbels's character was not irrevocably approved in evil. He did not lose completely the human qualities such as reason and free will, so he could repent and was saved from hell. But his associate Mengele has passed the line that separates the fully fixed evil character from the not fully fixed. He destroyed his reason and ability to make free choices and so will remain forever in hell.

In our example, the degree of viciousness of Goebbels and Mengele was similar, although not absolutely equal. Goebbels was very close to the point of no return, but did not reach it, whereas Mengele, on the other hand, crossed the line. But God, being kind and loving, wants to give Mengele a chance for salvation also. How can He offer this chance to Mengele? It seems that in line with the general issuant thesis, God has to shift the point of no return. This means that creating human nature, God had to make it more «firm» in order to human character could be fixed in evil after more acts of bad choice than it happens now. In this case, Mengele (possibly) will escape hell also. However, in this case Alois Brunner, who (possibly) has established himself in evil little more than Mengele, will not be saved.

Thus CSV, in my opinion, is contrary to the freedom of will in the libertarian sense. True freedom requires that deep ego stand above one's nature, i.e., above empirical character. So, one may acquire some specific streaks, but also he may reject them again, without being identical with those traits.

Although the SCT theory seems to solve the problem of hell, it is contrary to some of the basic principles of Christian doctrine, therefore, it is unlikely to be adopted in Christianity as a real alternative to the traditional concept, at least until these principles are considered as invariable points of faith.

Firs of all I am talking about the question of an eschatological finality. Kvanvig writes: «This view of hell is not connected to Christianity in any significant way. In particular, it fails to be compatible with the eschatological dimensions of Christianity. Traditional Christian faith expects a final consummation of all things. This picture of hell is more akin to views that posit a cyclical or cylindrical order of events with no final consummation. A final consummation requires some account of what could or would happen to those who ultimately reject God. Because this account ignores this eschatological dimension of Christianity, it cannot be judged to be an acceptable solution to the problem of hell» [5, p. 73].

Thus, if the residents of hell can have a second chance and decide to choose God, then why don't the residents of heaven? That is, if it is possible for the residents of hell to leave, then it likewise seems possible for the residents of heaven to leave and thereby reject God. The theory ought to respond to this objection. If the escapist holds that the residents of heaven are free to leave, then his/her view faces other problems².

Conclusion. Within contemporary Christian philosophy of religion there are powerful trends toward rethinking traditional teachings on the matter of hell, postmortem punishment and destiny of the human soul. Modern philosophical theories developed in the context of humanistic culture tend to reject the traditional model of hell for moral, psychological, logical, and philosophical reasons. This creates a need to find new theories of hell.

According to issuantists, the traditional model of hell is incongruous with the idea of justice and it is contrary to ethical considerations. It also contradicts the nature of God as loving and merciful. The SCT avoids the most problematic issues of the traditional concept of hell. However, it does not meet the eschatological doctrine of Christianity and most likely will not get approval at an official level.

References

1. Adams, M. Hell and the God of Justice / M. Adams // Religious Studies. – 1975. – 11(4). – P. 433–447.
2. Baker, R. W. Issuant Views of Hell in Contemporary Anglo-American Theology / R.W. Baker. – Abo: Abo Akademi University Press, 2014. – 239 p.
3. Balthasar, H. Dare we hope: «that all men be saved»?; With a short discourse on hell / H. Balthasar. – San Francisco: Ignatius Press, 1988. – 254 p.
4. Buckareff, A., Plug, A. Escaping Hell: Divine Motivation and the Problem of Hell / A. Buckareff, A. Plug // Religious Studies. – 2005. – 41 (1). – P. 39–54.
5. Kvanvig, J. The problem of hell / J. Kvanvig. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1993. – 192 p.
6. Lewis, C. S. The Problem of Pain / C. S. Lewis. – New York: HarperCollins, 2009. – 176 p.
7. Lewis, D. Divine Evil / D. Lewis // Louise M.A. (Ed.) Philosophers without Gods: Meditations on Atheism and the Secular Life. – New York, 2007. – P. 231–242.
8. Matheson, B. Escaping Heaven / B. Matheson // International Journal for Philosophy of Religion. – 2013. – Vol. 75. – Iss. 3. – P. 197–206.
9. Pawl, T., Timpe, K. Incompatibilism, Sin, and Free Will in Heaven / T. Pawl, K. Timpe // Faith and Philosophy. – 2009. – 26 (4). – P. 398–419.
10. Pinnock, C. H. The conditional view / C. H. Pinnock // Four views on hell. – Grand Rapids, 1996. – P. 135–166.
11. Ragland, C. P. Love and Damnation / C. P. Ragland // Timpe K. (Ed.) Metaphysics and God: Essays in Honor of Eleonore Stump. – London; New York, 2009. – P. 206–224.
12. Sanders, J. Those Who Have Never Heard: A Survey of the Major Positions / J. Sanders [Electronic resource]. – Mode of access: http://rsc.byu.edu/archived/salvation-christ-comparative-christian-views/13-those-who-have-never-heard-survey-major#_edn29.
13. Stump, E. Dante's Hell, Aquinas's Moral Theory, and the Love of God / E. Stump // Canadian Journal of Philosophy. – 1986. – 16 (2). – P. 181–198.
14. Swinburne, R. A Theodicy of Heaven and Hell / R. Swinburne // Freddoso A. (Ed.) The Existence and Nature of God. – Notre Dame, 1983. – P. 37–54.
15. Swinburne, R. Responsibility and Atonement / R. Swinburne. – New York: Oxford University Press, 1989. – 224 p.
16. Vennari, J. Limbo to be Cast into the Outer Darkness? / J. Vennari [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.fatima.org/news/newsviews/limbo.asp>.

Has been received 12.08.2015

² See, for example [8, 197–206; 9, 398–419]. All these papers discuss the «problem of heavenly freedom», as Timpe and Pawl call it. Notably, Timpe and Pawl endorse the character setting/tracing strategy that is incompatible with the SCT.

УДК 316.334.2(476)

Н. Н. СЕЧКО

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: natsechko@yandex.ru

Обосновано, что показателем эффективности функционирования рынка труда является уровень жизни занятого населения. На основе данных социологического мониторинга Института социологии НАН Беларуси проанализирована региональная специфика уровня жизни населения: материальное положение белорусских семей, структура затрат, доступность материальных благ и услуг для городского и сельского населения.

Ключевые слова: уровень жизни, материальное положение, занятое население, городское и сельское население, рынок труда.

N. N. SECHKO

LIVING STANDARD OF THE EMPLOYED POPULATION AS AN INDICATOR OF LABOR MARKET FUNCTIONING EFFICIENCY

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus, e-mail: natsechko@yandex.ru

It is well founded that index of the labor market functioning efficiency is a standard of life of the employed population. On the base of sociological monitoring data researchers of the National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Sociology, have analyzed regional specifics of living standards of the people.

They analyzed such indicators as pecuniary state of Belarusian families, structure of expenses, and availability of material benefits and services for urban and rural inhabitants.

Keywords: living standard, pecuniary state, employed population, urban and rural inhabitants, labor market.

Современный этап мирового развития характеризуется макроэкономической неустойчивостью: мировые финансово-экономические кризисы, перераспределение финансовых потоков и производительных сил, обострение конкуренции, формирование новых центров экономического и политического лидерства. Происходящие трансформации затрагивают все подсистемы общества, ставя вопрос о выборе дальнейших направлений и моделей развития. Рынок труда является одной из основных подсистем общества. Как система социально-экономических и юридических отношений в обществе, норм и институтов он призван обеспечить нормальный непрерывный процесс воспроизводства рабочей силы и эффективное использование труда, поскольку от эффективности функционирования рынка труда зависит занятость населения, производительность труда и размер заработных плат, а в конечном итоге – уровень жизни населения в стране. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в структуре денежных доходов населения за 2005–2014 гг. около 2/3 составляет именно оплата труда: 2005 г. – 65,1%, 2008 г. – 63,9%, 2009 г. – 64,3%, 2010 г. – 63,1%, 2011 г. – 65,4%, 2012 г. – 63,9%, 2013 г. – 64,1%, 2014 г. – 62,5%. Доходы от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход, за период 2005–2014 гг. составляют около 1/10 денежных доходов населения (2012 г. – 10,5%, 2013 г. – 10,3%, 2014 г. – 8,5%). На трансферты населению (пенсии, пособия, стипендии и др.) приходится 1/5: 2012 г. – 20,7%, 2013 г. – 21,0%, 2014 г. – 21,1%. Доля доходов от собственности и прочих доходов мала: доходы от собственности в 2011 г. составляли 2,5%, в 2014 г. – 4,4%, а прочие доходы в 2011 г. – 1,5%, в 2014 г. – 3,5% [1, с. 111].

Таким образом, если учесть, что трансферты населению составляют выплаты незанятому населению, то основу доходов занятого населения составляет оплата труда, которую обеспечивает именно трудовая деятельность. Поэтому уровень жизни и материальное положение семей занятого населения являются индикаторами эффективности функционирования рынка труда в стране.

В рамках данной статьи уровень жизни рассматривается как социально-экономическая категория, выражающая обеспеченность населения потребительскими благами, которые характеризуются количественными показателями, абстрагированными от их качественных значений [2, с. 31–32]. Мы полагаем, что для изучения уровня жизни населения недостаточно статистических показателей, необходимы субъективные оценки соответствия этих параметров потребностям людей. По своей природе уровень жизни – это объективно-субъективная характеристика условий существования человека, которая зависит от развития потребностей самого человека и его субъективных представлений и оценок своей жизни. Некоторые объективные составляющие уровня жизни могут быть более актуализированы в сознании человека, другие совсем не актуальны. Поэтому в социологических методиках акцент сделан на изучение оценок населения. В рамках анализа используется индексный метод представления данных, индексы по каждому индикатору рассчитываются как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок: $J_q = S_{п/с} - S_o$. Значения индекса могут меняться в пределах от –100 до +100. Индекс равен 100, когда все население положительно оценивает определенную сторону жизни, снижение значений ниже нуля означает преобладание негативных ответов. Применение индексного метода позволяет выявлять социальные проблемы и «критические точки» в общественном мнении.

Анализ уровня жизни занятого населения в Беларуси основан на данных республиканских социологических мониторингов Института социологии НАН Беларуси, согласно которым в период с 2002 по 2008 г. занятое население отмечало улучшение своего материального положения, происходило снижение численности семей, отрицательно оценивающих свой достаток. Это подтверждается и статистическими данными: удельный вес малообеспеченного населения в 2002 г. составлял 30,5 %, в 2006 г. – 11,1 %, численность населения с доходами ниже бюджета прожиточного минимума снизилась до 5,4% на начало 2011 г. Начавшийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис затронул и Беларусь. Следует отметить, что до 2008 г. материальное положение семей занятых, проживающих в городах, улучшалось несколько быстрее, чем в сельской местности, что выразилось в меньшей доле респондентов, оценивавших материальное положение своих семей как «скорее плохое и плохое», а также в более высоких значениях индекса материального положения семей: в 2007 г. он составил для городского занятого населения 57,9 пункта, для сельского занятого населения – 52,8 п., в 2008 г. для городского занятого населения 62,5 п., для сельского занятого населения – 58,6 п. С 2009 г. влияние финансово-экономического кризиса в Беларуси начало ощущаться сильнее, вначале оно сказалось на деятельности хозяйствующих субъектов (предприятий), приведя к падению спроса на продукцию, отсутствию сбыта, неплатежам, а на рынке труда – к сокращениям, неполной занятости, задержкам выплаты заработной платы и снижению ее покупательной способности. Снижение эффективности функционирования рынка труда четко прослеживается и в снижениях оценок материального положения семей. К 2010 г. была обеспечена некоторая стабилизация ситуации, однако в 2011 г. кризисные явления проявились в полной мере: произошли девальвация белорусского рубля, резкий рост стоимости потребительских товаров, особенно продуктов питания. К концу 2011 г. доля населения с доходами ниже бюджета прожиточного минимума (малообеспеченных) возросла до 7,3 %, слой населения с доходами от 1 до 2 БПМ возрос до 40,2 % [3, с. 112]. Стоит отметить выявленную тенденцию: в условиях кризиса занятые в сельской местности более высоко оценивали материальное положение своих семей, чем занятые, проживающие в городах. Во многом это объясняется тем, что в условиях кризиса резко возросла стоимость продуктов питания, а поскольку доля расходов на них составляет от 41,3 до 53,0% потребительских расходов домашних хозяйств в Беларуси, то на городском населении это проявление кризиса сказалось сильнее. В сельской местности наличие личного подсобного хозяйства выступило буфером, смягчившим кризисные проявления [3, с. 160]. По итогам принятых в 2012 г. правительством мер значение индексов выросло и сравнялось для занятого населения как в городской, так и в сельской местности (табл. 1).

Таблица 1. Оценка занятым населением материального положения их семей, %, региональный разрез (здесь и далее Г – город, С – село)

Варианты ответов	2006 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.		2014 г.	
	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С
Хорошее	7,9	10,5	7,4	8,4	6,5	3,8	6,8	10,4	3,1	5,1	3,2	4,2	7,2	4,6
Скорее хорошее	9,0	6,3	9,1	6,1	7,0	8,3	7,4	8,0	7,4	10,2	8,9	10,8	13,4	12,6
Среднее	65,7	65,7	63,7	64,0	57,6	56,9	58,3	58,2	51,3	60,6	54,7	54,5	59,9	63,4
Скорее плохое	10,5	10,5	12,9	14,5	18,6	20,3	18,0	12,9	23,0	14,8	23,0	19,1	13,1	15,4
Плохое	4,7	4,6	4,8	5,4	7,1	7,2	5,9	6,3	9,8	8,3	6,3	9,0	5,4	1,7
Затруднились ответить	2,3	2,5	2,0	1,7	3,2	3,4	3,6	4,1	5,4	0,9	3,9	2,4	1,1	2,3
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Индекс материального положения семей, пункты	67,3	67,4	62,5	58,6	45,4	41,5	48,6	57,4	29,0	52,8	37,5	41,4	62,0	63,5

Анализ динамики материального положения семей подтверждает выявленные тенденции: с 2006 по 2008 г. материальное положение белорусских семей улучшалось, и темпы улучшений были существенны и значимы для населения. Материальное положение семей занятых, проживающих в сельской местности, согласно их оценкам, улучшалось гораздо быстрее, чем горожан. В 2009 г. занятые в городах уже ощутили влияние кризиса, т.к. он в первую очередь сказался на промышленном секторе, а не на сельском хозяйстве, где спрос и цены на сельскохозяйственную продукцию более устойчивы. Это обеспечивает и большую стабильность занятости в сельской местности, и большую материальную устойчивость домашних хозяйств: разница индекса динамики материального положения семей в городах и селах в 2009–2011 гг. достигала 4 раз (табл. 2).

Таблица 2. Динамика материального положения семей занятых, %

Варианты ответов	2006 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.		2014 г.	
	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С
Существенно улучшилось	5,8	7,2	3,8	5,1	2,5	3,1	2,9	3,9	2,2	1,9	2,5	1,8	3,4	4,0
Немного улучшилось	30,8	35,2	25,3	28,7	11,9	14,2	16,0	16,9	7,4	11,1	16,0	17,6	24,1	16,6
Не изменилось	46,7	47,5	45,6	46,4	36,5	42,6	35,5	50,6	22,8	25,9	35,2	38,0	42,9	53,1
Немного ухудшилось	10,7	5,9	17,2	12,3	33,7	24,9	30,4	19,3	32,0	31,5	27,6	26,1	21,7	20,0
Существенно ухудшилось	2,6	1,3	5,5	5,8	11,9	10,7	10,5	6,6	31,2	25,9	13,2	12,3	5,9	3,4
Затруднились ответить	3,4	3,0	2,5	1,7	3,5	4,5	4,7	2,8	4,4	3,7	5,6	4,2	2,1	2,9
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Индекс динамики материального положения, пункты	70,0	82,7	52,0	62,1	5,3	24,3	13,5	45,5	30,8	18,5	12,9	19,0	42,8	50,3

Результаты социологических мониторингов показывают, что в первую очередь население ориентировано на достижение баланса доходов и расходов («стараюсь жить по средствам»). Начиная с 2009 г. до 1/3 возросла доля занятых, реализующих активное экономическое поведение, старающихся повышать свой доход всеми возможными способами, однако в кризисные годы нестабильность занятости привела к снижению уровня жизни и увеличению доли респондентов, вынужденных снижать уровень своих запросов и потребностей (в 2008 г. доля таких респондентов составляла около 20% занятых, а в 2011 г. – около 30%) (табл. 3).

Значимым индикатором уровня жизни населения является структура затрат и доступности материальных благ и услуг для населения. Результаты социологических исследований выявляют, что на сегодняшний день большинству занятого населения в Беларуси хватает средств на оплату коммунальных услуг и квартплату, покупку продуктов питания, покупку товаров текущего пользования (хозяйственно-бытовых) и оплату бытовых услуг (парикмахерская, химчистка, службы быта и т. д.).

**Т а б л и ц а 3. Распределение ответов занятого населения на вопрос:
«Какого подхода Вы придерживаетесь в решении материальных проблем?», %, региональный разрез**

Варианты ответов	2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.		2014 г.	
	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С
Повышаю доход всеми возможными способами	23,2	23,9	30,9	28,4	29,7	28,7	26,2	24,9	28,6	29,9	26,3	24,7
Стараюсь жить по средствам	54,6	54,9	42,5	48,4	47,1	51,1	38,7	45,6	43,3	45,1	52,0	54,0
Снижаю уровень запросов и потребностей (в питании, одежде, отдыхе, др.)	19,6	19,9	23,8	17,6	21,0	18,9	30,8	27,6	24,6	22,2	19,3	19,5
Ничего не предпринимаю, пытаюсь отвлечься от проблем	2,6	1,3	2,8	5,5	2,1	1,4	4,3	1,8	3,5	2,8	2,4	1,7
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Однако на покупку одежды и обуви денежных средств хватает только у половины населения, а наиболее проблемным, даже для занятого населения, является приобретение товаров длительного пользования (в 2014 г. на это не хватало средств у 1/2 занятых), оплата отдыха и путешествий (в 2014 г. на это не хватало средств почти у 2/5 занятых), строительство дома, квартиры (в 2014 г. на это не хватало средств у 1/3 занятых), оплата лечения и медикаментов (в 2014 г. на это не хватало средств у 1/3 занятых). В кризисный 2011 г. занятые на селе острее чувствовали нехватку средств на покупку одежды и обуви, товаров текущего пользования, в то же время они не так остро, как горожане, ощущали нехватку средств на приобретение товаров длительного пользования, строительство жилья, оплату отдыха и путешествий, т.к. менее ориентированы на их потребление и не рассматривали отказ от них как снижение уровня жизни (табл. 4).

**Т а б л и ц а 4. Распределение ответов на вопрос:
«Хватает ли Вам средств на оплату следующих видов товаров и услуг?», %***

Варианты ответов	Показатель	2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.		2014 г.	
		Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С
Продукты питания	Хватает	79,2	74,5	79,8	84,8	70,3	72,5	80,9	82,9	84,3	86,3
	Не хватает	19,6	23,4	17,7	13,2	27,6	25,7	17,3	16,1	14,0	12,0
Одежда и обувь	Хватает	52,4	47,4	50,1	63,6	39,0	36,7	50,0	55,9	62,5	60,7
	Не хватает	44,6	49,1	46,8	33,6	55,1	60,6	46,5	40,6	34,7	37,6
Товары текущего пользования	Хватает	69,1	62,7	67,6	71,8	59,6	51,9	73,3	75,6	78,9	77,8
	Не хватает	24,8	30,5	25,3	22,0	32,9	37,1	22,5	19,4	16,4	19,3
Товары длительного пользования	Хватает	17,6	14,5	15,8	25,0	10,0	9,2	13,0	13,1	20,9	17,8
	Не хватает	60,0	53,5	59,5	55,7	62,3	53,0	61,2	61,0	58,5	52,9
Оплата коммунальных услуг	Хватает	81,4	79,0	82,4	79,3	86,4	84,8	90,4	87,1	88,4	93,1
	Не хватает	14,1	16,7	12,0	14,4	10,0	8,3	6,9	8,0	7,7	2,3
Оплата бытовых услуг	Хватает	53,6	40,9	54,0	54,9	52,1	47,2	63,8	60,7	65,5	60,1
	Не хватает	22,9	24,6	22,5	17,5	21,6	21,6	16,8	17,5	13,2	11,0
Содержание детей в дошкольных и учебных учреждениях, секциях	Хватает	31,1	30,9	34,3	35,7	38,2	32,5	38,9	38,5	39,8	39,2
	Не хватает	17,0	16,0	14,1	8,6	15,2	13,1	12,5	10,2	11,3	7,0
Платное образование ваше, детей	Хватает	13,2	8,9	14,0	11,7	12,6	12,6	12,8	10,0	15,2	12,4
	Не хватает	30,3	24,8	26,3	20,9	28,1	24,6	26,8	22,5	25,0	20,1
Оплата лечения и медикаментов	Хватает	54,4	48,4	46,8	52,7	48,1	55,7	57,0	61,1	64,1	59,5
	Не хватает	32,3	32,1	37,1	32,4	36,0	30,2	32,1	27,9	27,3	31,0
Строительство дома, квартиры	Хватает	4,8	2,5	6,0	3,7	3,7	2,3	6,1	3,5	6,6	4,1
	Не хватает	37,8	28,1	39,0	34,6	38,8	24,7	32,4	31,8	35,8	35,1
Отдых, путешествия	Хватает	12,3	2,9	9,1	6,5	7,0	3,7	11,4	9,2	17,1	9,2
	Не хватает	46,8	30,9	45,7	38,8	53,6	32,1	46,6	34,6	42,9	32,9

*Примечание. Варианты ответов «я не трачу на это средств», «у меня никогда не хватит на это денег» в данной таблице не представлены.

Среди проблем, волнующих занятое население, первые рейтинговые места занимают проблемы материального плана: в наибольшей мере людей волнует стоимость продуктов и товаров первой необходимости, уровень оплаты труда, инфляция, жилищные проблемы и тарифы на коммунальные услуги. В сельской местности занятых в большей мере, чем занятых в городах, волнует уровень оплаты труда, поскольку заработная плата в сельскохозяйственном секторе является одной из самых низких в сравнении с заработными платами в других отраслях и видах экономической деятельности. В кризисный 2011 г. на селе в 3 раза возросла доля занятых, обеспокоенных уровнем инфляции (с 15,7% в 2010 г. до 45,9% в 2011 г.). Проблемы здравоохранения и социального здоровья в обществе в равной мере беспокоят занятых как в городе, так и на селе. В кризисный 2011 г. на селе возросла обеспокоенность ростом пьянства (2010 г. – 32,9%, 2011 г. – 42,0%, 2012 г. – 28,9%).

Оценка перспектив дальнейшего изменения жизненной ситуации свидетельствует о довольно высоком уровне социального оптимизма среди занятого белорусского населения: значение индекса в 2014 г. составило для городских занятых 58,3 пункта, для сельских занятых – 61,0 пункта. В Беларуси события 2011 г. обусловили существенное снижение индекса. По сравнению с 2010 г. в 3 раза возросла доля занятых, полагающих, что их жизнь ухудшится. Обращает на себя внимание тот факт, что на протяжении последних 10 лет среди белорусов доля тех, кто затрудняется оценить возможные изменения в своей жизненной ситуации, является довольно высокой и составляет более 1/3 занятого населения. Данная часть респондентов осознает высокую степень зависимости социально-экономических процессов в стране от внешних макроэкономических тенденций и процессов, что не позволяет им высказывать уверенно-оптимистичные оценки изменениям жизненной ситуации (табл. 5).

**Т а б л и ц а 5. Распределение ответов занятого населения на вопрос:
«Как, по Вашему мнению, изменится Ваша жизнь в ближайшем будущем?», %, региональный разрез**

Варианты ответов	2007 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.		2014 г.	
	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С
Изменится к лучшему	29,8	31,2	38,4	36,3	31,1	34,9	33,8	35,7	24,8	27,4	28,5	33,1	40,7	29,9
Останется без изменений	22,2	24,8	21,0	18,0	23,7	19,4	25,9	26,1	17,4	17,8	24,7	25,0	23,0	32,2
Изменится к худшему	10,9	10,7	6,0	6,8	7,1	7,4	6,8	5,6	22,1	16,9	6,8	7,7	5,4	1,1
Затруднились ответить	37,1	33,3	34,7	39,0	38,1	38,4	33,6	32,6	35,7	37,9	39,9	34,2	30,9	36,8
Всего:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Индекс социального оптимизма, пункты	41,1	45,3	53,4	47,5	47,7	46,9	52,9	56,2	20,1	28,3	46,4	50,4	58,3	61,0

Следует отметить, что уровень социального оптимизма среди занятых в сельской местности имеет более высокие значения, что свидетельствует о том, что в сельской местности у занятого населения существует большая вариативность компенсаторных социально-экономических механизмов, нивелирующих колебания экономической эффективности занятости (личное подсобное хозяйство, большая стабильность занятости и защищенность от угрозы потери работы, рост сбыта и цен на сельскохозяйственную продукцию и др.). В ситуациях кризисов и потрясений занятые, проживающие в сельской местности, выражают больший оптимизм и чувствуют большую защищенность в условиях трансформаций, выражают большую уверенность в будущем. Таким образом, уровень жизни населения, его устойчивость и стабильность в условиях социально-экономических кризисов выступает индикатором эффективности функционирования рынка труда в целом и структуры занятости в стране.

Список использованной литературы

1. Статистический ежегодник. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. – 524 с.
2. Соколова, Г. Н., Сечко, Н. Н. Качество жизни в контексте финансово-экономического кризиса / Г. Н. Соколова, Н. Н. Сечко // Социол. исслед. – 2013. – № 5. – С. 31–40.
3. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2012. – 371 с.

Поступила в редакцию 23.12.2014

УДК 316.334.22

А. В. МАРТИНКЕВИЧ

**ИНФОРСМЕНТ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ:
АКТУАЛЬНОСТЬ, ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: antonvidok@gmail.ru

Выделены актуальность и проблемное поле предмета. Рассматриваются дефиниции понятия «инфорсмент». Приводится авторское определение указанного понятия. Рассматриваются основные формы реализации инфорсмента в сфере трудовых отношений. На основе данных социологического исследования выявляется наиболее предпочтительный по оценкам работников путь защиты трудовых прав (инфорсмент, увольнение, конформизм), а также форма реализации инфорсмента в сфере трудовых отношений.

Ключевые слова: инфорсмент в сфере трудовых отношений, формальный инфорсмент, неформальный инфорсмент, самоинфорсмент, самозащита.

A. V. MARTINKEVITCH

**ENFORCEMENT IN THE SPHERE OF LABOR RELATIONSHIPS:
TOPICALITY, CONCEPT, FORMS OF REALIZATION**

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus, e-mail: antonvidok@gmail.ru

In the article, topicality and science issues of the subject have allocated. Definitions of such concept as «enforcement» are considered. The author's definition of the concept «enforcement» has been resulted. Main forms of the enforcement realization in the labor relationship sphere are considered, too. Author revealed based on results of sociological researches the most preferable way of defense for employee's labor rights (enforcement, dismissal and conformism). Also based on sociological research results the most preferable form of the enforcement realization in the sphere of labor relationship has been revealed.

Keywords: enforcement in the sphere of labour relationship; formal enforcement; informal enforcement; self-enforcement; self-defence.

Актуализация социальной интенциональности в аспекте защищенности трудовых прав и законных интересов в процессе построения модели рыночной экономики основывается на развитии существующих институтов и (или) создании новых институтов. Следует отметить, что правомочия работника на действия по защите своих трудовых прав и законных интересов возведены в норму как в международном праве, общепризнанные принципы которого, согласно статье 8 Конституции Республики Беларусь, признаются Республикой Беларусь, так и в национальном праве, которое «приводится в соответствие с общепризнанными нормами международного права» [1]. Так, в абзаце пятом Декларации МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизме ее реализации, принятой Генеральной конференцией Международной организации труда на 86-й сессии в Женеве 18 июня 1998 г., отмечается, что «для усиления связей между социальным прогрессом и экономическим ростом особое значение и смысл имеет гарантия соблюдения основополагающих принципов и прав в сфере труда, так как она позволяет заинтересованным лицам свободно и на равных условиях требовать своей справедливой доли в богатстве, созданию которого они помогали, а также дает им возможность полностью реализовать свой человеческий потенциал» [2].

Если рассматривать национальное право Республики Беларусь, то следует акцентировать внимание на Основном законе – Конституции Республики Беларусь и Трудовом кодексе Республики Беларусь. Так, абзац третий статьи 41 Конституции Республики Беларусь гласит, что граждане имеют право на защиту своих экономических и социальных интересов, включая право на объединение в профессиональные союзы, заключение коллективных договоров (соглашений) и право на забастовку. В качестве одной из основных задач Трудового кодекса Республики Беларусь, зафиксированной в статье 3, выступает «установление и защита взаимных прав и обязанностей работников и нанимателей» [3]. Не вдаваясь в иные юридические тонкости гарантированности правового регулирования и охраны трудовых прав и законных интересов работников, следует подчеркнуть, что в Республике Беларусь существует достаточно развитый механизм обеспечения трудовых правоотношений (в том числе в аспекте защиты трудовых прав и законных интересов субъектов труда). В этот механизм входят как отдельные нормы, так и институты, субинституты и подотрасли права, регулирующие и охраняющие порядок «де-юре» в сфере труда (к примеру, в этот порядок входят деятельность профессиональных союзов, деятельность судебных органов, а также органов надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде).

Несмотря на изложенное, можно констатировать наличие *проблемного аспекта*, основанного на том, что на территории Республики Беларусь действует система формальных институтов, специализирующихся на защите трудовых прав и законных интересов работников посредством установленных законодательством юрисдикционных средств, однако данные юрисдикционные средства используются работниками не в полной мере в ситуации нарушения нанимателем их трудовых прав и законных интересов в силу превалирования определенного типа правовой ситуации. Данный тип правовой ситуации описывается в рамках теоретической типологии правовых ситуаций, которая выделена Т. И. Заславской и М. А. Шабановой. В частности, один из типов правовой ситуации указанных авторов сформулирован следующим образом: «Формально-правовые нормы носили и продолжают носить заведомо неправовой характер или устарели и не отвечают новым реалиям, в то время как социокультурные нормы, утвердившиеся в сознании общества, носят модернизационный характер. В этом случае выполнение неправовых или устаревших юридических норм выступает как законная, но неправовая и деструктивная практика, а нарушение этих норм – как противозаконное, но конструктивное, социально оправданное и поэтому правовое действие» [4, с. 10].

Представляется, что разрешение указанных проблемных аспектов заключается, *во-первых*, в выделении правомочий работников в ситуации нарушения нанимателем их трудовых прав и законных интересов, *во-вторых*, в выделении предпочтений работников в выборе способов защиты в ситуации нарушения нанимателем их трудовых прав и законных интересов, *в-третьих*, в сопоставлении предпочтений в выборе способов защиты и правомочий работников в ситуации нарушения нанимателем их трудовых прав и законных интересов. Изложенное становится возможным при реализации междисциплинарного подхода, который основан на анализе данных конкретного социологического исследования и анализе правовых актов, материалов правоприменительной практики в области регулирования и охраны трудовых прав и законных интересов работников.

С обеспечением защиты трудовых прав и законных интересов работников связано понятие «инфорсмент», которое отражает уровень связи между действующим законодательством и социальными практиками. Существует множество дефиниций указанного понятия. Так, представители Кемеровской школы экономической социологии М. И. Курбатова, Н. Ф. Апарина, Е. С. Каган выделяют следующие дефиниции понятия «инфорсмент»:

- 1) принудительное применение права (правоприменение);
- 2) принудительное проведение в жизнь каких-либо требований;
- 3) принуждение к выполнению требований трудового контракта (договора) [5, с. 48].

Особого внимания заслуживает первая из приведенных дефиниций, которая указывает на социально-правовую природу понятия «инфорсмент». Так, российский ученый-юрист С. С. Алексеев под правоприменительной деятельностью (правоприменением) понимает «систему разнородных действий основного и вспомогательного характера, имеющих творческое, организующее начало» [6, с. 318]. С точки зрения данного ученого, «по своей сути правоприменительная деятельность состоит в разработке и фактическом осуществлении организационных мер, направ-

ленных на то, чтобы обеспечить претворение предписаний правовых норм в жизнь» [6, с. 319]. Вышеназванные аспекты существенно конкретизируют приведенную российскими социологами дефиницию понятия «инфорсмент» в социально-правовом ключе.

Е. В. Ванкевич, доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе Витебского государственного технологического университета, определяет инфорсмент как «внутреннюю способность субъектов рынка труда выполнять все институциональные правила на нем» [7, с. 89].

Основываясь на социально-правовых аспектах в рамках приведенных дефиниций понятия «инфорсмент», можно выделить авторскую дефиницию указанного понятия, которая лежит в «рамке» обозначенной предметной области. **Инфорсмент в сфере трудовых отношений** – «совокупность действий одного субъекта труда по принуждению другого субъекта труда к соблюдению нарушенных прав в сфере трудовых отношений» [8, с. 205].

Выделяются следующие *«формы реализации инфорсмента в сфере трудовых отношений»*: формальный инфорсмент в сфере трудовых отношений; неформальный инфорсмент в сфере трудовых отношений; самоинфорсмент в сфере трудовых отношений; самозащита [9, с. 93].

Формальный инфорсмент в сфере трудовых отношений предполагает «обращение субъекта трудовых отношений в специальную организацию, **официально** призванную защищать права субъектов трудовых отношений» [10, с. 110]. Среди таких организаций можно выделить: профсоюз; инспекцию труда; суд; прокуратуру.

Неформальный инфорсмент в сфере трудовых отношений также предполагает обращение субъекта трудовых отношений, но к неофициальным субъектам, которые обладают потенциалом для защиты субъекта трудовых отношений, чьи права были нарушены (к примеру, СМИ, влиятельные знакомые).

Самоинфорсмент в сфере трудовых отношений предполагает самостоятельные действия субъекта трудовых отношений по защите своих прав, но в рамках норм существующего законодательства конкретной страны. Разновидностью самоинфорсмента является **самозащита**, которая основывается на самостоятельных действиях субъекта трудовых отношений по защите своих прав, но *не* в рамках норм существующего законодательства конкретной страны.

В ноябре-декабре 2013 года отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси проведено социологическое исследование республиканского масштаба, которое в одном из своих блоков ориентировалось на изучение инфорсмента трудовых отношений в контексте эффективности реализации социальной интенциональности в условиях экономических преобразований в Республике Беларусь. Социологическое исследование проводилось в рамках ГПНИ «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии («История, культура, общество, государство») на 2011–2015 гг., задание 3.1.03. В исследовании, сформированном по республиканской территориальной выборке, было опрошено 1595 респондентов (от 16 лет и старше). Выборка репрезентативна по полу, возрасту, образованию и регионам.

Проведенное социологическое исследование показало, что, несмотря на доминирование при защите трудовых прав формального инфорсмента, тем не менее значительная доля опрошенных работников обращаются к неофициальным формам реализации инфорсмента в сфере трудовых отношений. К примеру, 26,9% опрошенных респондентов в ситуации, когда наниматель нарушает их трудовые права, выбирают простой отказ от работы. Немаловажным фактом является и то, что большинство респондентов (59,2 %) в ситуации нарушения их трудовых прав наиболее эффективным считают самостоятельное урегулирование проблем, что свидетельствует о снижении эффективности способов, основанных на формальном инфорсменте.

Таким образом, современная ситуация на рынке труда в контексте развития инфорсмента в сфере трудовых отношений показывает, что на формально-правовом уровне существует развитая система института защиты трудовых прав. Однако эффективность способов, основанных на формальном инфорсменте в сфере трудовых отношений, снижается, что приводит к постепенному отказу от их использования в ситуации, когда наниматель нарушает трудовые права работников. При этом можно констатировать формирование социального заказа на индивидуально-договорной порядок защиты трудовых прав, состоящего в актуализации предпочтения в выборе самостоятельных форм защиты трудовых прав.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
2. Декларация МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации [Электронный ресурс]: принята Генеральной конференцией Международной организации труда на 86-й сессии, Женева, 18 июня 1998 года // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
3. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой Представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.07.2014 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
4. Заславская, Т. И., Шабанова, М. А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // Социол. исслед. – 2006. – № 6. – С. 1–32.
5. Курбатова, М. В., Апарина, Н. Ф., Каган, Е. С. Выбор работниками способов защиты своих трудовых прав / М. В. Курбатова, Н. Ф. Апарина, Е. С. Каган // Социол. исслед. – 2009. – № 9. – С. 48–60.
6. Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2 т. / С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – С. 318.
7. Ванкевич, Е. В. Институциональное строение рынка труда в Беларуси: направления оценки и развития / Е. В. Ванкевич // Белорус. экон. журн. – 2009. – № 4. – С. 88–103.
8. Мартинкевич, А. В. Инфорсмент в сфере трудовых отношений / А. В. Мартинкевич // Экономико-социологический словарь; сост.: Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк, науч. ред. Г. Н. Соколова. – Минск: Беларус. навука, 2013. – С. 205–207.
9. Мартинкевич, А. В. Инфорсмент как форма трудовых отношений между работником и работодателем в системе трудового спора / А. В. Мартинкевич // Социол. альманах. – 2013. – № 4. – С. 87–99.
10. Мартинкевич, А. В. Инфорсмент, или как белорусские работники защищают свои трудовые права / А. В. Мартинкевич // Социология РоСА. – 2012. – № 3. – С. 108–116.

Поступила в редакцию 20.10.2015

ГІСТОРЫЯ

УДК 94(476)«1921/1927»

В. В. ДАНИЛОВІЧ

МОЛАДЗЬ У СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧАЙ ВЯТВОРЧАСЦІ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ (1921–1927 гг.)

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь, e-mail: danilovich_v@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы участия молодежи в сельском хозяйстве Советской Беларуси в период осуществления новой экономической политики. Молодое поколение активно привлекалось к проведению ее мероприятий. Основным организатором выступал комсомол. В связи с расслоением крестьянства и демографическими изменениями юноши и девушки все более активно включались в хозяйственную деятельность на селе. Стабильно росло количество юных батраков. Постепенно увеличивалось количество молодых рабочих совхозов. Формы участия комсомола в хозяйственной жизни села с каждым годом становились все более разнообразными. С 1923 г. при сельских комсомольских ячейках началось создание сельскохозяйственных кружков, в работу которых были втянуты тысячи юношей и девушек. В 1924–1925 гг. регулярный характер приобрела мобилизация комсомольцев для работы на селе. Начала расти заинтересованность сельских комсомольцев, крестьянской молодежи в улучшении своего материального положения через получение практических, необходимых в хозяйстве знаний. Однако экономическая деятельность комсомола на селе велась непланоно, не всегда была приспособлена к хозяйственным условиям регионов. Слабо собирался и распространялся лучший опыт комсомольских ячеек и отдельных комсомольцев. В целом организация участия молодежи в сельскохозяйственном производстве БССР оставалась еще далекой от идеальной.

Ключевые слова: Советская Беларусь, молодежь, компартия, комсомол, сельское хозяйство, новая экономическая политика, крестьяне, сельскохозяйственные рабочие.

V. V. DANILOVICH

YOUTH IN THE AGRICULTURAL ACTIVITIES OF THE SOVIET BELARUS (1921–1927)

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus, e-mail: danilovich_v@mail.ru

Author of the article investigated the problem of youth participation in agriculture of Belarus in the Soviet period of the New Economic Policy. Younger generation was actively involved in the conduct of its undertakings. Komsomol acted as a main organizer of this work. In connection with the stratification of peasantry and demographic changes both boys and girls becoming more actively involved in the economic activities in rural areas. Steadily grew the number of young farmhands. The number of young farm workers gradually increased, too. Every year forms of participation in the economic life of the Komsomol village became more and more diverse. Since 1923, the rural Komsomol cells began the creation of agricultural circles, in which were involved thousands of boys and girls. In 1924–1925 years, regular mobilization of Komsomol got to work in the countryside. Both rural Komsomol and peasant youth interest to improve their financial situation by getting practical knowledge, necessary in the economy of knowledge, started to grow.

However, economic activities of the Young Communist League in countryside conducted unplanned. It was not always adapted to the economic conditions of the regions. Best practices of Komsomol cells and individuals have been collected and disseminated poorly. In general, the organization of youth participation in agricultural production in the Byelorussian SSR remained far from ideal yet.

Keywords: Soviet Belarus, youth, Communist party, Komsomol, agriculture, New Economic Policy, peasants, farm workers.

Як вядома, у разглядаемы перыяд большасць насельніцтва Савецкай Беларусі, а значыць, і малядога пакалення пражывала ў сельскай мясцовасці. Зразумела, юнацтва не маглі не закранаць сацыяльна-эканамічныя змены, якія там адбываліся.

З пачаткам новай эканамічнай палітыкі савецкія ўлады на вёсцы актыўна сталі прыцягваць юнакоў і дзяўчын да збору харчпадатку [1, л. 58]. Асноўным рухавіком у гэтай справе выступаў камсамол. Так, у чэрвені 1921 г. КСМБ у рамках кампаніі харчпадатку правёў 16 сходаў юных сельскіх жыхароў і 4 агульныя сходы, 2 гутаркі, 2 дыскусіі, 1 палітсуд, выпусціў 2 друкаваныя агітацыйныя старонкі [2, л. 12]. Гарадскія камсамольскія ячэйкі Савецкай Беларусі накіравалі на сяло для правядзення агітацыйна-прапагандысцкай працы 78 камсамольцаў [3, с. 10]. Актыўна ўдзельнічаў саюз і ў кампаніі па збору харчпадатку і ў 1922 г. [4, л. 1–2].

Акрамя гэтага, камсамольцы дапамагалі ўладам упарадкаваць землекарыстанне, пераразмяркоўваць зямлю на карысць беднага сялянства, аказвалі ўсебаковую дапамогу маламаёмасным сялянам і сем'ям чырвонаармейцаў [5, с. 108].

Яшчэ адным важным напрамкам дзейнасці камсамола ў галіне сельскай гаспадаркі было правядзенне пасяўных кампаній. Так, у сакавіку 1921 г. КСМБ супрацоўнічаў з павятовымі пасяўкамі і ажыццявіў мабілізацыю моладзі на курсы пры іх [6, л. 3].

У ЦК саюза існавала і пасада інструктара па саўгасах. Увогуле ў 1921 г. да сельскагаспадарчай працы ў саўгасах ССРБ прыцягваліся дапрызыўнікі ў адпаведнай чарговасці: спачатку беспрацоўныя рабочыя, затым асобы без пэўных заняткаў і спекулянты, а ў апошнюю чаргу – вучні (пераважна добраахвотна) [7, л. 26; 8, л. 20]. Гэта сведчыць пра наяўнасць недахопу працоўнай сілы ў саўгасах.

У 1921–1922 гг. камсамольскія арганізацыі Савецкай Беларусі прымалі актыўны ўдзел у разгортванні меліярацыйных работ, прыцягвалі да ўдзелу ў гэтай справе маладых і дарослых сялян [9, с. 195].

Камсамол арганізоўваў абмеркаванне хвалюючых сялянскае юнацтва пытанняў на валасных і павятовых маладзёжных канферэнцыях [3, с. 12].

Нягледзячы на складанае сацыяльна-эканамічнае становішча, дзяржава асабліваю ўвагу надавала падрыхтоўцы з юнакоў і дзяўчын праз сетку курсаў і школ аграномаў і спецыялістаў па арганізацыі сельскай гаспадаркі [10, л. 32].

Аднак у цэлым у 1922 г. на вёсцы адзначалася пагаршэнне сацыяльна-эканамічнага становішча юнага пакалення. Таму, каб палепшыць сваё матэрыяльнае становішча, вясковая моладзь усё больш актыўна ўключалася ў гаспадарчую дзейнасць. У першую чаргу гэта тычылася маладых сялян. У саўгасах па-ранейшаму адчуваўся вялікі недахоп рабочых [11, л. 18, 41], што можна патлумачыць насцярожаным стаўленнем юнацтва да працы ў гэтых гаспадарках.

З 1923 г. пры многіх вясковых ячэйках КСМБ былі створаны спецыяльныя сельскагаспадарчыя гурткі, у працу якіх былі ўцягнуты тысячы юнакоў і дзяўчын. Праводзіўся ўлік самастойных камсамольцаў-гаспадароў. Тыя з іх, якія дрэнна працавалі ў сваёй гаспадарцы, востра крытыкаваліся. Аднак, зразумела, большасць членаў саюза працавалі ў гаспадарках сваіх бацькоў. Камсамол пачаў праводзіць дзень ураджаю, нядзельнікі па ахове мясаў (летам гэта праца ўвогуле вялася сістэматычна), разгарнуў працу па ўкараненні ў сельскую гаспадарку навуковых рэкамендацый і перадавога вопыту [5, с. 110–111, 142–143; 9, с. 151, 191–194; 12, с. 7; 13, с. 46–47; 14, с. 218; 15, л. 16; 16, л. 22].

Напрыклад, у лістападзе 1923 г. КСМБ правёў дзень ураджаю ў Барысаўскім і Мінскім паветах. У першым – добра, а ў другім – не вельмі, паколькі ў акцыі не ўдзельнічалі савецкія і партыйныя арганізацыі [17, л. 57], што сведчыць аб адсутнасці ў саюзе сістэмнай каардынацыі з імі падобных мерапрыемстваў.

Камсамольскія ячэйкі арганізоўвалі брыгады ўзаемадапамогі, якія дапамагалі ўдовам, інвалідам і беднякам апрацоўваць зямлю. У дні веснавой сяўбы камсамольцы праводзілі нават спецыяльныя нядзельнікі [18, с. 43].

Неабходна адзначыць, што асабліва шмат юных асоб ва ўзросце да 20 гадоў было сярод батракоў (да 90 %). З-за вельмі нізкай аплаты іх праца шырока выкарыстоўвалася ў невялікіх гаспадарках. Сярод моладзі з ліку парабкаў мелася вялікая колькасць сірот, бежанцаў з галадаючых раёнаў, а таксама дзяцей батракоў і сялян. У некаторых заможных сялян працавалі па 2–3 парабкі. Эканамічнае становішча батракоў было цяжкім, адсутнічала ўсялякае рэгуляванне іх працы і яе аплаты. Памер заробку ўстанаўліваўся па вуснай дамоўленасці і залежаў ад заможнасці гаспадары, полу, узросту і колькасці працы. Аплата магла быць натуральнай: хлебам, адзеннем, жыллёвым

памяшканнем і харчаваннем. Пастухі працавалі пераважна сезонна, а парабкі на гаспадарцы – памесячна. Сярэдні заробак пастуха за лета быў у заможнага селяніна – 20, у сярядняка – 12, у бедняка – 5 пудоў зерня. Сярэдняя зарплата батрака на гаспадарцы за месяц складала: у заможнага селяніна – 3, у сярядняка – 1–1,5 пуда зерня. Працоўны дзень парабкаў быў ненармаваны. Пастухі-падлеткі ўвогуле працавалі без выхадных. У такіх умовах маладых батракоў асабліва хвалявала паляпшэнне свайго матэрыяльнага становішча [19, л. 39].

У большасці парабкі мелі сацыяльную страхоўку. Аднак яна моцна абцяжарвала сялян і тармазіла ўздым аплаты працы батракоў, бо вылічвалася не зыходзячы з заробку, атрыманага імі, а з ідэальнай зарплаты па стаўках прафсаюза. У выніку, калі парабак за сезон атрымаў 5 пудоў зерня, то яго сацыяльная страхоўка за гэты час складала 21 пуд зерня (палова ўраджаю селяніна-бедняка). Пры гэтым сялянам забаранялася датэрмінова звальняць батракоў-падлеткаў. Разам з тым сацыяльнае страхаванне батрацкага юнацтва не заўсёды было арганізавана належным чынам. Дрэннае становішча ў гэтай справе адзначалася, напрыклад, у кастрычніку 1923 г. у Мінскім павеце [17, л. 49].

Са свайго боку камсамольскія ячэйкі сачылі за выкананнем сялянамі ў адносінах да юнакоў і дзяўчын з ліку парабкаў дагавораў найму, устаноўленых законам умоў аплаты і прадастаўлення ім дзён адпачынку, не дазвалялі ўжываць у адносінах да іх фізічную сілу [5, с. 111; 13, с. 46; 20, с. 2].

У саўгасах жа з-за недахопу працоўнай сілы нарэшце здолелі ў значнай ступені прыцягнуць юнае пакаленне да адбудовы гаспадарак [21, л. 88].

Але далёка не ўся вясковая моладзь нават у саўгасах была ахоплена камсамольскай эканамічна-прававой працай. Асабліва слабай была гэта работа сярод падлеткаў-парабкаў. Да таго ж яны не былі ахоплены і працай прафсаюза работнікаў зямлі і лесу [22, л. 46–47]. У 1923 г., як паказвалі апытанні, многія батракі нават не ведалі пра існаванне камсамола [19, л. 35].

Камсамольскія арганізацыі пачалі надаваць увагу і папулярызацыі вынікаў сельскагаспадарчай працы. Так, напрыканцы ліпеня 1923 г. КСМБ прыняў удзел у падрыхтоўцы сельска-гаспадарчай выставы ў ССРБ [17, л. 4], пасля якой ЦК саюза накіраваў экскурсантаў-камсамольцаў на Усесаюзную сельска-гаспадарчую выставу ў Маскву [23, л. 78].

У 1924 г. з удзелам камсамольцаў прайшлі кампаніі па хлебнай пазыцы і збору сельскагаспадарчага падатку [24, л. 15; 25, л. 135].

З гэтага года ў шэрагу вёсак Савецкай Беларусі камсамольскім ячэйкам пачалі адводзіць па 1–2 дзесяціны, т. зв. «камсамольскія дзесяціны», якія па ініцыятыве маладога пакалення таксама пачалі называць «ленінскімі». Даходы ад іх ішлі на задавальненне калектывных патрэб вёскі. Там, дзе з-за недахопу зямлі атрымаць дзесяціны не было магчымасці, камсамольцы ва ўласных гаспадарках стваралі вопытна-паказальныя ўчасткі. Ячэйкі камсамола праводзілі вялікую працу па добраўпарадкаванні вёсак. Формы ўдзелу камсамольцаў у гаспадарчым жыцці сяла з кожным годам рабіліся ўсё больш разнастайнымі. У вясковых ячэйках ЛКСМБ пачалі праводзіцца конкурсы на лепшую сельскагаспадарчую работу [25, л. 65]. Сельскім камсамольцам вялікую дапамогу аказвалі іх гарадскія таварышы. Напрыклад, Мінскі АК саюза арганізаваў пры клубе імя КІМ гурток для падрыхтоўкі сельскіх электрыфікатараў [9, с. 193–195].

Але камсамольскія ячэйкі ў цэлым яшчэ слаба ўдзельнічалі ў падняцці сельскай гаспадаркі, сярод камсамольцаў адзначалася шмат растрат, што падрывала давер сялян да камсамола [26, л. 44].

У гэты час адбываўся рост расслаення на вёсцы, што найперш адбівалася на юнацтве [27, л. 22]. Значна павялічылася колькасць юнакоў і дзяўчын сярод парабкаў і беднякоў [24, л. 16].

На 1 лістапада 1924 г. у БССР батракоў ва ўзросце да 23 гадоў налічвалася 6800 чалавек [28, л. 110].

У саўгасах з гэтага года было ўведзена браніраванне працоўных месцаў для падлеткаў у паме-ры 10 % [25, л. 131]. Усяго ж у саўгасах рэспублікі на той час працавалі толькі 248 падлеткаў. З іх 196 з’яўляліся членамі прафсаюза работнікаў зямлі і лесу. Увогуле ў гэтым прафсаюзе мелася 525 камсамольцаў. Заробак падлеткаў у саўгасах у сярэднім налічваўся па 2–3-му тарифнаму разраду і складаў 8–12 руб. у месяц, але часта ён выплочваўся натурай [27, л. 16; 29, л. 80].

Рэгулярны характар набыла мабілізацыя членаў ЛКСМБ для працы на вёсцы.

Першапачаткова з 1 жніўня па 1 лістапада 1924 г. для працы на вёсцы былі мабілізаваны толькі 7 камсамольцаў-юнакоў: 3 (43 %) рабочыя, 1 (14 %) селянін, 3 (43 %) служачыя; 4 (57 %) беларусы, 2 (29 %) яўрэі, 1 (14 %) паляк; з камсамольскім стажам з 1918 г. – 1 (14 %), з 1920 г. –

3 (43 %), з 1921 г. – 1 (14 %), з 1923 г. – 2 (29 %); 5 (71 %) членаў і 2 (29 %) кандыдаты КП(б)Б; 2 (29 %) акруговыя работнікі саюза і 5 (71 %) раённых. Усім мабілізаваным была даручана работа на вёсцы раённага маштабу [30, л. 52]. Як бачым, сярод першых мабілізаваных камсамольцаў пераважалі беларусы, камуністы, выхадцы з рабочых, асобы з трохгадовым саюзным стажам і работнікі раённага ўзроўню. Зыходзячы з апошняга, можна нават канстатаваць, што адбылася не столькі мабілізацыя, колькі пераарыентацыя часткі раённых камсамольскіх работнікаў на курыраванне вясковай працы адпаведнага маштабу.

Напрыканцы снежня 1924 г. у камсамоле БССР пачалася чарговая мабілізацыя 50 гарадскіх актывістаў для працы на вёсцы: Мінск і Віцебск накіроўвалі па 10 чалавек, Бабруйск і Магілёў – па 7, Орша – 6, Барысаў і Мазыр – па 5 чалавек [25, л. 172]. Аднак гэтую развёрстку не выканалі на 2 чалавекі Мінскі, Аршанскі і Магілёўскі АК ЛКСМБ [31, л. 18]. Гэта сведчыць пра адсутнасць сярод членаў саюза паўсюднага энтузіязму ў гэтай справе.

Усяго на 1 студзеня 1925 г. было мабілізавана 44 чалавекі. З іх 24 (54 %) – сакратары бюро ячэек, 20 (46 %) – члены бюро ячэек, пры гэтым 16 з’яўляліся членамі РК, 6 – членамі АК, 1 – членам ЦК ЛКСМБ; 43 (98 %) юнакі і 1 (2 %) дзяўчына; 41 (93 %) з рабочых, 1 (2 %) з сялян, 2 (5 %) з батракоў; 37 (84 %) былі знаёмы з вёскай; 34 (77,2 %) беларусы, 7 (15,9 %) яўрэяў, 3 (6,9 %) іншых нацыянальнасцей (рускі, паляк і літовец); 27 (61 %) былі ва ўзросце 19–20 гадоў; 31 (70 %) мелі палітадукацыю 2-й катэгорыі, 13 (30 %) – 3-й катэгорыі; 7 (16 %) членаў і 29 (66 %) кандыдатаў КП(б)Б, 8 (18 %) беспартыйных; па стажу ў камсамоле 10 (23 %) – ад 6 да 3 гадоў, 29 (66 %) – ад 2 да 1 гадоў, 5 (11 %) – менш года; па стажу саюзнай працы 39 (89 %) ад менш 1 года да 2 гадоў; 32 (73 %) з’яўляліся членамі іншых грамадскіх арганізацый; па вытворчаму працоўнаму стажу 21 (48 %) – ад 5 гадоў і больш, 16 (36 %) – 1–2 гады, 7 (16 %) – 3–4 гады, пры гэтым большасць з’яўляліся чыгуначнікамі, папернікамі, металістамі і дрэваапрацоўшчыкамі [30, л. 54–55]. Як бачым, на другім этапе сярод мабілізаваных з’явіліся першыя дзяўчыны, а ўвогуле пераважалі беларусы, кандыдаты КП(б)Б, выхадцы з рабочых, сакратары бюро ячэек, асобы ва ўзросце 19–20 гадоў з палітадукацыяй 2-й катэгорыі, камсамольскім стажам ад 1 да 2 гадоў і стажам саюзнай працы да 2 гадоў, якія адначасова з’яўляліся членамі іншых грамадскіх арганізацый і мелі вытворчы працоўны стаж ад 5 гадоў і больш.

На 1 жніўня 1925 г. для працы ў вёсцы былі мабілізаваны яшчэ 40 членаў ЛКСМБ. З іх 21 (52,5 %) з ячэек, 15 (37,5 %) з РК і 4 (10 %) з АК; 38 (95 %) юнакоў і 2 (5 %) дзяўчыны; 37 (92,5 %) з рабочых, 3 (7,5 %) з іншых; 32 (80 %) былі знаёмы з вёскай; 19 (47,5 %) беларусаў, 15 (37,5 %) яўрэяў, 6 (15 %) іншых нацыянальнасцяў (2 рускія, 2 палякі і 2 літоўцы); 29 (72,5 %) былі ва ўзросце 19–20 гадоў; 28 (70 %) мелі палітадукацыю 3-й катэгорыі, 12 (30 %) – 2-й катэгорыі; 10 (25 %) членаў і 24 (60 %) кандыдатаў КП(б)Б, 6 (15 %) беспартыйных; па камсамольскаму стажу 8 (20 %) – ад 6 да 3 гадоў, 22 (55 %) – ад 2 да 1 года, 10 (25 %) – менш года; па стажу саюзнай працы 28 (70 %) ад менш 1 года да 2 гадоў; па вытворчаму працоўнаму стажу 24 (60 %) – ад 5 гадоў і больш, 13 (32,5 %) – 3–4 гады, 3 (7,5 %) – 1–2 гады. На працу ў вёскі рэспублікі, акрамя таго, прыбылі 12 камсамольцаў, мабілізаваных ЦК РЛКСМ [29, л. 12; 32, л. 5–7]. Вышэйзгаданае сведчыць, што на трэцім этапе сярод мабілізаваных захоўвалася ранейшая колькасць дзяўчын, а ўвогуле пераважалі беларусы, хаця іх колькасць і скарацілася, а колькасць яўрэяў вырасла больш чым у 2 разы, кандыдаты КП(б)Б, выхадцы з рабочых, актывісты з ячэек, асобы ва ўзросце 19–20 гадоў з палітадукацыяй 3-й катэгорыі, камсамольскім стажам ад 1 да 2 гадоў і стажам саюзнай працы да 2 гадоў, якія мелі вытворчы працоўны стаж ад 5 гадоў і больш. Да таго ж мабілізаваных беларускіх камсамольцаў яўна не хапала, таму ў БССР былі дадаткова накіраваны камсамольцы, мабілізаваныя ў РСФСР.

Мабілізаваныя 1 студзеня 1925 г. камсамольцы прайшлі 10-дзённыя курсы па азнаямленні з практыкай вясковага жыцця [31, л. 5]. З іх 19 (43 %) была даручана праца вясковага маштабу, 22 (50 %) – раённага, 3 (7 %) – акруговага. Пры гэтым большая частка мабілізаваных членаў саюза былі накіраваны ў Мазырскую (6), а найменшая – у Калінінскую (3) акругу. Па 5 чалавек былі накіраваны ў Барысаўскую, Мінскую і Полацкую акругі, а ў астатнія 5 акруг – па 4 чалавекі [30, л. 53]. З такога размеркавання можна зрабіць выснову, што найгорш вясковая праца камсамола была арганізавана ў Мазырскай, а найлепш – у Калінінскай акрузе.

З мабілізаваных на працу ў вёску 1 жніўня 1925 г. гарадскіх камсамольцаў-актывістаў толькі 6 былі накіраваны на вясковую працу, 32 – на раённую і 2 – на акруговую [32, л. 7].

Як бачым, у арганізацыі камсамольскай вяскавай працы ў рэспубліцы ў 1925 г. найбольш не хапала каардынацыі на раённым узроўні.

Увогуле больш $\frac{3}{4}$ камсамольцаў-актывістаў былі мабілізаваны не па жаданні, а падабраны па сацыяльным, нацыянальным, партыйным складзе і дзелах якасцях [30, л. 55]. Некаторыя з мабілізаваных з-за сацыяльных прычын не хацелі ехаць у вёску [31, л. 19]. Да таго ж не былі своечасова вызначаны месцы іх размеркавання, і яны працяглы час бяздзейнічалі. Адсутнічала таварыская падтрымка мабілізаваных з боку камсамольскіх арганізацый, якія іх накіравалі. Усё гэта вяло да ўпадніцкіх настройў сярод мабілізаваных камсамольцаў. Увогуле многія з іх не справіліся з даручанай працай [33, л. 102]. Некаторыя дысерціравалі з вёскі [34, л. 175]. Некалькі мабілізаваных былі накіраваны назад у распараджэнне ЦК ЛКСМБ (прычым без узгаднення з ім, што абавязкова патрабавалася) як непрыдатныя для вяскавай працы [35, л. 8]. Усё вышэйзгаданае сведчыць аб дрэнным падборы ў саюзе кандыдатур для мабілізацыі.

На 1 кастрычніка 1925 г. для працы ў вёсцы былі мабілізаваны яшчэ 32 члены камсамола: 21 (65,6 %) беларус, 8 (25 %) яўрэяў, 3 (9,4 %) іншых нацыянальнасцей; па сацыяльным паходжанні – 17 (53,1 %) з рабочых, 6 (18,8 %) з сялян, 1 (3,1 %) з батракоў, 8 (25 %) з іншых; 24 (75 %) актывісты ячэек, 3 (9,4 %) сакратары ячэек, 1 (3,1 %) сакратар РК, 2 (6,3 %) члены АК, 1 (3,1 %) інструктар АК, 1 (3,1 %) загадчык палітасветааддзела АК. Акрамя таго, у вёску былі накіраваны яшчэ 15 камсамольцаў, мабілізаваных ЦК РЛКСМ (амаль усім ім даручылі працу інструктараў АК і сакратароў РК). Непасрэдна з ЦК ЛКСМБ на вясковую працу (пераважна раённую: сакратарамі РК і ў палітасветааддзелах) было камандзіравана яшчэ 19 чалавек [36, л. 114–115]. Як бачым, на чацвёртым этапе сярод мабілізаваных пераважалі беларусы, актывісты ячэек, выхадцы з рабочых. Беларускаму саюзу таксама зноў спатрэбілася дапамога расійскага камсамола і нават у большым маштабе, чым на трэцім этапе.

Разам з тым у 1924–1925 гг. камсамольцы Савецкай Беларусі больш-менш рэгулярна працягвалі весці меліярацыйную працу: праводзілі няздзельнікі па рыцці асушальных каналаў і канаў, будаўніцтву гацяў, раскарчоўцы асушаных балот, арганізоўвалі здабычу торфу на паліва і ўгнаенне [5 с. 143–144; 9, с. 195–196].

Колькасць сельскагаспадарчых гурткоў у гэты час у БССР вагалася ад 300 да 500. Яны дзейнічалі амаль пры ўсіх вясковых ячэйках ЛКСМБ. У іх займаліся каля 10 тыс. чалавек (пераважна юных асоб). У гуртковай працы акрамя сялянскай моладзі ўдзельнічалі дэмабілізаваныя чырвонаармейцы і настаўнікі [9, с. 198; 29, л. 39; 31, л. 7].

Аднак мелася шмат выпадкаў, калі стварэння ЛКСМБ на вёсцы гурткі хутка развальваліся, кааператывы прагаралі, а камсамольцы не спраўляліся з даручанай працай. У выніку сяляне не давяралі саюзу [31, л. 9].

У 1925 г. камсамольцы прымалі актыўны ўдзел у працы зямельных камісій, дапамагалі праводзіць землеўладкавальныя работы па перамеркаванні лішкаў зямлі ад заможных да малазямельных сялян, у першую чаргу беднякоў і батракоў; нарыхтоўцы збожжа, наладжвалі суботнікі па ўборцы ўраджаю сем'ям чырвонаармейцаў і ўдовам [5, с. 139; 9, с. 179; 37, л. 52; 38, л. 68].

У сакавіку 1925 г. пачалі стварацца аб'яднаныя шэфтаварыствы рабочых над вёскай. Ячэйкі камсамола ўліліся ў іх працу і ўцягвалі ў шэфтаварыствы маладых рабочых і вучняў [33, л. 17].

У выніку кампаніі ЛКСМБ па ўзняцці вытворчасці працы меліся сотні фактаў ініцыятывы сялянскага юнацтва па паляпшэнні сельскай гаспадаркі [39, л. 81].

Але ў цэлым ячэйкі саюза слаба ўдзельнічалі ў працы па ўздыму сялянскай гаспадаркі, павелічэнні эканамічнага дабрабыту вёскі, стварэнні калгасаў. У камунах назіраліся хуткія выпадкі расчаравання і выхаду з іх юнакоў і дзяўчын. З аднаго боку, адзначаліся спробы камсамольцаў запалохаць, камандаваць і загадваць сялянамі, а з другога – вясковыя камсамольцы імкнуліся пераязджаць у горад з-за малазямеллі і непрыбытковасці сялянскай гаспадаркі. Усё гэта падрывала аўтарытэт камсамола ў вачах сялян [31, л. 5, 11–12; 37, л. 4, 31, 45; 40, л. 58; 41, л. 6; 42, л. 15].

У 1925 г. у сельскай гаспадарцы БССР у час уборкі ўраджаю было дазволена падаўжэнне працоўнага дня для падлеткаў з умовай яго скарачэння ў іншыя перыяды ці выплаты кампенсацыі за адпрацаваны час [43, л. 78].

Увогуле ў 1925 г. падлеткі ва ўзросце да 18 гадоў складалі 50 % ад усіх батракоў рэспублікі: на 1 студзеня налічвалася 6388 падлеткаў-парабкаў, а на 1 ліпеня – 7902 (гэты рост можна растлумачыць як сезоннае павелічэнне). Дзяржава прадпрымала захады па пераводзе аплаты іх працы з натуральнай на грашовую. Заробак падлеткаў-батракоў паступова павялічваўся: на 1 студзеня ён складаў 2,5–3 руб., ці 50 % зарплаты парабкаў старэйшага ўзросту, а на 1 ліпеня – 4–5 руб., ці 63 %. Заробак батракоў ва ўзросце ад 18 да 23 гадоў быў роўны зарплате дарослых парабкаў [39, л. 30–31].

У жніўні 1925 г. СНК БССР пастанавіў, што за батракоў 12–14-гадовага ўзросту працоўныя дагаворы павінны заключаць бацькі ці апекуны. Аднак ЦК ЛКСМБ выступіў супраць гэтай пастановы, за тое, каб гэтыя дагаворы заключаў прафсаюз работнікаў зямлі і лесу [44, л. 35], што сведчыць аб лабіраванні ім інтарэсаў прафсаюзаў.

Напрыканцы 1925 г. у БССР сярод 11621 юнага парабка (64 % ад агульнай колькасці батракоў) налічвалася 5345 (46 %) падлеткаў ва ўзросце да 16 гадоў. Працоўныя дагаворы мелі толькі 7448 (64 %) чалавек з моладзі парабкаў, але іх выкананне правяралася слаба. Усяго 1300 (11 %) маладых батракоў з’яўляліся членамі прафсаюза работнікаў зямлі і лесу. Зарплата батрацкага юнацтва па-ранейшаму залежала ад узроўню гаспадаркі наймальніка, узросту і полу парабкаў. У сярэднім па рэспубліцы яна складала 4,5 руб. у месяц, што было ніжэй дзяржмінімуму і, нягледзячы на ўсе захады, на 75 % мела натуральны характар (харчаванне, жыллёвыя памяшканні, абутак і адзенне). Пры гэтым аплата працы юных батракоў у моцных сялянскіх гаспадарках у сярэднім была ў 3 разы большай, чым у слабых [29, л. 63–64, 80; 45, л. 17; 46, л. 21; 47, л. 123].

У саўгасах жа БССР на 1 студзеня 1925 г. налічвалася 202 падлеткі ва ўзросце да 18 гадоў (2,6 % ад усіх рабочых), а на 1 ліпеня – 301 (3,5 %). Як бачым, у параўнанні з 1924 г. колькасць падлеткаў даволі значна вагалася. Запаўненне броні для падлеткаў па саўгасах складала каля 75 %. Пры гэтым нормы працы падлеткаў не ўсюды вытрымліваліся. Былі выпадкі падаўжэння іх працоўнага дня да 10 гадзін, як і ў дарослых рабочых. Заробак падлеткам плацілі па 1-му і 2-му тарыфных разрадах (7 руб. 75 кап. – 9 руб. 25 кап.), што складала 38,8–42 % ад зарплаты дарослых рабочых і было менш, чым у 1924 г. Юнакі і дзяўчыны ва ўзросце ад 18 да 23 гадоў складалі 10 % ад усіх рабочых саўгасаў і атрымлівалі заробак у такім жа памеры, як і дарослыя рабочыя [39, л. 31–32].

На 1 кастрычніка 1925 г. ва ўсіх саўгасах рэспублікі рабочых ва ўзросце да 23 гадоў налічвалася 1073 чалавекі (19 % ад усіх рабочых саўгасаў, за 9 месяцаў гэты працэнт вырас амаль у 2 разы). З іх 464 – падлеткі ва ўзросце да 18 гадоў (8 % ад усіх рабочых саўгасаў). За 3 месяцы іх колькасць вырасла больш чым на 50 %. Пры гэтым 327 падлеткаў працавалі па броні (70,5 %), з іх 45 былі пераросткамі (13,8 %). Зарплата юных рабочых саўгасаў з чэрвеня па жнівень 1925 г. вырасла ў сярэднім на 1 руб. 15 кап. Памеры заробку моладзі саўгасаў вагаліся ад 3-га да 5-га тарыфнага разраду (большасць прыходзілася на 3–4-ы разрады) і складалі 12–17 руб. У цэлым ён прыраўноўваўся да зарплаты дарослых рабочых. Зарплата ж падлеткам плацілася па 1–3-му разрадах (8–12 руб.) Сярод падлеткаў, якія працавалі па броні ў саўгасах, 18 % мелі 3-ці разрад, 70 % – 2-гі разрад, 12 % – 1-ы разрад [29, л. 64–65, 80]. Такім чынам, большасці падлеткаў заробак налічваўся па 2-му разраду.

Напрыканцы 1925 г. запаўненне броні для падлеткаў па саўгасах знізілася да 62 %. Пры гэтым меўся цэлы шэраг парушэнняў вызначаных заканадаўствам умоў працы падлеткаў: непрыдатнае жыллё; выкарыстанне на дапаможных працах; працоўны дзень летам часам павялічваўся да 10 гадзін; пераросткі доўга не пераводзіліся з броні ў штат; 55 % падлеткаў, працуючых па броні, навучаліся не па праграме і г. д. [33, л. 127].

У пачатку 1926 г. па БССР у саўгасах і на дапаможных тэхнічных прадпрыемствах пры іх 21 % ад усіх сельгасрабочых складалі маладыя асобы ва ўзросце да 23 гадоў (1091 чалавек: 870 юнакоў і 221 дзяўчына). Як бачым, рост іх колькасці працягваўся. Усе яны з’яўляліся членамі прафсаюза работнікаў зямлі і лесу. Аднак юнацтва слаба ўдзельнічала ў працы вытворчых нарад і камісій у саўгасах. Вялікая частка юных саўгаснікаў з’яўлялася палявымі рабочымі і атрымлівала заробкі па 5-му тарыфнаму разраду. Дзяўчыны працавалі галоўным чынам на скотных дварах і ў малачарнях. Іх праца аплочвалася па 3–4-му разрадах. Акрамя грошай саўгасная моладзь атрымлівала па 8 пудоў бульбы ў месяц, 1,5 л малака ў дзень, а таксама памяшканне для жылля з ацяпленнем [47, л. 119, 121].

У саўгасах рэспублікі на 1 ліпеня 1926 г. было 357 падлеткаў-браневікоў (9 % ад усіх рабочых саўгасаў), сярод іх пераросткаў – 21,5 %. Гэтыя лічбы сведчаць як аб росце ў параўнанні з 1925 г. працэнта падлеткаў сярод рабочых саўгасаў, так і аб росце колькасці падлеткаў-пераросткаў. Увогуле 55–60 % падлеткаў былі забраніраваны на дапаможных тэхнічных прадпрыемствах, што лічылася дрэнным, паколькі там адсутнічалі перспектывы пераводу падлеткаў у штат. У большасці саўгасаў заканадаўчыя нормы працы падлеткаў па-ранейшаму не вытрымліваліся. Маладыя саўгаснікі атрымлівалі зарплату пераважна па 5–6-му тарыфных разрадах. Сярэдні іх заробак вырас на 1 кастрычніка 1926 г. да 19 руб. 20 кап. [47, л. 120; 48, л. 49].

На 1 ліпеня 1926 г. у БССР налічвалася 14342 батракі ва ўзросце да 23 гадоў: 10756 (75 %) юнакоў, 3586 (25 %) дзяўчын; 8107 (57 %) ва ўзросце да 18 гадоў, 6235 (43 %) – 18–23 гадоў; 7947 (55 %) пісьменных і малапісьменных, 6395 (45 %) непісьменных; 2868 (20 %) з працоўным стажам 1–2 гады, 7170 (50 %) – 3–5 гадоў, 4304 (30 %) – 5–8 гадоў і вышэй; 3072 (21 %) членаў прафсаюза работнікаў зямлі і лесу; 1053 (7 %) членаў кас узаемадапамогі; 9036 (63 %) мелі працоўныя дагаворы. У батрацкіх камітэтах налічвалася 311 камсамольцаў, 32 камсамольцы-парабкі з’яўляліся членамі бюро кас узаемадапамогі. Сярэдні заробак юных батракоў у параўнанні з 1925 г. павялічыўся на 1 руб. 42 кап. [47, л. 122–123; 49, л. 16]. Як бачым, за паўгода колькасць батрацкага юнацтва вырасла амаль на 3 тыс. чалавек (гэта можна растлумачыць надыходам сезона вяснова-летняй працы). Сярод яго пераважалі хлопцы ва ўзросце да 18 гадоў з працоўным стажам 3–5 гадоў, амаль палову складалі непісьменныя асобы, колькасць членаў прафсаюза работнікаў зямлі і лесу ўзрасла больш чым у 2 разы, а колькасць парабкаў, якія мелі працоўныя дагаворы, больш чым на 1500 чалавек, аднак у працэнтных адносінах зменшылася на 1 %. Апошняе сведчыць аб пэўным замаруджванні тэмпаў пашырэння заключэння батракамі і іх гаспадарамі працоўных дагавораў.

Увогуле ў 1926 г. у рэспубліцы ў выніку актыўнай працы саўгасных, вясковых і мястачковых ячэек ЛКСМБ уся саўгасная моладзь аказалася пад уплывам саюза, каля паловы яе сталі камсамольцамі [9, с. 196].

У гэтым годзе вясковыя арганізацыі камсамола вялі кампанію рэжыму эканоміі праз стварэнне паказальных участкаў сельскагаспадарчай вытворчасці (з выкарыстаннем у тым ліку машынай апрацоўкі зямлі), асушэнне балот, барацьбу з бяскорміцай сельскагаспадарчай жывёлы. Арганізаваліся камсамольскія сельскагаспадарчыя дружны для дапамогі сялянам-беднякам. Расла зацікаўленасць камсамольцаў у паляпшэнні асабістай гаспадаркі, на ячэйках заслухоўваліся іх справаздачы аб працы ў сельскай гаспадарцы, вызначаліся канкрэтныя практычныя заданні. У шэрагу камсамольскіх арганізацый БССР былі праведзены нарады камсамольцаў-гаспадароў [29, л. 26–27; 50, с. 2; 51, л. 587; 52, л. 7]. Восенню 1926 г. ЦК ЛКСМБ правёў першы Усебеларускі конкурс на лепшы сельскагаспадарчы гурток (прэміяльны фонд конкурсу складаў 1265 руб.) [53, л. 138; 54, л. 213].

Аднак большасць камсамольцаў яшчэ не ўзяліся за практычную працу па паляпшэнні сваёй асабістай гаспадаркі, бо не ведалі практычных шляхоў, асабліва ва ўмовах трохполля. Кіраўніцтва гэтай справай не было сістэмным. Камсамольскія гаспадаркі амаль не адрозніваліся ад іншых сялянскіх гаспадарак, за нязначным выключэннем (Служкая акруга). Некаторыя ячэйкі і нават раённыя камітэты саюза надзвычай слаба ўдзельнічалі ў кампаніі па зборы сельгаспадатку. Увогуле эканамічная праца камсамола рэспублікі на вёсцы характарызавалася як слабая, асабліва сярод маладых парабкаў [34, л. 116, 162; 55, л. 7–8].

На гэты час толькі 53 % мабілізаваных камсамольцаў засталіся на працы ў вёсцы. Сярод іх былі выпадкі дысерцірства і катэгарычнага адмаўлення ад працы. Некаторыя мабілізаваныя зусім не адпавядалі той рабоце, на якую іх рэкамендавалі [51, л. 579]. Гэта яшчэ раз падкрэслівае дрэнны падбор мабілізаваных для работы на вёсцы камсамольскіх кадраў і адсутнасць у ЛКСМБ адладжанай сістэмы па арганізацыі вясковай працы саюза.

Сярод юнацтва заможных сялян у гэты час адзначалася імкненне да прыватна-ўласніцкай нажывы [45, л. 9].

Юнакі і дзяўчыны з ліку бядняцкага і сярдняцкага сялянства імкнуліся палепшыць сваё матэрыяльнае становішча праз узяцце ўзроўню гаспадарання, атрыманне практычных, патрэбных у гаспадарцы ведаў. Аднак сярод юных сялян адзначалася незадаволенасць выдачай крэдытаў

пераважна сярэднякам. Да таго ж у БССР адзначаліся праблемы з выдачай сельскагаспадарчых крэдытаў сем'ям чырвонаармейцаў тэрміновай службы [56, л. 70–71]. 3-за дрэнных матэрыяльных умоў батрацкая і бядняцкая моладзь імкнулася пераехаць у горад. Падобнае імкненне назіралася і ў маладых сярэднякоў [53, л. 100–101; 57, л. 8–9].

На 1 студзеня 1927 г. па БССР налічвалася 15660 батракоў ва ўзросце да 23 гадоў (67 % ад усіх парабкаў). З іх працоўныя дагаворы мелі 14722 (94 %) чалавекі, але яны заключаліся несвоечасова (праз 2–3 месяцы пасля найму) і ў значнай ступені былі незадавальняючай якасці. Па-ранейшаму адсутнічала сістэма праверкі выканання працоўных дагавораў [49, л. 15–16]. Як бачым, за паўгода колькасць батрацкага юнацтва вырасла амаль на 1,5 тыс. чалавек (і гэта нягледзячы на заканчэнне сезонных прац). Ахоп юных парабкаў працоўнымі дагаворамі вырас на 31 % і стаў амаль поўным. Гэта несумненны вынік зладжанага ўзаемадзеяння дзяржавы і грамадства ў дадзеным кірунку.

Рост колькасці моладзі сярод батракоў не спыняўся і далей. Так, напрыканцы 1927 г. у рэспубліцы налічвалася 20063 парабкі ва ўзросце толькі да 18 гадоў (25 % ад усіх батракоў) [58, л. 367]. Такое становішча можна патлумачыць як дэмаграфічнымі зрухамі, так і паляпшэннем матэрыяльнага дабрабыту сялян.

У параўнанні з 1926 г. сярэдняя штомесечная аплата працы падлеткаў-парабкаў у 1927 г. вырасла на 3 руб. у заможных і на 2 руб. у сярэдніх гаспадарках, прычым у заможных гаспадарках пераважна вырасла натуральная аплата (з 50 да 54 %), а ў сярэдніх – грашовая (з 35 да 43 %) [58, л. 369]. Але ўвогуле натуральная аплата працы падлеткаў-батракоў пераважала як у заможных, так і ў сярэдніх сялянскіх гаспадарках.

У саўгасах і іншых дзяржаўных сельскагаспадарчых прадпрыемствах БССР на 1 студзеня 1927 г. налічвалася каля 1330 юнакоў і дзяўчын (23 % ад агульнай колькасці сельскагаспадарчых рабочых) [48, л. 48]. Маладыя саўгаснікі рэспублікі пераважна атрымлівалі аплату працы па 4–5-му таварнаму разраду. У саўгасах, нядаўна далучаных да БССР, Гомельскай і Рэчыцкай акруг заробак юнацтва быў ніжэй амаль на 17 %, яно не атрымлівала дадаткова малака і бульбы. Запавяшчэнне броні для падлеткаў па саўгасах вырасла, але толькі да 75 %. Пры гэтым 61 % падлеткаў-браневікоў былі заняты не на сельскагаспадарчай вытворчасці, а на дапаможных тэхнічных прадпрыемствах, з іх 30 % складалі пераросткі. Як бачым, іх колькасць працягвала расці. Сярод падлеткаў-браневікоў 26 % атрымлівалі заробкі па 1-му разраду – 9 руб. 60 кап.; 26 % – па 2-му разраду – 11 руб. 52 кап.; 35 % – па 3-му разраду – 17 руб. 24 кап. і толькі 13 % – па 4–5-му разрадах. Аднак сістэматычныя праверкі кваліфікацыі падлеткаў у саўгасах не праводзіліся [48, л. 51–52; 49, л. 16, 18].

Актывізаваўся ўдзел ЛКСМБ у гаспадарчым жыцці сяла (землеўпарадкаванне, пасяўная кампанія, меліярацыя, каапераванне, праца па паляпшэнні дабрабыту вёскі, нарады камсамольцаў-гаспадароў і г. д.). Па ініцыятыве ячэек саюза ствараліся вытворчыя нарады па сельскай гаспадарцы, праводзіліся конкурсы на лепшую па грамадска-гаспадарчай рабоце вясковую ячэйку [59, л. 56].

Сярод камсамольцаў назіраліся масавыя пачынанні ў пераходзе да лепшых перадавых спосабаў вядзення ўласных гаспадарак: выхад на пасёлкі, ініцыятывы па пераводу на пасёлкі цэлых вёсак; пераход на шматполле (больш 60 камсамольскіх гаспадарак); вырошчванне лепшых парод жывёл, паляпшэнне догляду за імі; ініцыятывы ў асушцы невялікіх балотных участкаў; уцягванне ў актыўнае гаспадарчае будаўніцтва. У кожнай акрузе меліся дзясяткі выпадкаў удзелу вясковых камсамольцаў у выяўленні аб'ектаў падаткаабкладання. Але ўся гэта праца вялася няпланова, не заўсёды была прыстасавана да гаспадарчых умоў раёна. Не было канкрэтнага кіраўніцтва ёй з боку ячэек і камітэтаў камсамола. У ЛКСМБ слаба збіраўся і распаўсюджваўся лепшы вопыт ячэек і асобных членаў саюза. Недастаткова ўвагі надавалася меліярацыі, жывёлагадоўлі, торфараспрацоўкам. Значная большасць дасягненняў мелася ў гаспадарках камсамольцаў-сяраднякоў, а камсамольцы-беднякі пераважна не імкнуліся штосьці змяняць у сваіх гаспадарках. У саўгасах адносіны камсамольцаў да працы таксама былі незаўсёды добрыя [49, л. 19, 21; 54, л. 212; 60, л. 11].

Камсамольцы ў значнай большасці былі ўцягнуты ў працу сялянска-рабочых камітэтаў. Увогуле моладзь складала 90 % ад усіх іх членаў. Але ячэйкі ЛКСМБ слаба дапамагалі працы камітэтаў, члены якіх у пераважнай большасці не мелі неабходнай кваліфікацыі [58, л. 368].

Агульны ўдзел саюза ў справе ўзняцця сельскай гаспадаркі па-ранейшаму лічыўся нязначным [61, л. 20].

У БССР налічвалася 312 сельскагаспадарчых гурткі, якія аб'ядноўвалі 6326 чалавек, пераважна юнакоў і дзяўчын. Аднак актыўнасць іх у параўнанні з мінулымі гадамі зменшылася. Пераважна гурткі працавалі пры ячэйках камсамола, але меліся гурткі, якія дзейнічалі самастойна, што сведчыць аб захоўванні ў маладога пакалення сялян ініцыятывы ў іх стварэнні. Пры гэтым сталае сістэматычнае кіраўніцтва гурткамі з боку Галоўпалітасветкама рэспублікі і яго мясцовых падраздзяленняў адсутнічала [49, л. 24–25; 60 л. 8].

Увогуле ў сялянскага юнацтва назіраўся рост імкнення да вядзення сельскай гаспадаркі лепшымі спосабамі [62, л. 2]. Асабліва вялікую актыўнасць у справе паляпшэння сваёй гаспадаркі праяўлялі юныя сераднякі, якія актыўна ішлі ў сельскагаспадарчыя гурткі. Бядняцкая моладзь была менш актыўна. Яшчэ менш актыўнічалі юнакі і дзяўчынны з ліку батракоў [54, л. 203].

Такім чынам, з пачаткам новай эканамічнай палітыкі савецкія ўлады на вёсцы актыўна сталі прыцягваць маладое пакаленне да ажыццяўлення яе мерапрыемстваў. Асноўным рухавіком у гэтай справе выступаў камсамол.

Камсамольцы таксама дапамагалі ўладам упарадкаваць землекарыстанне, аказвалі ўсебаковую дапамогу маламаёмасным сялянам і сем'ям чырвонаармейцаў, актыўна ўдзельнічалі ў пасяўных кампаніях, меліярацыйных работах, вялі працу па ўкараненні ў сельскую гаспадарку навуковых рэкамендацый і перадавога вопыту. Але ў пачатку 1920-х гг. адсутнічала сістэмная каардынацыя падобнай дзейнасці саюза з савецкімі і партыйнымі органамі.

З 1923 г. пры вясковых ячэйках камсамола пачалося стварэнне спецыяльных сельскагаспадарчых гурткоў, у працу якіх былі ўцягнуты тысячы юнакоў і дзяўчын. У сярэдзіне 1920-х гг. колькасць гурткоў у Савецкай Беларусі вырасла да 500. Яны дзейнічалі амаль пры ўсіх вясковых камсамольскіх ячэйках і аб'ядноўвалі каля 10 тыс. чалавек. Але ў 1927 г. колькасць гурткоў скарацілася да 312, а колькасць іх членаў – да 6326 чалавек. Разам з тым з'явіліся гурткі, створаныя сялянскай моладдзю самастойна без удзелу камсамольцаў. Такое становішча сведчыць аб аслабленні ўвагі саюза да гэтай працы.

У сувязі з расслаеннем сялянства і дэмаграфічнымі зрухамі юнацтва ўсё больш актыўна ўключалася ў гаспадарчую дзейнасць на вёсцы.

Стабільна расла колькасць маладых батракоў, што тлумачыцца і танным коштам гэтай працоўнай сілы. Эканамічнае становішча парабкаў было цяжкім. Працяглы час адсутнічала ўсялякае рэгуляванне іх працы і яе аплаты. Зарплата юных батракоў была ніжэй дзяржмінімуму і, нягледзячы на ўсе захады дзяржавы, на 75 % мела натуральны характар. Пры гэтым аплата іх працы ў моцных сялянскіх гаспадарках у сярэднім была ў 3 разы большай, чым у слабых. Толькі у 1927 г. у выніку зладжанага ўзаемадзеяння дзяржавы і грамадства юнакі і дзяўчынны з ліку парабкаў на 100 % былі ахоплены працоўнымі дагаворамі.

Камсамольскія ячэйкі разам з прафсаюзам работнікаў зямлі і лесу сачылі за выкананнем сялянамі ў адносінах да батрацкай моладзі дагавораў найму, устаноўленых законам умоў яе працы. Але фактычна амаль да канца разглядаемага перыяду гэта дзейнасць не была сістэмна арганізавана.

Паступова павялічвалася і колькасць юнацтва сярод рабочых саўгасаў. З 1924 г. у саўгасах было ўведзена браніраванне працоўных месцаў для падлеткаў у памеры 10 % ад агульнай колькасці вакансій. Але колькасць падлеткаў-браневікоў на працягу разглядаемага перыяду не была стабільнай. Максімальнае запаўненне броні складала 75 %. Пры гэтым нормы працы падлеткаў часта не вытрымліваліся, не была адладжана сістэма пераводу падлеткаў-пераросткаў у штат. Таму працэнт іх у агульнай колькасці сярод падлеткаў-браневікоў стабільна рос.

Разам з тым формы ўдзелу камсамола ў гаспадарчым жыцці сяла з кожным годам рабіліся ўсё больш разнастайнымі. З 1924 г. у вясковых ячэйках ЛКСМБ пачалі праводзіцца конкурсы на лепшую сельскагаспадарчую работу. Вырасла дапамога сельскім камсамольцам з боку іх гарадскіх таварышаў.

Але ў цэлым камсамольскія ячэйкі яшчэ слаба ўдзельнічалі ў працы па ўздыву сялянскай гаспадаркі, павелічэнні эканамічнага дабрабыту вёскі, стварэнні калгасаў. Мелася шмат выпадкаў, калі створаныя саюзам на вёсцы гурткі хутка развальваліся, а кааператывы прагаралі, камсамольцы не спраўляліся з даручанай працай, імкнуліся камандаваць сялянамі. Гэта падрывала пазіцыі камсамола ў сялянскім асяроддзі.

У 1924–1925 гг. у Савецкай Беларусі рэгулярны характар набыла мабілізацыя камсамольцаў для працы на вёсцы. Усяго можна выдзеліць 4 яе этапы, у час якіх былі мабілізаваны 102 члены ЛКСМБ і 27 членаў РЛКСМ.

Сярод мабілізаваных камсамольцаў пераважалі беларусы, члены і кандыдаты КП(б)Б, выхадцы з рабочых. Аднак больш $\frac{3}{4}$ камсамольцаў-актывістаў былі мабілізаваны не па жаданні, а падобраны па сацыяльным, нацыянальным, партыйным складзе і дзелавых якасцях. Сярод іх былі выпадкі дысерцірства і катэгарычнага адмаўлення ад працы. Некаторыя мабілізаваныя зусім не адпавядалі той рабоце, на якую іх рэкамендавалі. У выніку ў 1926 г. толькі 68 мабілізаваных камсамольцаў засталіся на працы ў вёсцы. Такое становішча сведчыць аб дрэнным падборы мабілізаваных для работы на вёсцы камсамольскіх кадраў і адсутнасці ў камсамольскіх арганізацыях адладжанай сістэмы вясковай працы.

Толькі ў 1926 г. у БССР у выніку актыўнай працы саўгасных, вясковых і мястачковых камсамольскіх ячэек уся саўгасная моладзь аказалася пад уплывам саюза. З гэтага года пачала расці зацікаўленасць вясковых камсамольцаў, юнакоў і дзяўчын з ліку бядняцкага і сярдняцкага сялянства ў паляпшэнні свайго матэрыяльнага становішча праз узняцце ўзроўню гаспадарання, атрыманне практычных, патрэбных у гаспадарцы ведаў. Асабліва вялікую актыўнасць у справе паляпшэння сваёй гаспадаркі праяўлялі маладыя сярднякі, якія актыўна ішлі ў сельскагаспадарчыя гурткі. Бядняцкае юнацтва было менш актыўным. Яшчэ менш актыўнічалі юныя батракі. Разам з тым з-за дрэнных матэрыяльных умоў батрацкая і бядняцкая моладзь імкнулася пераехаць у горад. Больш таго, падобнае імкненне назіралася ў юнакоў і дзяўчын з ліку сярднякоў і нават у камсамольцаў. Сярод маладых заможных сялян у гэты час адзначаўся рост імкнення да прыватна-ўласніцкай нажывы.

Увогуле і ў 1927 г. эканамічная праца камсамола рэспублікі на вёсцы па-ранейшаму характарызувалася як слабая. Яна вялася няпланова, не заўсёды была прыстасавана да гаспадарчых умоў раёнаў. У ЛКСМБ слаба збіраўся і распаўсюджваўся лепшы вопыт ячэек і асобных камсамольцаў.

Таму арганізацыя ўдзелу юнацтва ў сельскагаспадарчай вытворчасці БССР заставалася яшчэ далёкай ад ідэальнай.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 7.
2. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДАСПГ). – Ф. М-1. Воп. 23. Спр. 32.
3. Комсомол Белоруссии. Цифры и факты. – Минск: Беларусь, 1968. – 80 с.
4. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 12.
5. Очерки истории Ленинского комсомола Белоруссии. – Минск: Беларусь, 1975. – 536 с.
6. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 6.
7. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 11.
8. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 12.
9. Журав, А. Под руководством партии. Деятельность КПБ по созданию и руководству комсомолом Белоруссии (1918–1925 гг.) / А. Журав. – Минск: Беларусь, 1970. – 216 с.
10. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 5.
11. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 13.
12. Да IX з'езду ЛКСМБ. – Минск: Чырвоная змена, 1928. – 70 с.
13. Жураў, А. Я. У баях народжаны. Кароткі нарыс гісторыі камсамола Беларусі / А. Я. Жураў. – Мінск: Народная асвета, 1970. – 224 с.
14. Ленинский комсомол. – М.: Молодая гвардия, 1958. – 596 с.
15. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 23.
16. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 31.
17. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 24.
18. Жураў, А. Е. Комсомол Беларусі ў барацьбе за соцыялізм / А. Я. Жураў. – Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1957. – 76 с.
19. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 25.
20. Набат моладёжы. – 1923. – 28 мая.
21. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 22.
22. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 20.
23. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 13.
24. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 27.
25. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 33.

26. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 185.
27. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 41.
28. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 60.
29. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 54.
30. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 59.
31. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 37.
32. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 112.
33. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 49.
34. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 62.
35. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 89.
36. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 113.
37. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 121.
38. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 122.
39. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 44.
40. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 39.
41. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 59.
42. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 123.
43. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 45.
44. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 51.
45. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 46.
46. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 127.
47. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 211.
48. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 355.
49. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 66.
50. Комсомольская правда. – 1926. – 13 авг.
51. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 64а.
52. РДАСПГ. Ф. М-26. Воп. 1. Спр. 100.
53. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 53.
54. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 174.
55. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 210.
56. НАРБ. – Ф. 101. Воп. 2. Спр. 94.
57. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 58.
58. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 493.
59. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 358.
60. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 68.
61. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 306.
62. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 297.

Паступіў у рэдакцыю 10.11.2015

УДК 272 (476)

А. И. ГАНЧАР

**ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. Е. СЕНЧИКОВСКОГО
ДЛЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Гродненский государственный аграрный университет, Гродно, Беларусь, e-mail: gancharandrel@yandex.ru

Рассматриваются роль и значение деятельности Ф. Е. Сенчиковского для римско-католической церкви в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) путем сравнения и анализа ранее не известных фактов, которые имели место в жизни римско-католического священника. На основе статистических сведений, исторических свидетельств осуществления служения ксендза в Минской губернии, нахождения в Гродненской губернии, служения в Туркестанском крае Российской империи делается вывод о неоднозначной роли личности Ф. Е. Сенчиковского в истории римско-католической церкви в Российской империи указанного периода.

Ключевые слова: Ф. Е. Сенчиковский, римско-католическое духовенство, русский язык, римско-католическое богослужение, училище органистов, Минская губерния, Гродненская губерния, Туркестанский край.

A. I. HANCHAR

**IMPORTANCE OF F. E. SIENCHYKOVSKI
ACTIVITIES FOR THE ROMAN CATHOLIC CHURCH IN THE RUSSIAN EMPIRE
(THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES)**

Grodno State Agrarian University, Grodno, Belarus, e-mail: gancharandrel@yandex.ru

Discussion devoted to the role and importance of F. E. Sienchykovski's work for the Roman Catholic Church in the Russian Empire during the second half of XIX – beginning of XX centuries has been presented in the article through comparison and analysis of previously unknown facts, which took place in the life of the Roman Catholic priests.

On the basis of statistical information, historical evidence of the exercise of his ministry in Minsk province, stay in Grodno province, serving in the Turkestan of the Russian Empire, it is concluded duality evaluation of the role of F. E. Sienchykovski's personality in the Roman Catholic Church history in frames of the Russian Empire specified period.

Keywords: F. E. Sienchykovski, the Roman Catholic clergy, Russian language, Roman Catholic worship, college of organists, Minsk province, Grodno province, Turkestan.

Насколько двойственный характер имели поступки римско-католического священника Фердинанда Евстафьевича Сенчиковского, настолько двойственны оценки исследователей, принадлежавшие даже к одному направлению в историографии. Из исторической литературы, изданной до 1917 г. в Российской империи, следует отметить труд А. В. Жиркевича, в котором автор характеризует Ф. Е. Сенчиковского как истинно русского человека и патриота своей родины – России, искренне любившего ее до самого конца [1, с. 673]. Следует отметить помещенную А. В. Жиркевичем в свой труд вышедшую в 1893 г. брошюру профессора Краковского университета ксендза Кнапинского, который с различных точек зрения (канонической, исторической, культурной, философской, этической) рассматривал проблему введения русского языка в римско-католическое богослужение [2]. Брошюра Кнапинского ценна еще и тем, что на ее полях Ф. Сенчиковский сделал заметки, выразив таким образом свое несогласие с приведенными доводами, что дает возможность исследователям лучше понять психологию, мотивацию его поступков [1, с. 465–504].

На страницах «Литовских епархиальных ведомостей» нашли отражение различные аспекты деятельности Ф. Е. Сенчиковского. «Литовские епархиальные ведомости» не смогли прийти к единой оценке событий, что следует из характеристики Ф. Сенчиковского: в одной статье приведено его письмо в редакцию, в котором ксендз утверждал, что он белорус, с русским происхождением и верный католик, любящий свое российское Отечество, а в другой – что Ф. Сенчиковский – поляк, верующий в Россию [3, с. 5; 4, с. 7; 5, с. 8; 6, с. 10–11; 7, с. 6; 8, с. 8; 9, с. 5].

Одобрение действий Ф. Сенчиковского находим у Д. К. Чихачева, В. Н. Линкевича [10, с. 26; 11, с. 14]. Белорусский ученый А. Ф. Смоленчук утверждает, что настоящим побуждающим мотивом деятельности Ф. Сенчиковского следует считать его старание по «слиянию русских по народности и по унии белорусов с православием и Россией» [12, с. 68; 13, с. 55]. На полной «защите рациональных аргументов визитатора Ф. Е. Сенчиковского, бессилии ксендза перед эффективными пропагандистскими приемами его многочисленных противников» построил свой труд А. Ю. Бендин [14, с. 99].

Польские авторы в большинстве своем восхваляли тех ксендзов, кто выступал в защиту польского языка, не анализируя характер их поступков (им было достаточно самого факта непринятия русского языка), а также крайне негативно относились к «ритуалистам» [15, s. 217; 16, s. 49–50; 17; 18, s. 62]. С. Кжеменский положительно характеризовал ксендзов, высланных из Минской губернии за сопротивление введению русского языка, а Ф. Сенчиковского, Я. Юргевича (визитаторов костелов Минской губернии, активно выступавших за русский язык) и других «ритуалистов» объявил предателями, врагами Костела [15, s. 217, 219, 234–235]. Вторил ему Я. Пжибышевский, Ю. Жискар, З. Нагродский, Ф. Шнарбаховский, Б. Кумор [19, s. 46; 20, s. 126; 21, s. 82; 22, s. 92; 23, s. 377–378], а современный польский исследователь М. Радван и вовсе указал, что обязанностью визитатора костелов Минской губернии Ф. Сенчиковского была русификация белорусского душепастырства [24, s. 219].

Историк, этнограф, краевед, переводчик А. Ельский видел во введении русского языка в римско-католическое богослужение не только отступление от костельных канонических правил, но и от «краевой» традиции [25, s. 17, 23]. А. Ельский характеризовал Ф. Сенчиковского и прочих «ритуалистов» как вероотступников и превозносил в своих оценках ксендзов, не отступивших от употребления польского языка в римско-католическом богослужении [25, s. 17–18, 20]. Солидарен с А. Ельским и Ю. Жискар, воспользовавшийся его трудом: порой просто переписав отдельные страницы, особенно, что касается ксендзов, не принявших русский язык [25, s. 136].

Стоит согласиться с мнением М. Д. Долбилова, что администрация Российской империи была заинтересована в сотрудничестве с молодым ксендзом не только в качестве проводника русского языка. Предприимчивость и амбиции Ф. Сенчиковского на стезе клерикальной карьеры действительно создавали возможность для ужесточения государственного надзора над римско-католической церковью и, в широком смысле, усиления присутствия в сфере католической религиозности [26, с. 635].

Целью данной статьи является выявление роли и значения деятельности Ф. Е. Сенчиковского для римско-католической церкви в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. путем сравнения и анализа ранее не известных фактов, имевших место в жизни римско-католического священника.

25 декабря 1869 г. указом императора Российской империи «в отеческом попечении о своих верноподданных, без различия вероисповеданий, желая, чтобы те из них, которые родным своим языком считают язык Русский, в том или другом его наречии, не были лишены права пользоваться им в делах своей религии, Всемилоостейши соизволил разрешить употребление Русского языка в Богослужении и вообще в делах религии всех Иноверческих исповеданий. Но как само собой разумеется в применении этого распоряжения к Богослужению в Римско-католической Церкви для оной остается литургическим языком, установленный таковым церковью, язык латинский и разрешение относится только к дополнительному Богослужению, или к тем частям оногo, для которых вместо языка латинского употребляются уже другие языки и наречия, как-то: немецкий, французский, польский, латинский и др.» [27, л. 123].

8 июня 1869 г. в м. Блони Игуменского уезда Минской губернии законоучитель народной школы ксендз Ф. Сенчиковский совершил в местном костеле молебен на русском языке, после

чего покрестили несколько младенцев с произнесением молитв на русском языке [28, л. 74]. Продолжая начатое дело, Ф. Сенчиковский во все праздничные дни после литургии, совершаемой на латинском языке, всходил на хоры и, аккомпанируя себе на органе, пел на русском языке наиболее употребляемую у католиков священную песню: «Под Твою оборону притекаем, Дева!» [29, с. 230–231]. Местные православные священники отзывались о ксендзе Ф. Сенчиковском как о человеке энергичном и сознательно преданном делу. Еще во времена приезда своего в приход в конце 1868 г. он уже употреблял в разговоре с домашними только русский язык [30, с. 342].

Свое мнение по поводу употребления русского языка в римско-католическом богослужении Ф. Сенчиковский изложил в «Литовских епархиальных ведомостях»: «Латинский язык, как литургический, должен остаться и остается, ибо это определено соборами, канонами и Папами. Но замена одного гражданского языка другим, тоже гражданским языком, совершенно дозволительна и справедлива. Богу, Папе и соборам решительно все равно, на каком языке кто говорит, лишь бы только он был праведным католиком и исполнял по совести римско-католические обряды» [7, с. 5]. Замеченный высокопоставленным чиновником Министерства внутренних дел Л. С. Маковым, владельцем имения по соседству с костелом в м. Блонь Игуменского уезда, Ф. Е. Сенчиковский был продвинут по службе [26, с. 632–633].

С введением русского языка в преподавание Закона Божьего римско-католического исповедания в учебных заведениях Виленского учебного округа были широко распространены несколько русскоязычных учебников по этому предмету [31, с. 414]. В 1871 г. ксендзы-законоучителя получили и русскоязычный «Римско-католический катехизис о повиновении и преданности престолу и отечеству нашему России или объяснение 4-й заповеди Господней, касательно начальства и его власти» по изданию, одобренному Виленским римско-католическим епископом Красинским. Труд этот был переведен с польского языка Минским деканом ксендзом Ф. Сенчиковским [32].

За ксендзами, употреблявшими русский язык, прочно закрепились названия: «требниковец», «казенный раввин», «десятский». Ф. Сенчиковский предлагал графу Сиверсу для ликвидации подобных названий сделать ксендзов почетными канониками [1, с. 286]. Позже сам Ф. Сенчиковский присвоит себе это звание и в своей переписке всегда будет подписываться как каноник.

В 1870 г. в г. Минске при непосредственном участии Ф. Е. Сенчиковского при костеле св. Троицы было открыто училище для приготовления органистов, которые могли бы исполнять в костелах пение на русском языке, чтобы распространять среди католиков «дополнительное» богослужение на русском языке и развивать в них любовь ко всему русскому и верноподданные чувства к престолу и России. За это, кроме получаемого жалованья от настоятелей костелов, согласно примечанию к §18 устава училища органистов, изданного в 1877 г., они получали еще от правительства по 180 руб. в год [1, с. 504–505]. В училище 30 крестьянских мальчиков католического исповедания получали знания по общеобразовательным предметам, а также русскому языку, латыни и музыке [33, с. 134]. На открытие училища Министерство внутренних дел, «поняв пользу от школы русских органистов», выделило 21 953 руб. [7, с. 6; 10, с. 15]. Всего же, по подсчетам М. Радвана, на училище органистов за весь период его существования было выделено 106 785 руб., в то время как на услуги «требниковцев» (доплаты ксендзам до 600 руб., а органистам по 180 руб.) за период 1871–1898 гг. было израсходовано 241 785 руб. [24, с. 229].

Открытие училища органистов было удачным ходом: органист мог стать действенным помощником в деле продвижения русского языка в богослужении, к тому же он не мог не иметь влияния на паству. Но мало было обучить органистов, следовало их еще и вдохновить соответствующей идеей. Естественно, что управление учебным учреждением было отдано Ф. Сенчиковскому. По окончании училища органисты давали расписку, в которой обязывались, согласно училищному уставу, все духовные требы исполнять на русском языке [34, л. 2; 20, с. 132]. Безуспешны оказались попытки митрополита римско-католической церкви в Российской империи А. Гинтовта отстоять право священника на принятие или увольнение органиста – лица, не отнесенного Уставом духовных дел иностранных исповеданий к числу римско-католического духовенства. За неприятие предложенного гражданскими властями органиста, обученного к употреблению русского языка, в апреле 1884 г. настоятеля Холопеничского прихода Лазаревица сослали в г. Вologду. Холопеничский приход вплоть до 1896 г. оставался без постоянного ксендза [1, с. 63, 65].

Процесс введения русского языка в Минской губернии, несмотря на столь значительную правительственную поддержку, не был гладким. Администратор Докшицкого костела Минской губернии ксендз Горбатовский под воздействием помещиков прекратил вести богослужения на русском языке. Но после расписки Борисовскому декану ксендзу Лукашевичу богослужение вел на русском языке. Впоследствии Горбатовский нашел для себя выход из создавшегося положения: молитвы за царствующий дом вел на русском языке, а все остальное – на латыни. Настоятель же Лагойского костела Лемпицкий русский язык использовал лишь в табельные, праздничные дни, а также тогда, когда в костеле было незначительное число молящихся. В целом, использовался латинский и польский язык. Такое положение было во всем Борисовском уезде [36, л. 14].

21 июня 1870 г. после богослужения в Кальварийском костеле, в четырех верстах от г. Борисова, верующие, подбиваемые бывшими студентами Петербургского университета А. Буйницким, дворянином Л. Гордзевичем и Х. Стеткевичем, устроили бунт в первую очередь против ксендза Ф. Сенчиковского и против введения русского языка в католическом богослужении [37, с. 48; 13, с. 56; 38, л. 2]. 2 февраля 1872 г. в г. Минске проходила огромная процессия. Народ обратился с просьбой к Минскому губернатору В. Н. Токареву с просьбой, чтобы он запретил Ф. Сенчиковскому его деятельность. Католики осудили Ф. Сенчиковского в насиловании девушек и женщин, оргиях со своими органистами, краже костельных ценностей [20, с. 133]. Воспользовавшись возможностью, собравшиеся избрали четырех человек, чтобы просить Минского губернатора Токарева запретить въезд декану. Но губернатор не поверил посланникам, сослав их во внутренние губернии России, а остальных активных борцов оштрафовал от 50 до 100 руб. [39, с. 101].

Ф. Сенчиковский был неутомим в посылке разнообразных прошений об активизации процесса введения русского языка в римско-католическое богослужение, разясняя чиновникам причину бездействия епархиального начальства в лице П. Жилинского в деле обрусения католиков и расползания католицизма. Сам Ф. Сенчиковский не раз посещал г. Санкт-Петербург, встречаясь с высокими представителями правительства, даже и не уведомляя администратора Виленской римско-католической епархии П. Жилинского [1, с. 280].

В июле 1876 г. администратор Виленской римско-католической епархии П. Жилинский, приостанавливая функции деканов в Минской губернии, назначил двух визитаторов – кс. Ф. Сенчиковского и кс. Ивана (Яна) Юргевича. Обоим был назначен дополнительный заработок в 500 руб. в год, не считая других доходов [26, с. 75]. В первое визитаторство входили следующие уезды: Минский, Борисовский, Игуменский, Бобруйский, во второе – Речицкий, Мозырский, Пинский, Слуцкий и Новогрудский уезды [28, л. 1]. По словам же Ф. Сенчиковского, деление на два визитаторства было сделано, во-первых, с целью показать, что ни один Ф. Сенчиковский хлопочет о русском языке, а, во-вторых, чтобы Я. Юргевич работал все-таки под надзором Ф. Сенчиковского в качестве «негласного помощника» [1, с. 509].

Согласно инструкции, утвержденной 9 июля 1876 г. императором Александром II, в обязанности визитатора входило проведение не реже чем два раза в год ревизий костелов и каплиц, с проверкой церковных сумм и имущества, состояния зданий; «строгий надзор за нравственностью и благонадежностью» духовенства; разрешение «споров и недоразумений» внутри клира. Главным же предметом его деятельности являлось распространение русскоязычного богослужения и проповеди. Визитатору давалось право ходатайствовать о поощрении ксендзов, совершающих службу на русском, и об «удалении или перемещении» тех, кто от этой меры уклонялся. Визитатор уполномочивался в ходе ревизий совершать дополнительное богослужение по-русски во всех костелах, включая те, где оно до этого не практиковалось, и «представлять епархиальному и гражданскому начальству свое мнение» о прекращении в данном храме богослужения на польском. В тексте инструкции, утвержденной 9 июля, условием такого ходатайства визитатора ставилось проявление прихожанами «сочувствия» к службе и «увещательной проповеди» на русском. В сентябре 1876 г. Ф. Сенчиковский, уже в качестве визитатора, обратился напрямую в Департамент духовных дел иностранных исповеданий с запиской, где разяснял, что упоминание о «сочувствии» «даст повод недобросовестным лицам влиять на прихожан, чтобы они не выражали сочувствия к богослужению на русском языке». Он предлагал допустить, чтобы визитаторы ходатайствовали о введении русского языка по факту богослужения в данном храме, независимо от реакции прихожан. Министр представил императору новый доклад

по этому делу, и 19 ноября 1876 г. Александр II, чьи помыслы, по утверждению М. Долбилова, были заняты тогда подготовкой к войне с Турцией за освобождение Болгарии, вторично утвердил инструкцию в рекомендованной Ф. Сенчиковским редакции [26, с. 673–674].

Ксендзов, которые противились требованиям Ф. Е. Сенчиковского и решениям Министерства внутренних дел, по распоряжению П. Жилинского переводили на другие приходы, штрафовали или отправляли в Несвижский доминиканский монастырь. Этот монастырь был «специализированной» тюрьмой для тех ксендзов, которые оказали активное сопротивление именно принятию русского языка в римско-католическом богослужении. Из 32 представителей римско-католического духовенства, находящегося там по состоянию на 1871 г., 2 ксендза были заключены в монастырь в 1867 г., 8 – в 1870 г., остальные – в 1871 г. [26, с. 76]. Некоторые священники были сосланы в г. Вильно – в упраздненный монастырь кармелитов: Ивашкевич из г. Несвижа, Рубша – из г. Новогрудка, Вашкевич, Шойтмир, Лавринович – из г. Минска [26, с. 77]. В Сибирь были сосланы следующие ксендзы: В. Кашко – из м. Дубровы, В. Мисевич и А. Наркевич – из м. Ивенца, А. Казакевич – из г. Заславля, И. Домбровский – из Семкового Городка, М. Томашевич – из г. Койданова, К. Добровольский – аббат из м. Городища [26, с. 77].

Необходимость наказания «упорствующих» ксендзов получала у Ф. Сенчиковского следующее религиозно-политическое обоснование: «Народ наш католический в здешнем крае по языку, чувству, убеждению и обычаям чисто русский, но его отрывает от России польский католицизм. Ксендз и костел для него все и вся, ибо в руках ксендза его драгоценнейшая частица, все его духовное существование. Ксендз вправе дать ему пекло, огонь и мучение или же рай, небо и блаженство. Но народу только разъясняют, и он убежден, что ему не добиться неба без религии, а религия в руках ксендза, и эта религия и этот ксендз польские, следовательно, надо быть поляком, дабы спастись, дабы быть счастливым. Вот то понятие, которое навязывалось и навязывается польско-клерикальной партией темной массе нашего народа. С уничтожением же в костеле польского языка уничтожается единственная связь, единственное огниво и цепь, соединяющие здешний край и народ с польскими идеями и притязаниями. Вот почему так серьезно не допускается введение русского языка в католическое богослужение и вот почему достойны строжайшего взыскания те ксендзы или польские пропагандисты, которые на религиозной основе и фундаменте строят политическо-польские идеи во вред России» [14, с. 97].

27 марта 1877 г. к ордену св. Станислава 2-й степени был причислен визитатор костелов Минской губернии декан Ф. Сенчиковский [34, л. 137]. Награда была получена за изданный Ф. Сенчиковским в декабре 1876 г. циркуляр к духовенству Минской губернии, в котором Ф. Сенчиковский обосновывал историческое право на употребление русского языка в римско-католическом богослужении, призвал римско-католическое духовенство вводить русский язык в богослужение, а также вмешался в установленный канонический и костельный порядок проведения богослужений, давая собственные советы, как следует поступать в различных ситуациях, а указ Александра II от 25 декабря 1869 г. объяснял как приказ по обязательному введению русского языка, поскольку природным языком местного населения являлся, по его мнению, русский язык [1, с. 363; 21, с. 32; 12, с. 71].

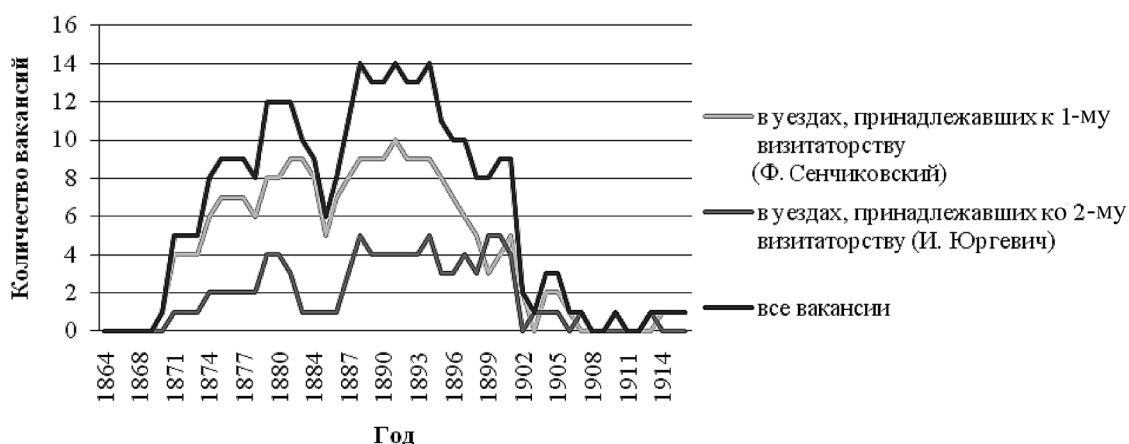
23 января 1878 г. Римская курия осудила П. Жилинского за самовольное вступление в управление епархией, а также обвиняла в лишении лучших ксендзов должностей и введении в костел русского языка [12, с. 72]. 5 сентября 1879 г. Римская курия экскоммунировала П. Жилинского, Ф. Сенчиковского и И. (Я.) Юргевича [23, с. 378].

К концу 1878 г. русскоязычное богослужение не было закреплено ни в одном новом костеле. Как и в 1876 г., этот список насчитывал 21 костел. Мало того, в четырех из них из-за устроенной Ф. Сенчиковским и И. Юргевичем кадровой чехарды не имелось настоятелей, т.е. ни служба, ни требы не совершались вовсе. Оба визитатора не смогли представить директору ДДДИИ А. Н. Мосолову удовлетворительных объяснений относительно некоторых священников, которых они «выжили из губернии или переместили на другие приходы», включая тех, кто проводил службу на русском языке. Ни Ф. Сенчиковский, ни И. Юргевич не сумели назвать ни одного кандидата на вакантные приходы, где утвержден русский язык [26, с. 694].

Из тридцати «польских» приходов вакантными на тот момент были шесть (рисунок) [37, с. 130–133; 40; 41, с. 151–157; 42, с. 36, 46, 58, 77, 87, 94; 26, с. 447, 679, 683; 43, с. 132–133; 369;

84, с. 90; 26; 44, с. 107–108, 167, 191, 210–211, 225–226, 242–243, 260, 274; 45, ч. 1, с. 71, 94, 111, 112, 126, 145, 156, 167, 175–176; 46, ч. 1, с. 74, 94, 111, 112, 126, 145, 156, 167, 175–176; 20, с. 222–233; 47, ч. 1, с. 74, 92–93, 110, 123–124, 133–134, 141–142, 151–152, 161, 169; 85, л. 56–70; 1, с. 60–66; 37, ч. 1, с. 167, 184, 203, 229, 249, 279, 298; 49, с. 163, 190, 205, 236, 254, 274, 310; 50, с. 78, 165, 185, 204, 243, 268, 307; 51; 52, с. 73–74, 99, 122, 138–139, 155, 171, 186, 205, 223, 241; 53, с. 67–68, 97, 121, 138–139, 155–156, 171–172, 187, 208, 221–222, 239; 54, с. 73, 96, 118–119, 136, 151, 167, 182–183, 203, 217, 234; 55; 56, с. 65, 88, 110, 127, 143, 159, 174, 207, 224; 57, с. 222, 255, 262, 272, 287, 295, 303, 311, 318; 58, с. 72, 104, 111, 123, 131, 139, 147, 155, 163, 370; 59, с. 40, 47, 58–59, 66, 74, 83, 91, 100, 106; 60, с. 41, 49, 61, 69, 77, 86, 94, 103, 107; 61, с. 9, 42, 50, 62, 69, 78, 86, 95, 104, 111; 62, с. 9, 50, 62, 70, 77, 86, 95, 104, 111; 63, с. 11, 47, 56, 69, 78, 86, 105, 114, 122; 64, с. 12, 49, 56, 67, 74–75, 81, 97, 106; 65, с. 9, 44, 52, 74, 81, 98, 106, 113; 66, с. 4, 44, 52, 65, 75, 84, 93, 104, 114, 122; 67, с. 41, 49, 61, 71, 80, 89, 98, 106, 113; 68, с. 60, 98, 107, 121, 132, 141, 151, 162, 173, 182; 69, с. 61, 104, 114, 130, 142, 152, 163–164, 176, 188, 197–198; 70, с. 61, 109, 120, 137, 151, 162, 174, 188, 201, 212; 71, с. 60, 107, 118, 134, 147, 158, 167, 182, 195, 207; 72, с. 60, 110, 121, 136, 148, 158, 169, 170, 182, 194, 204; 73, с. 61, 113–114, 124–125, 140, 153, 163, 174, 187, 200, 211; 74, с. 55, 102, 112, 127, 139, 149, 159–160, 171, 182, 192–193; 73, с. 60, 106, 115, 129, 141, 150, 161, 171, 182, 192; 74; 75; 76, с. 60, 106, 116, 129, 140, 143, 160, 171, 182, 192; 77, с. 61, 110, 119, 135, 146, 156, 167, 178, 190, 200; 78, с. 60, 104–105, 114, 128, 145, 156, 165, 176, 185; 79, с. 62, 117, 128, 144–145, 156, 166, 178–191, 204, 215; 80, с. 63, 117, 129, 145, 157, 167, 179–180, 193, 205, 216; 81, с. 67, 119, 131, 148, 159, 167, 183, 196, 208, 220; 82, с. 61, 118, 131, 149, 162, 173–174, 187, 201–202, 215, 223; 83; 84; 85; 86, с. 42, 97–98, 110, 127, 141, 152, 166, 178, 191, 204]. Конфликты с прихожанами ускорили перемещение ксендзов-русификаторов на другие места, а частота смены настоятелей сама по себе становилась причиной новых конфликтов. Впоследствии Ф. Е. Сенчиковский объяснял фиаско деполонизации костела кадровыми переменами в Министерстве внутренних дел (в особенности возвышением в 1880 г. М. Т. Лорис-Меликова), что якобы в одночасье лишило ксендзов-русификаторов правительственной протекции. По утверждению М. Долбилова, охлаждение Министерства внутренних дел к «минскому эксперименту» произошло несколько раньше, в последний год управления А. Е. Тимашева и затем при Л. С. Макове (главе МВД с ноября 1878 г. по август 1880 г.) [26, с. 680].

Как ранее было отмечено, Е. Ф. Сенчиковский лишился покровительства минских властей при временно управлявшем в 1878 г. губернией (в качестве вице-губернатора) И. П. Альбединском – сыне Виленского генерал-губернатора П. П. Альбединского [26, с. 678]. А Ф. Сенчиковского по распоряжению Министерства внутренних дел и по предложению П. Жилинского, после отказа самого Ф. Сенчиковского от Слуцкого прихода, предвидя крайне негативное отношение к нему местного населения, 31 января 1879 г. перевели настоятелем в Бобруйский приход, без возобновления визитаторских полномочий, выдав ксендзу 700 руб. подъемных [1, с. 523]. В формулярном списке Ф. Сенчиковского было отмечено: в 1879 г. вследствие ходатайства по расстроенному здоровью с разрешения управляющего Министерством внутренних дел от 24 января за

Распределение вакансий настоятелей и викариев костелов по уездам Минской губернии (1864–1916 гг.)

№12 освобожден от должности заведующего училищем органистов в г. Минске и 30 января за №164 назначен Слуцким деканом; затем по ходатайству Ф. Сенчиковского управляющим епархией от 12 марта за №339 вследствие отзыва министра внутренних дел от 6 марта за №32 назначен на должность Бобруйского декана и настоятеля [1, с. 454].

Встречи и беседы с П. Жилинским в г. Вильно и с обоими визитаторами в г. Минске подтвердили, по утверждению М. Долбилова, сложившееся в Министерстве внутренних дел впечатление, что русификация костела зашла в тупик. В своем докладе от 13 июня 1879 г. министру внутренних дел Л. С. Макову А. Н. Мосолов подтвердил следующее: имели место склонение Ф. Сенчиковским учеников-органистов к сношениям с прислугой (с целью отбития у них пристрастия к онанизму), гомосексуальные наклонности ксендза и другие факты [1, с. 526–528; 20, с. 133]. Ф. Сенчиковский впал в немилость правительства: такой ксендз мог только вредить делу введения русского языка. Ф. Сенчиковскому запретили посещение училища органистов и не позволили встречаться со своими воспитанниками [33, с. 135]. После отстранения Ф. Сенчиковского временно заведование училищем органистов перешло в руки И. Макаревича [87, л. 2]. Минский губернатор В. И. Чарыков своим отзывом от 3 февраля 1879 г. вместо Ф. Сенчиковского заведующим училищем органистов и деканом по г. Минску, одновременно и настоятелем св. Троицкого прихода, назначил ксендза Павла Гавронского, бывшего викария Мариинского костела и законоучителя Минской гимназии [1, с. 522].

Сведения о притеснении Ф. Е. Сенчиковского за «известную свою преданность русскому правительству» дошли до директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий графа Сперанского и директора Департамента государственной полиции Плеве, которые в свою очередь обратились к Гродненскому губернатору генералу Н. М. Цеймерну, чтобы последний успокоил монахов. После проведенной личной беседы Стецкевича с губернатором настоятель монастыря заверил губернатора, что больше подобных эксцессов не будет. Но подобный ответ не удовлетворил Ф. Сенчиковского. В марте 1883 г. он поднимает пред Виленским генерал-губернатором вопрос о закрытии Гродненского францисканского монастыря как места «разврата, тунеядства и крамолы». Гродненский губернатор даже предположил в июле 1883 г. отдать здание монастыря военному ведомству или городу для приспособления под помещение воинских частей. Но, кроме доказанных нескольких случаев исповедания монахами бывших униатов, у властей не было достаточных оснований для этого [1, с. 13–14].

Видя полную безучастность к своей особе, Ф. Сенчиковский решает бежать из г. Гродно (дабы не встретиться с назначенным 15 апреля 1883 г. Виленским римско-католическим епископом К. Гриневским, собиравшимся к этому времени в г. Гродно, и тем самым избежать унижительного наказания): едет в г. Санкт-Петербург, является к директору Департамента князю Кантакузену графу Сперанскому, объясняет ему свое ужасное положение в монастыре и безразличие к нему губернатора Цеймерна и прочих. Князь Кантакузен выдал ему от себя свидетельство на право жительства в г. Санкт-Петербурге на два месяца [1, с. 19]. Ф. Сенчиковскому военный министр исходатайствовал пенсию в 6 500 руб. пожизненного жалованья. В августе 1883 г. Ф. Сенчиковский, назначенный на два года военно-окружным священником в Туркестан, находился уже в г. Оренбурге, в октябре – в г. Ташкенте [1, с. 218]. По личному ходатайству Туркестанского генерал-губернатора М. Г. Черняева, предшественника К. П. фон Кауфмана, было дано разрешение на временное открытие каплицы в административном центре генерал-губернаторства, освещение которой состоялось 8 декабря 1883 г.

Надо сказать, что сразу же по прибытии в Туркестан Сенчиковский постарался наладить доверительные контакты с местным православным духовенством. Во время всего своего служения в крае каноник Ф. Е. Сенчиковский занимал строгую позицию, когда дело касалось обращения представителей других вероисповеданий в католицизм. В своих воспоминаниях он пишет: «В то время, когда я исповедовал католиков, подходили к исповеди и православные с заявлением, что они, слыша многое обо мне, хотели бы хоть раз в жизни у меня исповедоваться. Но я, кажется, трем или четырем лицам отказал, а после литургии, произнеся мою проповедь народу, объяснил, что я хоть и употребляю язык русский, но я – западной обрядности и поэтому не могу принимать к исповеди православных или лиц восточной обрядности» [88]. Об этом сообщили епископу Ташкентскому и Туркестанскому Неофиту, который в письме от 22 апреля 1884 г. выразил благодарность Ф. Сенчиковскому.

Находясь в г. Ташкенте, Ф. Сенчиковский по восемь месяцев в году делает объезды обширного Туркестанского военного округа, удовлетворяя духовные потребности католиков в самых отдаленных уголках края. Между тем вскоре после открытия каплички у каноника начались конфликты с паствой [88]. Конфликт в римско-католической общине административного центра Туркестанского генерал-губернаторства – Ташкенте – заключался в возникших трениях между священником Ф. Сенчиковским и выбранным римско-католическим церковным советом, в составе которого был представитель польской интеллигенции статский советник Барановский. Барановский письменно обратился к главному начальнику края с обвинениями священника в нежелании сотрудничать с церковным советом, пренебрежительном отношении к верующим, а также в краже церковного имущества. В г. Ташкенте было совершено неудачное покушение на жизнь Ф. Сенчиковского. По этому поводу «Литовские епархиальные ведомости» написали: «Видно, что поляку, верующему в Россию и преданному России, не совсем и в России безопасно» [89, с. 8].

В 1885 г. срок миссии ксендза Ф. Е. Сенчиковского заканчивается и его отзывают из Туркестанского края. Назначенный в феврале 1884 г. Туркестанским генерал-губернатором Н. О. Розенбах не только не ходатайствовал о продолжении миссии, но добился того, чтобы Ф. Е. Сенчиковский поступил обратно в ведение Департамента духовных дел иностранных исповеданий; кроме того, предложил не назначать ему преемника. Министр поддержал просьбу с тем условием, что до конца 1885 г. Ф. Е. Сенчиковский (принимая во внимание его прежние заслуги) остается в ведении военного министерства с назначенным ему с 1883 г. жалованьем. С 1886 г. он должен был поступить обратно в ведение Министерства внутренних дел [88].

В 1893 г. упоминавшийся в начале статьи профессор Краковского университета ксендз Кнапинский в своей брошюре, посвященной введению русского языка в римско-католическое богослужение, написал лично Ф. Сенчиковскому: «... Когда ты говорил проповеди по-русски вместо того, чтобы обращаться к белорусам по-белорусски, к полякам по-польски – ты вел антипольскую агитацию в пользу русификации. Поэтому ты заслужил порицание со стороны своего духовного начальства – за употребление твоего сана для политической агитации. Католический епископ, будь он даже русским, не мог бы за это похвалить тебя. Поляки же, как поляки, основательно рассердились на тебя и если они тебя преследовали, как ты об этом пишешь, то я этому вовсе не удивляюсь...» [1, с. 480].

С 1897 г. заметно усилилось притеснение духовным начальством органистов и римско-католических священников, служивших на русском языке [90, л. 223]. Находясь в 1897 г. в г. Омске в качестве бессильного, никому не нужного деятеля, Ф. Сенчиковский, не перестававший следить через органиста Володьку и других лиц за тем, что происходит с училищем органистов, узнал наконец, что, в соответствии с докладом директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий Мосолова, оно навсегда закрыто [1, с. 504].

6 февраля 1898 г. из г. Омска Ф. Сенчиковский пишет недавно назначенному Виленскому генерал-губернатору В. Н. Троцкому письмо «как белорус и потомок униатов» с просьбой о назначении, но безуспешно [1, с. 523]. Умер Ф. Е. Сенчиковский в г. Омске. Ни один представитель римско-католического духовенства не пришел на похороны ксендза, которые, по согласию православного епископа Гавриила, проводило православное духовенство с внесением усопшего в православный кафедральный собор. Позже на могиле Ф. Сенчиковского вместо маленького деревянного креста был поставлен приличный мраморный памятник в виде столба из цельной глыбы, с рельефной надписью, согласно духовному завещанию: «† каноник Фердинад Евстафьевич Сенчиковский родился 4 октября 1837 г., умер 26 октября 1907 г., из потомственных дворян». Могила была обнесена железной оградой [1, с. 659].

Таким образом, значение деятельности Ф. Е. Сенчиковского для римско-католической церкви в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. нельзя однозначно охарактеризовать как отрицательное или положительное. Именно благодаря его активности в уездах, входивших в 1-е визитаторство (Минский, Борисовский, Игуменский, Бобруйский уезды Минской губернии), долгое время не могли быть назначены новые настоятели и викарии, поскольку условием такого присутствия администрацией вменялось проведение римско-католического богослужения на русском языке. Паства этих римско-католических приходов оставалась без должного духовного окормления: преодоление расстояния в несколько километров до ближайшего ксендза

оказывалось непосильным не только по причинам скудности денежных доходов населения, прежде всего крестьян, но и физической невозможностью в силу ограниченности во времени. Похороны без ксендза, а также крещение детей в Минской губернии засвидетельствовали многие современники. Редкое, причем тайное, появление ксендза, совершавшего молитвословия на польском языке, воспринималось как чудо, весть о его появлении передавалась шепотом, тайными разговорами, чтобы никто не услышал. Нельзя было нарушать границы своего прихода, тысячи людей были избавлены от духовной опеки: умирали без исповеди, дети росли некрещеными – о христианских нуждах не было и слова. К «ренегатам» народ не шел – сторонился их как прокляженных [20, с. 127, 134]. По словам А. Ельского, проживавшего в Минской губернии, «люди рождались и умирали без света веры, а дикость нравов стала привычной, и только бюрократия была довольна этой картиной уничтожения католического духа» [91, с. 49].

Наибольший прирост количества римско-католического населения за 1864–1897 гг. был, по уменьшению, в Витебской губернии – 155,2 % (с 230,2 тыс. чел. – до 357,3 тыс. чел.), Виленской – 154 % (с 607,5 тыс. чел. – до 935,8 тыс. чел.), Гродненской (с 273,1 тыс. чел. – до 386,5 тыс. чел.), Минской (с 179,9 тыс. чел. – до 217,9 тыс. чел.), Могилевской губернии (с 43 тыс. чел. – до 50,1 тыс. чел.) [92, с. 180]. Оценим разность чисел по уменьшению: Виленская губерния – 328,3 тыс. чел., Витебская – 127,1 тыс. чел., Гродненская – 113,4 тыс. чел., Минская – 38 тыс. чел., Могилевская губерния – 7,1 тыс. чел. Следовательно, прирост римско-католиков в соотношении с православными составил в Виленской губернии – 1 к 0,90, Гродненской – 1 к 3,79, Минской – 1 к 22,15, Витебской – 1 к 2,99, в Могилевской губернии – 1 к 93,5. Усилия правительства Российской империи, направленные на ослабление позиций римско-католической церкви, деятельность Ф. Е. Сенчиковского и других «ритуалистов» привели к определенному результату.

В период с 1871 по 1897 г. в г. Минске при костеле св. Троицы на Золотой Горке действовало училище органистов, которое было единственным подобного рода учреждением во всей Российской империи. Именно Ф. Е. Сенчиковскому принадлежит авторство переводов на русский язык литургических сочинений, которыми он под угрозой ссылки заставлял пользоваться настоятелей [91, с. 23]. В принятых правилах обучения в училище требовалось, чтобы органист в разговорах с настоятелем костела по делам службы, в костеле, сакристии, дома в присутствии прихожан разговаривал на русском языке [93]. В училище по специальной программе, рассчитанной на 5 лет обучения, ученики занимались на фортепиано, скрипке, изучали теорию музыки, а также общеобразовательные предметы (русский язык, латынь и т.д.), был создан оркестр духовой музыки [94; 84, с. 90].

По отбытии Ф. Е. Сенчиковского из г. Ташкента была закрыта римско-католическая каплица по причине отсутствия средств на ее содержание. Колокол продали Ташкентской епархии Русской Православной Церкви, а само здание – великому князю Николаю Константиновичу Романову. Но именно с этого времени в Туркестанский край стали периодически приезжать римско-католические священники. В 1888 г. сюда командировали инспектора кавказских приходов ксендза Юлиана Добкевича. Впоследствии военный министр издал приказ о командировании в Туркестанский военный округ один раз в два года капеллана Кавказского военного округа [88].

Символичны в оценке деятельности Ф. Сенчиковского слова его племянника: «Тридцать семь лет лучшей жизни посвятил я ему и делил с ним горе, ибо радостей не было. Благодаря этой жизни я потерял все для меня дорогое – родных, родину, всех для меня дорогих. Досмотрел покойного до последней минуты его жизни, устроил приличное его положению погребение и поставил приличный мраморный памятник. Одним словом, я исполнил все, от меня зависящее, не справляясь, что за это получу. И что вышло? В результате, как оказалось, я не имел даже близкого, преданного сердца и друга. И вот ввиду этого я, как нравственно угнетенный и разбитый, искренно желал бы забыть о всем прожитом и не вспоминать прошедшее...» [1, с. 659].

Список использованной литературы

1. *Жиркевич, А. В.* Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского: в 2 ч. / А. В. Жиркевич // Минская старина. – 1911. – Вып. 3. – Ч. 2. – 684 с.
2. *Knapieński, W.* List do pewnego kapłana katolickiego / W. Knapieński. – Kraków, 1893. – 54 s.
3. Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – №22. – С. 7–8.

4. Литовские епархиальные ведомости. – 1883. – №2. – С. 7.
5. Литовские епархиальные ведомости. – 1883. – №35. – С. 8–9.
6. Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – №8. – С. 10–11.
7. Литовские епархиальные ведомости. – 1878. – №35. – С. 5–6.
8. Литовские епархиальные ведомости. – 1880. – №46. – С. 8–9.
9. Литовские епархиальные ведомости. – 1882. – №10. – С. 5–6.
10. Чихачев, Д. Н. К вопросу о распоряжении костела в прошлом и настоящем / Д. Н. Чихачев. – СПб., 1913. – 136 с.
11. Линкевич, В. Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / В. Н. Линкевич; Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2004. – 23 с.
12. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – 1917 гг. / А. Ф. Смалянчук; пад рэд. С. Куль-Сяльверставай. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 322 с.
13. Смалянчук, А. Ф. «Беларуская карта» ў дзейнасці царскай адміністрацыі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А. Ф. Смалянчук // Спадчына. – 1996. – № 11. – С. 53–66.
14. Бендин, А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск: БГУ, 2010. – 439 с.
15. Krzemiński, S. Dwadzieścia pięć lat Rosji w Polsce (1863 – 1888) / S. Krzemiński. – Lwów: nakł. redak. «Ekonomisty Polskiego», 1892. – 312 s.
16. Ostojka, T. Garść wspomnień z niedawnej walki o wolność sumienia w Rosyi / T. Ostojka. – Warszawa, 1916.
17. Czarkowski, L. Wilno w latach 1867–1875 (ze wspomnień osobistych) / L. Czarkowski. – Wilno, 1929. – 327 s.
18. Dzwonkowski, R. Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej / R. Dzwonkowski. – Lublin: Oddział Lubelski Stowarzyszenia «Wspólnota Polska», 1994. – 150 s.
19. Przybyszewski, J. Język rosyjski w katolickim rytuale i w dodatkowym nabożeństwie / J. Przybyszewski. – Lwów, 1897.
20. Żyskar, J. Nasze Kościoły. Opis ilustrowany wszystkich Kościołów i Parafji znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. Djecezyja Mińska / J. Żyskar. – Warszawa–Petersburg: druk. P. Laskaura, 1914. – T. I, cz. 2. – 348 s.
21. Nagrodzki, Z. Rola duchowstwa katolickiego w godzinie prob i cierpien na terenie Litwy i Bielej Rusi (1863–1883) / Z. Nagrodzki. – Wilno, 1935. – 274 s.
22. Sznarbachowski, F. Początek i dzieje rzymsko-katolickiej djecezyi Łucko-żytomierskiej / F. Sznarbachowski. – Warszawa, 1936. – 179 s. – S. 91–92.
23. Kumor, B. Historia Kościoła: w 7 cz. / B. Kumor. – Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1973. – Cz. 7. – 514 s.
24. Radwan, M. Polityka wyznaniowa caratu na Białorusi w XIX w. Implikacje duszpasterskie / M. Radwan // Nasza przeszłość. – 2001. – T. 95. – S. 197–240.
25. Jelski, A. Dzieje djecezyi Mińskiej w zarysie. – Mińsk: druk E. Nowickiego w Wilnie, 1907. – 26 s.
26. Долбилов, М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. – М.: Новое лит. обозрение, 2010. – 1000 с.
27. Дело о разрешении ввести русский язык в богослужение римско-католической веры в Гродненской губернии: в 2 ч. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 6. Д. 2374. Ч. 2.
28. Дело о назначении ксендзов Сенчиковского и Юргевича в визитаторства // НИАБ в г. Минске. – Ф. 1781. Оп. 2. – Д. 6759.
29. Катков, М. Н. О русском языке в католическом богослужении / М. Н. Катков // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России; сост. и изд. С. Шолкович. – Вильна, 1885. – Вып. 1. – С. 228–237.
30. Вестник Западной России. – 1865. – Кн. 6, от. 4, т. 2.
31. Корнилов, И. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху / И. Корнилов. – СПб.: тип. А. П. Лопухина, 1901. – 504 с.
32. Римско-католический катехизис о повиновении и преданности престолу и отечеству нашему России, или объяснения 4-й заповеди господней, касательно начальства и его власти. По изданию Виленским римско-католическим епископом Красинским, перевел с польского минский декан ксендз Сенчиковский. – Вильно: Губ. тип., 1871. – 16 с.
33. Яноўская, В. В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. / В. В. Яноўская. – Мінск: БДУ, 2002. – 199 с.
34. Дело о назначении выпускников органистов по костелам Минской губернии // НИАБ в г. Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 5979.
35. Дело о представлении настоятелями костелов в городские управы, волостные управления сведений о родившихся за 1857 г., 1858 г., 1861 г.; о назначении ксендза Сломинского Иоанна настоятелем Озерского костела и по другим вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 886. Оп. 1. Д. 265.
36. Дело по обвинению ксендзов в уклонении от русского языка // НИАБ в г. Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3524.
37. Черепица, В. Н. Польское национально-освободительное движение в Белоруссии (последняя треть XIX в.): факты, события, комментарии / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1996. – 143 с.
38. НИАБ в г. Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 2189.
39. Ważuński, A. Litwa pod względem przesławiania w niej rzymsko-katolickiego kościoła / A. Ważuński. – Poznań, 1891. – 264 s.
40. Ракоўскі, М. Супрацьстаянне / М. Ракоўскі // Наша вера. – 1996. – №1. – С. 73–81.
41. Памятная книжка Минской губернии на 1866 годъ. – Минскъ: тип. губ. правл., 1866.
42. Памятная книжка Минской губернии на 1867 годъ. – Минскъ: тип. губ. правл., 1867.
43. Памятная книжка Минской губернии на 1870 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1870.
44. Памятная книжка Минской губернии на 1872 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1872.
45. Памятная книжка Минской губернии на 1873 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1873.

46. Памятная книжка Минской губернии на 1874 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1873.
47. Памятная книжка Минской губернии на 1875 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1875.
48. Памятная книжка Минской губернии на 1878 годъ. – Минскъ: типо-лит. Р. Дворжець, 1878.
49. Памятная книжка Минской губернии на 1880 годъ. – Минскъ: тип. губ. правл., 1879.
50. Памятная книжка Минской губернии на 1881 годъ. – Минскъ: типо-лит. Р. Дворжець, 1880.
51. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1882 годъ. – Минскъ: типо-лит. Л. Дворжець, 1881.
52. Памятная книжка Минской губернии на 1883 годъ. – Минскъ: типо-лит. Р. Дворжець, 1882.
53. Памятная книжка Минской губернии на 1884 годъ. – Минскъ: типо-лит. Р. Дворжець, 1883.
54. Памятная книжка Минской губернии на 1885 годъ. – Минскъ: тип. Р. Дворжець, 1884.
55. Памятная книжка Минской губернии на 1886 годъ. – Минскъ: тип. Р. Дворжець, 1885.
56. Памятная книжка Минской губернии на 1887 годъ. – Минскъ: тип.-лит. Р. Дворжець, 1886.
57. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1888 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1887.
58. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1889 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1888.
59. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1890 годъ. – Минскъ: типо-лит. Б. И. Соломонова, 1889.
60. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1891 годъ. – Минскъ: типо-лит. Б. И. Соломонова, 1890.
61. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1892 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1891.
62. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1893 годъ. – Минскъ: тип. Р. Дворжець, 1892.
63. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1894 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1893.
64. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1895 годъ. – Минскъ: тип.-лит. Х. Дворжеца и Б. Соломонова, 1894.
65. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1896 годъ. – Минскъ: тип.-лит. Х. Дворжеца и Б. Соломонова, 1895.
66. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1897 годъ. – Минскъ: тип.-лит. Х. Дворжеца и Б. Соломонова, 1896.
67. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1898 годъ. – Минскъ: тип.-лит. Х. Дворжеца и Б. Соломонова, 1898.
68. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1899 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1898.
69. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1900 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1899.
70. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1901 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1900.
71. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1902 годъ. – Минскъ: тип. В. И. Соломонова, 1901.
72. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1903 годъ. – Минскъ: тип. Б. И. Соломонова, 1902.
73. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1904 годъ. – Минскъ: тип. Б. И. Соломонова, 1903.
74. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1905 годъ. – Минскъ: тип. Б. И. Соломонова, 1904.
75. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1907 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1906.
76. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1908 годъ. – Минскъ: тип. С.А. Некрасова, 1907.
77. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1909 годъ. – Минскъ: тип. С.А. Некрасова, 1908.
78. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1910 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1909.
79. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1911 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1910.
80. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1912 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1911.
81. Памятная книжка и календарь Минской губернии и календарь на 1913 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1912.
82. Памятная книжка и календарь Минской губернии и календарь на 1914 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1913.
83. Памятная книжка и календарь Минской губернии и календарь на 1915 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1914.
84. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
85. Ведомость о костелах 2-го визитаторства Минской губернии // НИАБ в г. Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3113.
86. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1917 годъ. – Минскъ: тип. Инвалидов, 1916.
87. Дело об ассигновании средств на Минскую школу органистов // НИАБ в г. Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3538.
88. Мазитов, М. Из истории Католической церкви в Узбекистане / М. Мазитов // Богослов.Ru – Научный богословский портал [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1610819.html>. – Дата доступа: 24.06.2014.
89. Литовские епархиальные ведомости. – 1886. – № 21. – С. 8–9.
90. Дело о положении римско-католического духовенства в губернии // НИАБ в г. Минске. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1774.
91. Ельскі, А. Нарыс па гісторыі Мінскай дыяцэзіі / А. Ельскі // Наша вера. – 2003. – № 1. – С. 46–51.
92. Яноўская, В. Канфесіянальная палітыка ўлад / В. Яноўская // Гісторыя Беларусі: у 6 т.; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – С. 179–187.
93. Ельскі, А. Нарыс па гісторыі Мінскай дыяцэзіі / А. Ельскі // Наша вера. – 2002. – № 4. – С. 16–26.
94. Шэйпа, С. Адукацыя касцёльных музыкантаў на Беларусі ў XX ст. / С. Шэйпа // Наша вера [Электронны рэсурс]. – 2008. – № 1(43). – Рэжым доступу: <http://media.catholic.by/nv/n24/search.htm?do=search&author=37>. – Дата доступу: 02.11.2011.

Поступила в редакцию 09.12.2014

УДК 903/904(476.6)

А. М. МАКСІМОВІЧ

**КУРГАННЫЯ МОГІЛЬНІКІ НА ТЭРЫТОРЫІ БАСЕЙНА РАКІ ШЧАРЫ:
ГІСТОРЫЯ ДАСЛЕДАВАННЯ І КУЛЬТУРНА-ХРАНАЛАГІЧНАЯ ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ**

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь, e-mail: alesmaksimovich@gmail.com

Данная статья является обобщением и анализом информации, относящейся к истории исследования курганных могильников на территории бассейна р. Щары. На основании археологических данных рассматривается вопрос, связанный с определением этнической принадлежности средневекового населения региона.

Ключевые слова: археология, курганный могильник, Средневековье, бассейн р. Щары.

A. M. MAKSIMOVICH

**MOUND BURIAL GROUNDS ON THE TERRITORY OF SHCHARA RIVER BASIN:
HISTORY OF RESEARCHES WITH CULTURAL AND CHRONOLOGICAL INTERPRETATION**

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus, e-mail: alesmaksimovich@gmail.com

This article deals with generalization and analysis of information, which refers to the history of mound burial grounds researches on the territory of Shchara river basin. Also because of archaeological data the question connected with the definition of ethnicity of the Middle Ages population in the region, has been considered.

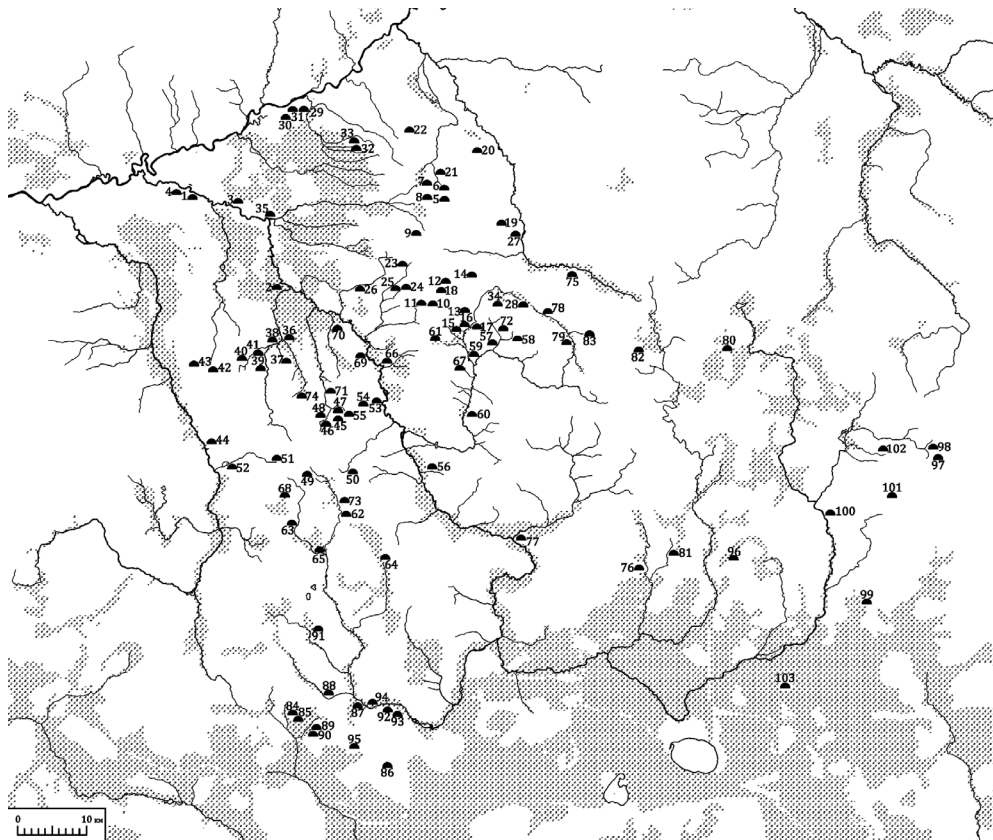
Keywords: archaeology, mound burial grounds, Middle Ages, Shchara river basin.

Уводзіны. Курганныя могільнікі з'яўляюцца самай шматлікай групай сярэдневяковых археалагічных помнікаў на тэрыторыі басейна р. Шчары. Інфарматыўнасць археалагічнай карты дадзенага тыпу помнікаў з'яўляецца дастаткова высокай, таму, улічваючы іх моцную сувязь з селішчамі, разам з якімі яны складаюць асноўную крыніцу па вывучэнні сельскага насельніцтва X–XIII стст., разгляд курганных могільнікаў дапамагае вырашэнню пытанняў, звязаных з тапаграфіяй і памерамі паселішчаў, іх залежнасці ад ландшафтных умоў на тэрыторыі пэўных прыродна-геаграфічных рэгіёнаў.

У сваю чаргу храналогія і этнічная інтэрпрэтацыя пахавальных помнікаў з'яўляюцца неад'емнай часткай іх прасторавай характарыстыкі, таму існуе неабходнасць разгледзець і прааналізаваць комплекс вядомай на сённяшні дзень інфармацыі і адносна помнікаў на тэрыторыі басейна р. Шчары.

Разглядаемы рэгіён выступае як адзіны географічны раён з добра азначанымі натуральнымі межамі: на поўначы – Нёман, на захадзе – р. Зальвянка з яе правым прытокам Ружанкай, на ўсходзе – р. Моўчадзь і водападзел паміж вярхоўямі Шчары, Сэрвачы ды Ушы, на поўдні – забалочаны водападзел паміж сярэднім цячэннем Шчары і Ясельдай. На азначанай тэрыторыі вядома 103 курганныя могільнікі (мал. 1), што складае прыкладна палову ад усёй колькасці выяўленых тут сярэдневяковых помнікаў. Раскопкі праводзіліся ў 10 курганных груп (9,7 % ад вядомай колькасці): Галынка (суч. Старая Галынка) Зэльвенскага раёна, Збочна, Клепачы (воз. Бяздоннае), Васілевічы, Піронім, Паўлавічы, Вішаў (суч. Вішава) і Орлавічы (суч. Новаорлавічы) Слонімскага раёна, Сенькавічы Івацэвіцкага раёна і Серабрышча Баранавіцкага раёна.

Галынкаўскі курганны могільнік знаходзіцца паміж вёскамі Старая Галынка і Клімавічы, за 1 км ад апошняй, недалёка ад берага р. Луконіцы (мал. 1, 38) [1, с. 139, № 95]. У архіве Дзяржаўнага

Мал. 1. Курганныя могільнікі на тэрыторыі басейна р. Шчары

археалагічнага музея ў Варшаве Л. Д. Побаль знайшоў паведамленне, што Я. Фітцке раскапаў тут тры курганы. У адным з іх быў выяўлены гаршчок, зроблены на ганчарным крузе, ды вугаль, у другім – фрагменты кругавога посуду з лінейным арнамантам, трэці – безынвентарны [2, с. 126].

Могільнік каля в. Збочна знаходзіцца на заходняй ускраіне вёскі, на беразе асушанага рэчышча р. Аکوўкі (мал. 1, 51). Размешчаны ён быў на гарадзішчы і з паўночна-ўсходняга боку ад яго. Напрыканцы XIX ст. насыпы захаваліся не толькі побач з гарадзішчам, але і на яго пляцоўцы. У 1892 г. помнік абследаваў святар сынкавіцкай царквы Я. М. Міхайлоўскі. Ён адзначыў, што мясцовыя жыхары, якія захоўвалі тут у ямах бульбу, рэгулярна знаходзілі чарапы, касцякі, спаражнае дубовае дрэва, цэлы і пабіты гліняны посуд, часам арнамантаваны [3, с. 173]. Аналагічныя знаходкі выявіў і сам Я. М. Міхайлоўскі падчас больш блізкага азнаямлення з мясцовымі курганамі. Ён зрабіў спробу раскапаць два насыпы – на пляцоўцы гарадзішча і ў полі побач з ім.

У кургане, які знаходзіўся на пляцоўцы, святар знайшоў пад слоem камянёў растружаныя чарапы, косткі, біты посуд і дрэва, што знаходзіліся не глыбей за 0,4 м ад глебавай паверхні насыпу. На паўночным усходзе, адразу за рвамі і валамі, даследчык раскапаў яшчэ адно пахаванне. У адрозненне ад папярэдняга кургана, тут Я. М. Міхайлоўскі заглыбіўся на 1 м ад вяршыні насыпу, дзе выявіў два шкілеты, арыентаваныя галавой на ўсход. На пальцы аднаго з іх быў пярэсцёнак са свінца ці срэбра ў выглядзе змейкі, а на ўзроўні тазавых касцей – два тачыльныя камяні. Акрамя таго, у пахаванні была прасочана драўляная парахня. Патрэбна адзначыць, што з прычыны забабонаў мясцовага насельніцтва ні адзін з курганоў Я. М. Міхайлоўскі не здолеў раскапаць да канца [3, с. 173].

У 1995 і 1997 гг. падчас вывучэння абарончых канструкцый гарадзішча А. А. Дабрыян і С. А. Піваварчык выявілі і даследавалі яшчэ два пахаванні. Адно з іх знаходзілася ў насыпе знешняга вала на глыбіні 1 м, другое – каля падэшвы ўнутранага вала на глыбіні 0,4–0,5 м. Пахаванні жаночыя, захаванасць касцякоў даволі дрэнная. Рэшткі першага былі арыентаваны на паўднёвы захад, другога – на захад [4, с. 68–70]. У першым выпадку нябожчыца была абстаўлена камянямі і знаходзілася на падсыпцы з шэрага пяску. У нагах памерлай сярод камянёў былі знойдзены гаршчок з лінейным арнамантам і кубак, напалову пакрыты паліваю,

сустрэкаліся сярод камянёў і дробных кавалкі касцей. Рэчавы інвентар складаўся з трапецападобнай падвескі з прымацаванымі да яе трохкутнымі пласцінкамі, адной завушніцы і трох золаташкляных пацерак [4, с. 69]. У другім пахаванні каменная канструкцыя адсутнічала, каля галавы знаходзіліся растружчаны гаршчок і глінянае біканічнае праселка. Астатні рэчавы інвентар складаўся з размешчаных у раёне рэбраў 14 шкляных і каменных пацерак, разам з 11 бронзавымі палутараабаротнымі кольцамі. На касцях правай рукі быў бронзавы віты бранзалет і выкананы ў аналагічным стылі бронзавы пярсцёнак [4, с. 69–70]. Зыходзячы з асаблівасцей пахавальнага інвентару, даследчыкі датавалі могільнік XI–XII стст. [4, с. 70].

У 1982 г. А. В. Квяткоўская даследавала адзін курган каля в. Клепачы (воз. Бяздоннае) (мал. 1, 52). Размяшчаўся насып за 2,5 км ад вёскі на беразе возера на адлегласці прыкладна 12 м на паўднёвы захад ад каменных магіл, якіх тут вядома больш за сто. Вышыня кургана на момант раскопак складала крыху болей за 1 м. Па словах мясцовых жыхароў, у 1930-я гады насып спрабавалі раскопваць, але акрамя невялікага вогнішча нічога не знайшлі. Падчас раскопак А. В. Квяткоўскай, у цэнтральнай частцы кургана, адразу пад дзірваном, на глыбіні да 0,1 м былі выяўлены сценкі ляпной пасудзіны. На ўзроўні старажытнага гарызонту ў паўднёва-заходняй і паўднёва-ўсходняй частках па перыметры насыпу ляжалі камяні. У цэнтры знаходзіліся 6 шкілетаў, арыентаваных галавамі на захад. Рэчаў пры касцях не было [5, с. 52; 6, с. 16]. Засноўваючыся на асаблівасцях пахавальнага абраду і фрагментах посуду, даследчыца датавала курган XII–XIII стст. [5, с. 53].

У цэнтральнай частцы в. Васілевічы размяшчаўся курганны могільнік (мал. 1, 53), які на сённяшні дзень не існуе. У ім налічваўся 31 насып. Адзін з іх у 1955 г. быў даследаваны Ф. Д. Гурэвіч. У розных частках і на рознай глыбіні кургана былі выяўлены 11 шкілетаў з рознай ступенню захаванасці, арыентаваных галавамі на захад [7, с. 13–15]. Рэчаў пры нябожчыках не было, але ў адной з дзвюх каменных кладак ва ўсходняй частцы насыпу была знойдзена срэбная манета Жыгімонта I (1506–1544 гг.) [7, с. 14, мал. 17: 4–5]. Адказаць, ці былі гэтыя пахаванні адначасовымі, не ўяўляецца магчымым. Як паведамляе Ф. В. Пакроўскі, ва ўр. Ляшчына, што каля вёскі Піронім (мал. 1, 61), адзін курган раскапаў памешчык Бронскі, на зямлі якога і размяшчаўся могільнік [8, с. 22]. Адпаведнай дакументацыі, калі такая мелася, не захавалася. Можна меркаваць толькі аб магчымым пахаванні, здзейсненым па абрадзе трупапалажэння, бо вядома, што падчас раскопак былі выяўлены чалавечыя косці.

Праводзілася даследаванне і на могільніку каля в. Паўлавічы (мал. 1, 69). Помнік вядомы яшчэ з XIX ст. У 1892 г. падчас абследавання мясцовасці адзін з курганоў, які з’яўляўся самым вялікім, вывучыў Я. М. Міхайлоўскі. Ён заклаў невялікі шурф на схіле насыпу за 1,5 м ад яго цэнтра. На глыбіні прыкладна ў 1 м быў выяўлены прапластак зямлі, падобнай «да пораху», магутнасцю 0,15 м, у якім знаходзіліся рэшткі спарэхнелага дрэва [3, с. 166–167]. Акрамя таго, Я. М. Міхайлоўскі паведамляе, што побач з курганамі трапляюцца косткі і старажытная зброя. Мясцовымі жыхарамі былі знойдзены доўгі нож, накішталь мяча, і «кашуля» з меднага дроту [3, с. 167].

У 1962 г. яшчэ адзін курган пад Паўлавічамі вывучыў В. В. Сядоў. У насыпе сустрэкаліся вугальныя праслойкі. У падножжы кургана пад попельнай праслойкай таўшчынёй да 0,18 м, у мацерыку, выяўлена канаўка шырынёй да 0,3 м, глыбынёй да 0,15 м, якая апярэзвала курган і была запоўнена чорным вугальным рэчывам, месцамі прасочваліся рэшткі гарэлых стаякоў. У паўднёва-ўсходняй частцы канаўка мела дзве перамычкі [9, с. 5–6]. У насыпе выяўлены два пахаванні – мужчыны і падлетка – на спіне, у выпрастаным стане, са скрыжаванымі на жываце рукамі, арыентаваныя галавамі на захад. Рэчаў пры нябожчыках не знойдзена, але каля чэрапа падлетка ляжалі два камяні. У абодвух выпадках выяўлены рэшткі спарэхнелых дошак [9, с. 5–6].

Два курганы даследаваны пад Вішавам (мал. 1, 72). У сярэдзіне XIX ст. адзін з іх раскапаны гаспадаром зямлі К. Гнаінскім. Вядома, што сярод знаходак былі некалькі бронзавых кольцаў і бляшак [10, с. 492; 11, с. 147; 8, с. 21]. Больш вядома пра даследаванне другога кургана, праведзенае ў 1881 г. М. Федароўскім. У верхніх сляях ім знойдзены фрагменты керамічнага посуду, дробнае вуголле ды косткі дробнай жывёлы. На ўзроўні старажытнай паверхні знаходзіўся мужчынскі шкілет, арыентаваны галавой на захад. Рэчавы інвентар складаўся з аскепка крэменю каля правай рукі і глінянага гаршка – каля левай [10, с. 492; 11, с. 147–148; 8, с. 21]. У археалагічнай карце Г. В. Штыхаў адзначае помнік як могільнік XI–XII стст. [1, с. 150, № 232].

Адным з найцікавейшых помнікаў у рэгіёне з'яўляецца курганны могільнік пад Орлавічамі (суч. в. Новаорлавічы) (мал. 1, 73). Па-першае, захавалася вычарпальная дакументацыя яго даследаванняў, па-другое, ён з'яўляецца самым вывучаным на сённяшні дзень на тэрыторыі басейна ракі Шчары. Тэрыторыя могільніка выкарыстоўвалася пад вясковыя могілкі, таму ўжо на пачатку XX ст. частка насыпаў была моцна пашкоджана.

У 1930-я гг. пяць курганоў на паўднёвы ўсход ад могілак даследаваў Р. Якімовіч пры ўдзеле заснавальніка Слонімскага музея І.І. Стаброўскага [12; 13], па ініцыятыве якога праводзіліся раскопкі. У кургане № I (нумерацыя І.І. Стаброўскага) знаходкі адсутнічалі [2, с. 136, мал. 86, 2]. Курган № II быў моцна пашкоджаны. На ўзроўні старажытнай паверхні быў выяўлены шкідлет, арыентаваны галавой у паўднёва-заходнім кірунку [14, с. 223; 2, с. 136, мал. 87, 1–2]. Рэчавы інвентар складаўся са шклянных пацерак [2, с. 136], пацерак дрыгавіцкага тыпу (бронзавай ажурнай пацеркі акруглай формы, зробленай са спаяных паміж сабой выгнутых дроцікаў, у месцах пайкі ёсць гранулкі, апраўленыя ў маленькія колцы [15, с. 154, tabl. 20f], пацеркі з бронзы і срэбра авальнай формы, зробленай з бронзавай бляшкі з напаянымі на яе гранулкамі, апраўленымі ў срэбныя колцы [15, с. 154, tabl. 20h]), бронзавых шчыпчыкаў [14, с. 214; 2, с. 136, мал. 87, 7; 15, с. 154] і падпраўленай на ганчарным крузе глінянай ляпной пасудзіны, якая размяшчалася ў нагах нябожчыка [2, с. 136; 15, с. 154, tabl. 21g]. Курган № III быў практычна зруйнаваны. У падкурганнай яме былі выяўлены рэшткі пашкоджанага трупалажэння [2, с. 136]. У кургане № IV на гарызонце ляжаў шкідлет дзіцяці, арыентаваны галавой на захад [14, с. 223; 2, с. 136, мал. 87, 5], рэчы прадстаўлены фрагментамі ляпной керамікі, падпраўленай на ганчарным крузе [15, с. 154–155]. У насыпе кургана № V, а таксама на яго паверхні знаходзіліся камяні розных памераў. Касцяк ляжаў на ўзроўні старажытнай паверхні, арыентаваны галавой на захад, з паднятай ўверх правай рукой [14, с. 223; 2, с. 136, мал. 87, 4]. Каля галавы знаходзіўся гліняны ляпны гаршчок, падпраўлены на ганчарным крузе [2, с. 136; 15, с. 155, tabl. 21a]. Засноўваючыся на атрыманых Р. Якімовічам матэрыялах, помнік датуецца XI ст. [15, с. 152].

У 1965 г. П. Ф. Лысенка і В. Р. Супрун працягнулі даследаванне курганнага могільніка пад Орлавічамі. Імі раскапаны тры курганы ва ўсходняй частцы могільніка. Пахаванні ва ўсіх насыпах былі здзейснены па абраду інгумацыі з арыенціроўкай касцякоў галавамі на захад. Трупалажэнні размяшчаліся ў падкурганных ямах глыбінёй 0,3 м або ў насыпах на вышыні 0,2–0,4 м. Адзін курган спалучаў у сабе чатыры розначасовыя пахаванні – два мужчынскія, жаночае і дзіцячае. У самым раннім мужчынскім пахаванні былі выяўлены рэшткі драўлянай труны. Рэчавы інвентар практычна не адрозніваецца ад матэрыялаў, атрыманых раней Р. Якімовічам: невялікія ганчарныя гаршкі з лінейным арнамантам, бронзавыя шчыпчыкі, пацеркі дрыгавіцкага тыпу і шклянныя бочкападобныя пазалочаныя знутры пацеркі. У кургане з камянямі наверху былі выяўлены рэшткі жалезнага абруча з драўлянага ядра і фрагменты керамічнага посуду. З агульнага шэрага выбіваецца пахаванне жанчыны, у якой была знойдзена лівонская манета XVI ст., што ўказвае на магчымасць і больш позняга выкарыстання помніка ў яго першапачатковай якасці [16, с. 147–148].

Акрамя орлавіцкіх курганоў, у 1965 г. П. Ф. Лысенка даследаваў яшчэ 4 насыпы каля в. Сенькавічы (мал. 1, 94), якія размяшчаліся на мясцовых могілках на беразе р. Грыўды. Нябожчыкі ў іх былі пахаваны ў падкурганных ямах глыбінёй 0,4–0,8 м па абраду трупалажэння, арыентаваныя галавой на захад. У насыпах былі выяўлены плямы, насычаныя попелам і дробным вугалем. Рэчавы інвентар нешматлікі. Грунтуючыся на пахавальных абрадах і інвентары, даследчык датаваў могільнік XI–XIII стст. [17, с. 192, №758].

Пра раскопкі аднаго кургана аматарам старажытнасцей з Вільні панам Мараўскім пад в. Серабрышча (мал. 1, 78) робіць невялікае паведамленне З. Глогер. На жаль, акрамя інфармацыі пра выяўленыя ў пахаванні бронзавыя ўпрыгажэнні ніякіх даных болей не прыводзіцца, не даецца і апісанне саміх упрыгажэнняў [10, с. 491].

Такім чынам, на тэрыторыі басейна ракі Шчары вядомы толькі адзін могільнік з пахаваннямі па абраду, які можна разглядаць як крэмацыю. Астатнія ўключаюць у сябе курганы з інгумацыямі. Акрамя гэтага, ёсць шэраг паведамленняў, якія ў якасці ўскосных даных дазваляюць меркаваць пра наяўнасць насыпаў не толькі з трупалажэннямі, але і трупаспаленнямі ў іншых месцах.

Інфармацыя, якая датычыцца курганоў з крэмацыямі, даволі няпэўная, але, улічваючы нешматлікія палявыя даследаванні ў рэгіёне, для больш дакладнай рэканструкцыі мінулага

ўзгадаць яе патрэбна. Да яе ліку адносіцца паведамленне З. Глогера аб працах па вырубцы лясных масіваў у некаторых мясцовасцях Слонімскага павета. Падчас падобных мерапрыемстваў ў парослых дрэвамі насыпах працаўнікі нярэдка натыкаліся на гліняныя гаршкі, якія, на думку даследчыка, з'яўляюцца пахавальнымі ўрнамі.

Больш дакладнымі і падрабязнымі з'яўляюцца ўскосныя даныя па могільніках з пахаваннямі па абраду трупапалажэння. Ва ўр. Лазейкаўшчына, каля вёскі Пруд (Дзятлаўскі р-н) (мал. 1, 16) напрыканцы XIX ст. існавала каля 40 курганоў, частка якіх разворвалася. Пры аранні трапляліся чалавечыя косткі, аднойчы быў знойдзены вялікі меч [8, с. 21–22]. Падобная сітуацыя назіралася і каля в. Сынковічы (Зэльвенскі р-н) (мал. 1, 46), дзе была зруйнавана частка каменных курганоў. На полі, дзе яны размяшчаліся, выворвалі чалавечыя косткі, аднойчы разам са скураным ботам, у якім быў схаваны складны жалезны нож [8, с. 26]. Аб інгумацыях можна меркаваць і па характэрных западзінах у цэнтральнай частцы некранных тут насыпаў. Падобныя паглыбленні не сустракаюцца ў каменных курганах з крэмацыямі [8, с. 26; 18, с. 42]. Чалавечыя косткі трапляліся пры аранні на тэрыторыі могільнікаў каля в. Старадзевяткавічы (Слоніскі р-н) (мал. 1, 65) [8, с. 19], в. Гошчава (мал. 1, 95), в. Юкевічы (мал. 1, 87) і в. Руда (мал. 1, 92) (Івацэвіцкі р-н). На двух апошніх трапляліся таксама страмёны, скураныя боты, срэбныя пярсцёнкі і інш. [8, с. 19–20]. У кургане каля в. Хадзевічы (мал. 1, 55) (Слоніскі р-н) быў знойдзены чалавечы чэрап і гаршчок [8, с. 27]. Па словах мясцовых жыхароў, чалавечыя рэшткі (косці і валасы) трапляліся і падчас правядзення газавай лініі праз былы могільнік ў Васілевічах [19, с. 14].

Вызначэнне этнічнай прыналежнасці курганных могільнікаў басейна р. Шчары не з'яўляецца мэтай артыкула. На сённяшні дзень, з прычыны недастатковасці даных, зрабіць гэта канчаткова немагчыма, але для больш дакладнага апісання пахавальных помнікаў рэгіёна і ўдакладнення іх храналогіі патрэбна разгледзець асноўныя падыходы да вырашэння азначанага пытання.

На тэрыторыі басейна р. Шчары сустракаюцца курганныя старажытнасці трох тыпаў: паўсферычныя земляныя, доўгія (падоўжаныя) і каменныя курганы.

Паўсферычныя земляныя курганы складаюць большую частку курганных могільнікаў разглядаемага рэгіёна. Іх дыяметр звычайна вагаецца ў межах ад 5 да 12 м, вышыня – ад 0,5 да 1,5 м. Каля падэшвы насыпаў нярэдка назіраюцца неглыбокія заплыўшыя раўкі, часам раздзеленыя перамычкамі. Для помнікаў гэтага тыпу на тэрыторыі Верхняга Панямоння характэрны як пахаванні з крэмацыямі, так і з інгумацыямі, са значнай перавагай апошніх. Тэрыторыя басейна р. Шчары не з'яўляецца выключэннем.

Да здзейсненых па абраду крэмацыі В. В. Сядоў адносіць курганы, раскапаныя Я. Фітцке недалёка ад в. Галынка (суч. Старая Галынка), але памылкова лакалізуе іх на р. Бусяж (прыток р. Грыўда), дзе ёсць вёска з адпаведнай назвай [20, с. 121, карта 16: 44]. У архіве археалагічнага музея Варшавы паведамляецца пра раскопкі пад Галынкай Слонімскага павета [2, с. 126]. Згодна з адміністрацыйным падзелам Польскай рэспублікі ў 1918–1939 гг. – час навуковых даследаванняў Я. Фітцке – у склад Слонімскага павета ўваходзіла толькі в. Галынка на р. Луконіцы (суч. Старая Галынка, Зэльвенскі р-н). Падобнай лакалізацыі помніка адпавядае і наяўнасць тут некалькіх курганных груп, вядомых яшчэ з XIX ст. [8, с. 28–29; 1, с. 139–140, № 95, 106], у той час, калі ў наваколлях аднайменнай вёскі на р. Бусяж могільнікі невядомы.

Інфармацыі аб раскопках галынкаўскіх курганоў няма. Вядома, што ў іх выяўлена кераміка, зробленая з дапамогай ганчарнага круга, і попел [2, с. 126]. Тут нельга не ўзгадаць раскопаны ў 1973 г. Я. Г. Звяругам курган з крэмацыяй ва ўр. Гарадзішча (зараз паўднёвы захад г.п. Зэльва). У ім на ўзроўні старажытнай паверхні была выяўлена вугальна-попельная пляма з дробнымі перапаленымі косткамі, у верхняй частцы насыпу – рэшткі таўстасценнай глінянай пасудзіны вялікіх памераў тыпу жароўні для падсушвання зерня. Аналагічная кераміка знойдзена толькі ў ніжніх культурных сляях Навагрудка X–XI стст. [21, с. 53]. Адпаведна гэтаму прадатаваны і курган [22, с. 215–216]. Грунтуючыся на нешматлікіх даных раскопак узгаданых помнікаў, можна меркаваць, што спаленне памерлага адбывалася на месцы пахавання. Пахавальны інвентар вельмі бедны, прадстаўлены толькі рэшткамі керамічнага посуду, вырабленага на ганчарным крузе. Па знешнім выглядзе курганы з трупапалажэннямі не адрозніваюцца ад курганоў з трупапалажэннямі. Апошнія складаюць асноўную частку курганных могільнікаў у рэгіёне. На ўзроўні

старажытнай паверхні ці ў самім насыпе з трупалажэннем часам прасочваюцца вугальна-попельныя праслойкі ці рэшткі вогнішчаў (Паўлавічы, Сенькавічы). Зрэдку на гарызонце пад пахаваннямі сустракаюцца падсыпкі з пяску (Збочна). Неаднойчы былі выяўлены рэшткі дамавін (Збочна, Паўлавічы, Орлавічы).

Сустракаюцца, у тым ліку і ў складзе аднаго могільніка, тры варыянты знаходжання нябожчыка ў кургане: у насыпе (Паўлавічы), на гарызонце (Збочна, Клепачы, Вішаў, Орлавічы) і ў падкурганнай яме (Орлавічы, Сенькавічы). Большасць складаюць пахаванні на ўзроўні старажытнай паверхні, пра што ўскосна сведчаць і знаходкі чалавечых костак на месцах разараных курганоў. Арыентацыя памерлага звычайна заходняя, з магчымымі адхіленнямі на поўнач ці поўдзень. Выключэннем з'яўляецца парнае пахаванне ў могільніку каля в. Збочна, дзе касцякі ляжалі галовамі на ўсход.

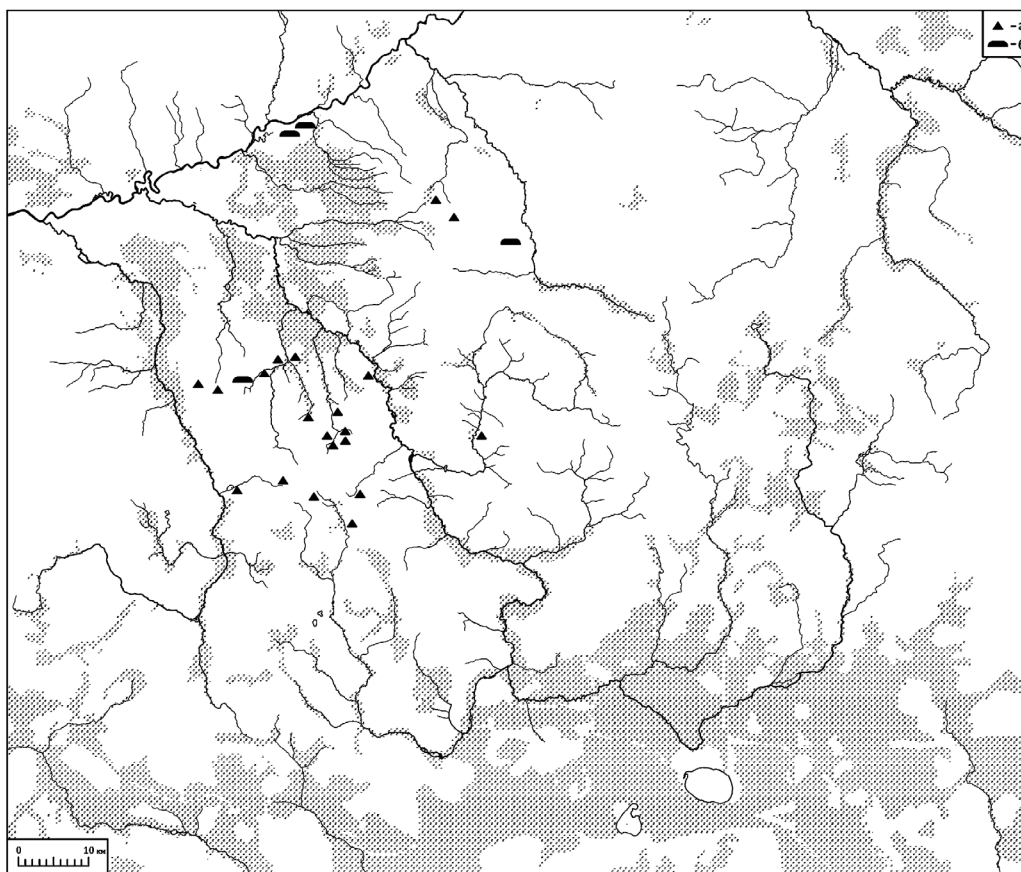
Пахавальны інвентар адсутнічае ці прадстаўлены рэшткамі керамічнага посуду, вырабленага цалкам ці часткова на ганчарным крузе. Посуд размяшчаецца ў галовах ці каля ног нябожчыка. Зрэдку сустракаюцца і больш багатыя пахаванні, дзе акрамя керамікі выяўлены пацеркі, скроневыя кольцы, пярэценкі, шчыпчыкі і інш. На тэрыторыі басейна р. Шчыры найбольш прадстаўнічы матэрыял знойдзены ў курганах пад Збочнам і Орлавічамі.

Паводле сваіх характарыстык паўсферычных земляных курганы на тэрыторыі басейна р. Шчыры не адрозніваюцца ад падобных ім помнікаў Верхняга Панямоння ўвогуле [23, с. 86–93]. У навуковай літаратуры яны аднадушна разглядаюцца ў кантэксце славянскіх старажытнасцей, але пытанне іх племянной прыналежнасці вырашаецца па-рознаму. Складанасць этнічнай інтэрпрэтацыі тлумачыцца дастаткова бедным пахавальным інвентаром, які часта не мае этнавызначальных прыкмет. Адносна тэрыторыі басейна р. Шчыры сітуацыя да таго ж ускладняецца слабай вывучанасцю пахавальных помнікаў. Не да канца высветлены асноўныя і другасныя прыкметы для вызначэння этнічнай прыналежнасці могільнікаў, што таксама абумоўлівае стракатасць навуковых поглядаў на гэты конт. З аднаго боку, галоўнай этнавызначальнай прыкметай лічаць пахавальны абрад (размяшчэнне пахавання ў насыпе, наяўнасць падсыпак, вогнішчаў, попельных праслоек і г.д.) [24, с. 225–226; 25, с. 67–68 і інш.], з другога – склад пахавальнага інвентару (наяўнасць пэўных рэчавых катэгорый) [26, с. 114; 27, с. 136 і інш.]. Зрэшты разыходжанні ў поглядах даследчыкаў датычыліся ў першую чаргу канкрэтных могільнікаў, а то і асобных пахаванняў і іх тыпаў. Вызначаючы этнічную прыналежнасць таго ці іншага помніка, навукоўцы намагаліся ўдакладніць межы рассялення пэўных славянскіх плямёнаў, у той час калі пытанне іх прыблізнага арэала, азначанага яшчэ ў летапісах, практычна не аспрэчвалася. Адпаведна гэтаму, тэрыторыя басейна р. Шчыры ў час існавання тут курганнай пахавальнай традыцыі ўваходзіла ў зону рассялення дрыгавічоў. Пацвярджаюць гэта знаходкі пацерак дрыгавіцкага тыпу (Орлавічы, Сенькавічы), якія амаль не сустракаюцца на тэрыторыі іншых плямёнаў і разглядаюцца як этнічны індикатар дрыгавічоў [28, с. 45]. Але, як адзначаюць некаторыя даследчыкі, этнічная сітуацыя на Верхнім Панямонні, напэўна, была больш складанай – значную частку мясцовага насельніцтва тут прадстаўлялі іншыя ўсходнеславянскія (драўляне, валыняне) і балцкія (яцвягі) плямёны, ці іх славянізаваныя нашчадкі, не выключаецца і прысутнасць заходніх славян – перасяленцаў з Мазовіі [28, с. 57–58; 23, с. 94–95].

Асобную складанасць уяўляе значэнне ролі камянёў у пахаваннях. Тут патрэбна перайсці да разгляду помнікаў, вядомых пад назвай каменных курганоў.

Каменныя курганы Верхняга Панямоння ў навуковай літаратуры разглядаліся не аднойчы. Але жорсткіх крытэрыяў таго, якія курганы патрэбна лічыць каменнымі, вырацавана так і не было. Цалкам складзеных з камянёў курганоў на тэрыторыі басейна р. Шчыры не вядома. Да іх ліку адносілі насыпы з уключэннямі камянёў, якія ўяўлялі сабою абкладкі, вянцы, былі пастаўлены ў нагах ці галаве нябожчыка, размяшчаліся ў вялікай колькасці ў канструкцыі кургана бессістэмна.

На тэрыторыі басейна р. Шчыры зафіксавана 20 могільнікаў (19,4 % ад агульнай колькасці), у складзе якіх ёсць насыпы з уключэннем камянёў (усяго каля 130 курганоў, што складае 15 % ад агульнай колькасці насыпаў) (мал. 2, а). Часцей за ўсё курганы гэтых помнікаў уяўляюць сабой аднародныя групы, у якіх не сустракаюцца іншыя вядомыя ў рэгіёне старажытныя магілы, але ёсць і рэдкія выключэнні (Валоўнікі, Нагуевічы, Паўлавічы), калі побач з імі размяшчаюцца

Мал. 2. Курганныя могільнікі з каменнымі і доўгімі (падоўжанымі) курганамі:
а – каменныя курганы, б – доўгія (падоўжаныя) курганы

звычайныя земляныя курганы. Гэты факт у сваю чаргу не выключае наяўнасці камянеў унутры гэтых насыпаў ці таго, што з цягам часу камяні маглі «ўрасці» ў зямлю і стаць незаўважнымі для візуальнага абследавання.

Улічваючы адзначаную аднароднасць могільнікаў з каменнымі курганамі, цалкам лагічнай выглядае думка пра існаванне на разглядаемай тэрыторыі пэўнага насельніцтва, у пахавальнай традыцыі якога меліся свае асаблівасці – выкарыстанне каменя ў пахаваннях. На карысць гэтай гіпотэзы сведчыць і дастаткова шчыльнае размяшчэнне каменных могільнікаў на тэрыторыі рэгіёна – на водападзеле Зальвянкі і Шчары, у вярхоўях левых прытокаў апошняй (р. Сіпа, р. Луконіца, р. Бяроза, р. Грыўда). Вядомы толькі тры помнікі, адарваныя ад арэала іх распаўсюджання: Нагуевічы (на беразе р. Іса), Валоўнікі і Гнаінскія (паміж вярхоўямі р. Пад’яварка і р. Дзятлаўка (левы прыток Моўчадзі)). Як было адзначана вышэй, менавіта ў Нагуевічах і Валоўніках насыпы з камянямі складаюць толькі частку могільнікаў (пры гэтым меншую), а ў Гнаінскіх помнік складаецца толькі з двух курганоў.

Адносна этнічнай прыналежнасці каменных курганоў існуюць розныя меркаванні. В. В. Сядоў разглядаў іх у якасці помнікаў яцвягаў ці іх славянізаваных нашчадкаў [18, с. 50–51; 20, с. 120]. Польскія даследчыкі лічаць падобныя курганы характэрнымі для змешанага мазавецка-дрыгавіцкага насельніцтва [29, s. 361]. Вывучаючы аналагічныя пахаванні ў Пабужжы, Т. М. Каробушкіна выказвала думку аб іх прыналежнасці дрыгавічам [30, с. 34]. Таго ж пункта гледжання для Верхняга Панямоння прытрымліваецца і П. Ф. Лысенка [28, с. 54–55]. А. В. Квяткоўская наяўнасць камянеў у насыпах разглядае як рысу, характэрную для помнікаў пруса-яцвяжскага насельніцтва і менавіта ў гэтым кантэксце разглядае шэраг курганных могільнікаў азначанага рэгіёна [31, с. 26–28, 37–38, мал. 1, 5]. У сваю чаргу Я. Г. Звяруга, апісваючы каменныя курганы, змяшчаў іх сярод балцкіх старажытнасцей, але пазней адзначыў хаатычнасць размяшчэння камянеў

у насыпах большасці даследаваных у Верхнім Панямонні курганоў і звязаў гэта з прыроднымі асаблівасцямі рэгіёна, для якога характэрна вялікая колькасць камянёў у глебе [22, с. 216]. Наяўнасць некаторай сістэмнасці ў іх размяшчэнні на ўзроўні дзённай паверхні (групаванне вакол пахавання, камяні каля ног ці галавы памерлага) адпавядае, на яго думку, і славянскім старажытнасцям [23, с. 89]. Відавочна, што так званыя каменныя курганы складаюць тут асобны тып помнікаў, які знаходзіць сваё развіццё ў больш позніх каменных магілах, але правесці дакладную рысу паміж славянскай і славянізаванай балцкай прыналежнасцю сёння не ўяўляецца магчымым. Нават калі каменныя могільнікі з'яўляюцца пахаваннямі асобнай этнічнай групы, яна не была адасоблена ад астатняй часткі насельніцтва рэгіёна, пра што сведчыць суіснаванне тут побач розных тыпаў курганных могільнікаў.

Самымі нешматлікімі на тэрыторыі басейна р. Шчары з'яўляюцца падоўжаныя курганы (мал. 2, б). Яны звычайна знаходзяцца ў тых жа могілніках, што і паўсферычныя земляныя, але колькасць іх значна меншая. Па знешнім выглядзе гэта авальныя ці прамакутныя ў плане насыпы даўжынёй каля 20 м, шырынёй – каля 10 м, вышынёй – да 1,5 м. Амаль ва ўсіх выпадках каля падэшвы курганоў захаваліся раўкі. У межах азначанай тэрыторыі сёння можна казаць толькі пра 11 насыпаў гэтага тыпу ў складзе 4 могілнікаў (Абелькавічы, Дзямянаўцы-1, Дзямянаўцы-2, Пуштаборы-1). Ні адзін з іх не даследаваўся. Амаль не праводзіліся раскопкі падоўжаных курганоў і на тэрыторыі Верхняга Панямоння ўвогуле.

Ф. Д. Гурэвіч лічыла доўгія і падоўжаныя курганы тыповымі славянскімі пахавальнымі збудаваннямі, якія ў міжрэччы Нёмана і Заходняга Буга былі пакінуты дрыгавічамі, хоць звычайна іх разглядаюць як крывіцкія старажытнасці [32, с. 65]. Так, напрыклад, вызначаў іх прыналежнасць В. В. Сядоў, але не выключаў і магчымасць іх усходнебалцкага паходжання [23, с. 95–96]. Зразумела, што без правядзення адпаведных раскопак дакладна вырашыць гэта пытанне сёння немагчыма. Застаецца прыблізным і датаванне гэтых помнікаў, верхняя дата існавання якіх на тэрыторыі Заходняй Беларусі вызначаецца XI ст. [32, с. 65].

У дачыненні датавання паўсферычных земляных і каменных курганоў на тэрыторыі Верхняга Панямоння, аналіз дэталей пахавальнага абраду і рэчавых комплексаў дазваляе з большай ці меншай верагоднасцю датаваць пахаванні з трупаспаўненнямі X–XI стст., а з трупапалажэннямі – XI–XII стст. У XIII ст. курганная пахавальная традыцыя пачынае згасаць, саступаючы месца грунтовым магілам [23, с. 93]. Адпавядаюць гэтаму і матэрыялы раскапаваных насыпаў на тэрыторыі басейна р. Шчары. Сярод знаходак, якія выступаюць асноўнымі пры датаванні, патрэбна ўзгадаць знаходкі з пахаванняў на могілніку ў Збочна. Сярод іх золаташклянныя пацеркі X–XII стст. [28, с. 52; 4, с. 69], трапецападобная падвеска з трохкутнымі прывескамі, якая мае аналогіі сярод фіна-ўгорскіх старажытнасцей X–XI стст. [4, с. 69]. Да старажытнасцей XI–XII стст. адносяцца таксама вітыя бронзавыя пярсцёнак і бранзалет [28, с. 52; 4, с. 70], палутараабаротныя вісочныя кольцы [29, с. 361; 4, с. 70]. Выключэннем з'яўляюцца пахаванні ў курганах пад Орлавічамі і Васілевічамі з манетамі XVI ст. [7, с. 14, мал. 17, 4–5; 16, с. 147–148]. Гэта можа тлумачыцца выкарыстаннем тэрыторыі курганных могілнікаў ў якасці могілак і ў больш позні час, калі нябожчыка маглі хаваць і ў магіле, выкапанай непасрэдна ў насыпе кургана. Акрамя таго, у абодвух азначаных выпадках маюць месца насыпы з розначасовымі пахаваннямі. Спробы ўдакладніць датаванне курганных могілнікаў разглядаемага рэгіёна нават у межах асобнага помніка па матэрыялах курганоў, раскапаваных тут, на сённяшні дзень будуць не дастаткова абгрунтаванымі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Штыхов, Г. В. Археологическая карта Белоруссии / Г. В. Штыхов. – Минск: Полымя, 1971. – Вып. 2.: Памятники железного века и эпохи феодализма. – 275 с.
2. Поболь, Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши / Л. Д. Поболь; под ред. Ю. В. Кухаренко. – Минск: Наука и техника, 1979. – 208 с.
3. Михайловский, Е. Археологические очерки Слонимского уезда, Гродненской губернии / Е. Михайловский // Труды Виленского отд-ния Моск. предварительного ком. по устройству в Вильне IX археологического съезда. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1893. – Отдел II. – С. 165–187.
4. Дабрыян, А. А. Гарадзішча Збочна – унікальны археалагічны помнік / А. А. Дабрыян, С. А. Піваварчык // Слонімшчына вачыма навукоўцаў і краянаўцаў; рэдкал.: І. П. Крэнь [і інш.]. – Слонім, 2002. – С. 67–72.

5. Квяткоўская, А. В. Пахавальныя помнікі пруса-яцвяжскага насельніцтва на Слонімшчыне / А. В. Квяткоўская // Слонімшчына вачыма навукоўцаў і краязнаўцаў; рэдкал.: І. П. Крэнь [і інш.]. – Слонім, 2002. – С. 49–61.
6. Квятковская, А. В. Отчет о полевых исследованиях в Гродненской области в 1982 году / А. В. Квятковская // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 785.
7. Гуревич, Ф. Д. Отчет о работе Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции за 1955 г. / Ф. Д. Гуревич // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 11.
8. Покровский, Ф. В. Археологическая карта Гродненской губернии / Ф. В. Покровский. – Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1895. – 165 с.
9. Седов, В. В. Отчет о полевых работах Верхнеднепровского отряда Института археологии АН СССР на территории Белоруссии в 1962 г. / В. В. Седов // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 228.
10. Glogier, Z. Notatki archeologiczne Michała Fedorowskiego z okolic Słonima. Kurhany pod Wiszowem / Z. Glogier // Pamiętnik fizyograficzny. – Warszawa : Druk. K. Kowalewskiego, 1882. – Т. II. – С. 491–492.
11. Glogier, Z. Korespondencya do redakcyi Biblioteki Warszawskiej / Z. Glogier // Biblioteka Warszawska. – Warszawa : Druk. Józefa Bergera, 1882. – С. 147–148.
12. Stabrowski, J. Notatki archeologiczne z powiatu Słonimskiego / J. Stabrowski // Wiadomości Archeologiczne / Państwowe muzeum archeologiczne w Warszawie; red. R. Jakimowicz. – Warszawa, 1935. – Т. XIII. – С. 175–177.
13. Jakimowicz, R. Sprawozdanie z działalności Państwowego Muzeum Archeologicznego za 1928 rok / R. Jakimowicz // Wiadomości Archeologiczne / Państwowe muzeum archeologiczne w Warszawie; red. R. Jakimowicz. – Warszawa, 1935. – Т. XIII. – С. 232–278.
14. Jakimowicz, R. Sprawozdanie z działalności Państwowego Muzeum Archeologicznego za 1927 rok / R. Jakimowicz // Wiadomości Archeologiczne / Państwowe muzeum archeologiczne w Warszawie; red. R. Jakimowicz. – Warszawa, 1935. – Т. XIII. – С. 213–231.
15. Зabytki z okresu wpływów rzymskich, średniowiecza i czasów nowożytnych z Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie / pod red. A. Piotrowskiego. – Wł.: DEKA, 2005. – 264 s.
16. Супрун, В. Р. Орлавічы / В. Р. Супрун // Археалогія Беларусі: у 2 т.; рэдкал.: Т. У. Бялова [і інш.]. – Мінск, 2011. – Т. 2. – С. 147–148.
17. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Брэсцкая вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1984. – 424 с.
18. Седов, В. В. Курганы ятвягов / В. В. Седов // Сов. археология. – 1964. – № 4. – С. 36–51.
19. Максімовіч, А. М. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Брэсцкай і Гродзенскай абласцей у 2013 г. / А. М. Максімовіч // Архіў археалагічнай навуковай дакументацыі ІГ НАН Беларусі. – Спр. № 3043.
20. Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов ; под ред. Б. А. Рыбакова; Ин-т археологии АН СССР. – М.: Наука, 1982. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).
21. Малевская-Малевич, М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. / М. В. Малевская-Малевич; под ред. С. В. Белецкого; ИИМК РАН. – СПб.: Нестор-История, 2005. – 160 с. – (Труды ИИМК РАН. Т. XVII).
22. Звяруга, Я. Г. Раскопки курганов у вярхоўях Росі і Зальвянкі / Я. Г. Звяруга // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; рэдкал.: А. Г. Калечыц (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн., 2006. – Вып. 22. – С. 210–216.
23. Звяруга, Я. Г. Насельніцтва Панямоння / Я. Г. Звяруга // Археалогія Беларусі: у 4 т.; рэдкал.: П. Ф. Лысенка (наук. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2000. – Т. 3: Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). – С. 84–108.
24. Завитневич, В. З. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губернии / В. З. Завитневич // Труды девятого археологического съезда в Вильне; под ред. гр. Уваровой и С. С. Слуцкого. – М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1895. – Т. 1. – С. 221–235.
25. Русанова, И. П. Территория древлян по археологическим данным / И. П. Русанова // Сов. археология. – 1960. – № 1. – С. 63–69.
26. Седов, В. В. Дреговичи / В. В. Седов // Сов. археология. – 1963. – № 3. – С. 112–125.
27. Гуревич, Ф. Д. Древности Белорусского Пономанья / Ф. Д. Гуревич; под ред. П. Н. Третьякова. – М.; Л.: АН СССР, 1962. – 222 с.
28. Лысенка, П. Ф. Дрыгавічы / П. Ф. Лысенка // Археалогія Беларусі: у 4 т. / рэдкал.: П. Ф. Лысенка (наук. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2000. – Т. 3: Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). – С. 32–58.
29. Jaskanis, D. Materiały z badań wczesnośredniowiecznego cmentarzyska w miejscowości Podroś koło Wołkowyska w BSRR / D. Jaskanis // Rocznik Białostocki / Muzeum w Białymstoku; red. Wł. Antoniewicz. – Białystok, 1962. – Т. III. – С. 337–363.
30. Коробушкина, Т. Н. Среднее Побужье в IX–XIII вв. / Т. Н. Коробушкина // Восточная Европа в древности и средневековье : Докл. междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию проф. Э. М. Загорульского / науч. ред. А. А. Егорейченко. – Минск: БГУ, 2004. – С. 28–36.
31. Квятковская, А. В. Ятвяжские могильники Беларуси (к. XI–XVII в.) / А. В. Квятковская. – Vilnius: Diemedžio, 1998. – 327 с.
32. Гуревич, Ф. Д. О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии / Ф. Д. Гуревич // Краткие сообщ. Ин-та истории материальной культуры / АН СССР ; редкол.: Т. С. Пассек (отв. ред.) [и др.]. – М., 1958. – Вып. 72. – С. 54–65.

Паступіў у рэдакцыю 01.09.2015

МОВАЗНАЎСТВА

УДК 811.161.1'373–115+811.161.3'373–115

И. В. ЕЛЫНЦЕВА

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ «ЦВЕТ» И «КОЛЕР» В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И СОСТАВА

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
Минск, Беларусь, e-mail: i.elyntseva@gmail.com*

Рассматриваются особенности структурной организации и состава семантических полей цвета в лексико-семантических системах русского и белорусского языков на современном этапе их функционирования. В результате сопоставительного анализа установлены сходства и различия иерархически организованных лексических множеств близкородственных языков как в плане выражения, так и в плане содержания.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, цвет, колоратив, лексико-семантический вариант, лексико-семантическая группа.

I. V. ELYNTSEVA

LEXICO-SEMANTIC FIELDS OF COLOUR IN RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES: SPECIFICS OF STRUCTURE AND COMPOSITION

*Center for Belarusian Culture, Language and Literature Researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus, e-mail: i.elyntseva@gmail.com*

Article is devoted to consideration of semantic fields of color structural organization and composition in lexical-semantic systems of Russian and Belarusian languages at present stage of their functioning.

The comparison resulted in defining the similarities and differences between lexical sets of closely related languages both in plan of expression and content.

Keywords: lexical-semantic field, color, color lexeme, lexical-semantic variant, lexical-semantic group.

Лексико-семантическое поле (ЛСП) – это относительно целостное, незакрытое и способное к развитию множество слов или их лексико-семантических вариантов (ЛСВ), объединенных вокруг доминанты общностью лексических значений, упорядоченных отношением семантической производности [1, с. 61]. В русском и белорусском языках к упорядоченным совокупностям такого рода относятся коррелятивные лексико-семантические поля «Цвет» и «Колер», объединяющие многочисленные и отличные по составу лексические единицы разных частей речи с интегральным признаком (семой) *цвет / колер*. В научной литературе встречается ряд терминов для обозначения общего понятия цвета в языке: *цветообозначение, цветное слово, цветослово, колороним, колоратив, колорема, слово-цветонаименование, цветонаименования, слово-цветообозначение, цветообозначение, имя цвета, цветослово, колоризм, цветолексема, цветоним, цветономинация, номинация цвета*. С нашей точки зрения, термином, наиболее точно отражающим сущность языковой единицы анализируемого множества, в состав которой входит корневой морф, семантически или этимологически связанный с цветонаименованием, является *колоратив*.

В свое время американский ученый Е. Найда, отмечая различную степень трудности выделения тех или иных семантических полей и их составных частей для определенных групп лек-

сики, указывал, что «оно сравнительно несложно лишь в тех случаях, когда «речь идет о более или менее ясно очерченной группе слов», например о так называемых терминах родства или обозначениях цветового спектра» [2, с. 34]*. Это высказывание лишний раз подтверждает мысль о возможности выделения ЛСП цвета с довольно выраженными различиями в любом языке. По мнению известного российского исследователя М. А. Бородиной, ЛСП колоративов «занимает промежуточное положение между конкретными и абстрактными понятиями: с одной стороны, цвет – явление исконно природное, с другой – эмоционально-психическая сторона и все более развивающееся разнообразие технических наименований цвета приближают эту группу слов и к абстрактным представлениям, создаваемым носителями языка. Пожалуй, ни одна группа слов не прошла столь значительную эволюцию, как цветообозначения» [3, с. 128].

Цветовые ЛСП русского и белорусского языков – это близкие по строению и семантике элементов множества, все единицы которых объединены общим семантическим признаком, формирующим соответствующие структуры таких крупных лексических группировок и предопределяющим их отдельное место в лексико-семантических системах языков; при этом члены полей иерархически распределяются в зависимости от количества семантических компонентов в структуре значения слова и от их семантической нагрузки. Архилексемой поля обычно выступает слово, имеющее надкатегориальный характер и наиболее абстрактное значение: оно определяется семантическими компонентами, составляющими структуру его значения, релевантными для всех единиц поля: для русского ЛСП такой архилексемой является *цвет*, для белорусского – *колер*. Оба слова максимально обобщенно передают ключевое понятие, выражаемое всеми членами сопоставляемых цветовых полей близкородственных языков.

ЛСП цвета обоих языков имеют в своем составе лексические средства разной частеречной принадлежности – прилагательные, существительные, глаголы, наречия и причастия. При разном количестве входящих в русское и белорусское поля лексем (944 и 703 соответственно), количество той или иной части речи, а также преимущество слов определенного грамматического разряда перед другими в соотносительных ЛСП также неодинаковы: в русском больше всего прилагательных (441) и глаголов (292); значительно меньше существительных (158), наречий (39) и причастий (9). Белорусское цветовое поле также представлено в большей степени прилагательными (287) и глаголами (243); имен существительных почти столько же, сколько русских (145), наречий намного меньше, чем в русском языке (12), причастий же, между тем, почти в два раза больше, чем русских (16), хотя в системе белорусского языка в целом таких лексических единиц совсем немного.

Как показало исследование, анализируемые поля в обеих языковых системах имеют типовую структурную организацию. В каждом из ЛСП четко выделяется ядерная, центральная и периферийная зоны, но в отличие от некоторых других полей в цветовом поле присутствует также и околядерная зона.

И в русском, и в белорусском полях *ядро* составляют имя поля и несколько дериватов – высокочастотные, стилистически нейтральные единицы разных частей речи одного словообразовательного гнезда, семантически наиболее простые, имеющие общее значение ЛСП в его «чистом» виде: в русском – *цвет*¹ ‘свойство тела вызывать зрительное ощущение в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого им видимого излучения; окраска’, *цветность* ‘*спец.* Наличие того или иного цвета у чего-л.’, *цветной* ЛСВ2 ‘воспроизводящий цвет предметов, изображающий что-л. в цветах, близких к натуральным’, *цветовой*¹ ‘*прил. к цвет*¹’; в белорусском – *колер* ЛСВ1 ‘светлавы тон чаго-н.; афарбоўка’, *каляровасць* ЛСВ2 ‘*наяўнасць таго ці іншага колеру ў чым-н.*’, *колернасць* ‘*наяўнасць таго ці іншага колеру ў чым-н.*’, *колеравы* ‘звязаны з успрыманням колеру’**. Как видим, состав ядра русского поля несколько отличается

* Отметим, что несмотря на имеющееся в лингвистике значительное количество научных работ, посвященных разностороннему исследованию лексики цветоименований, не все аспекты в данном направлении досконально изучены, тем более в сопоставительном плане. Но именно сравнение позволяет установить закономерности проявления сходств и различий языков на формально-семантическом уровне.

** Здесь и далее значения приводятся со «Словаря русского языка» (в 4 т.) (М., 1981–1984) и «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» в 5 т. (6 кн.) (Мн., 1977–1984).

от состава ядра белорусского ЛСП: русскими ядерными единицами являются **2** существительных и **2** прилагательных; в ядро белорусского поля входят **3** существительных и **1** прилагательное. Перечисленные выше русские и белорусские лексемы обладают самой общей семантикой; относясь к единицам малосодержательного характера, они отражают значение цвета вообще. Околоядерную зону сопоставляемых цветовых ЛСП составляют отдельные ЛСВ базовых лексем – субстантивов, адъективов, вербативов и адвербативов, т.е. в дефинициях которых сема цвета, как и у ядерных единиц, является определяющей и наиболее абстрактной, однако, выступая синонимами лексем, составляющих ядерную зону, они немного более конкретны по смыслу: рус.: *краска*¹ ЛСВ2 ‘тон, цвет, колорит’, *краситься* ЛСВ1 ‘покрываться или пропитываться краской; подвергаться окраске’, *крашеный* ЛСВ1 ‘покрытый краской, подвергшийся окраске’, *окраска* ЛСВ2 ‘цвет, оттенок чего-л.’, *окрашивание* ‘действие по глг. окрашивать’, *окрашивать* ‘несов. к окрасить’, *окрашиваться* ЛСВ1 ‘несов. к окраситься’, ЛСВ2 ‘страд. к окрашивать’*; бел.: *афарбоўка* ЛСВ1 ‘дзеянне паводле дзеясл. афарбаваць (у 1-м знач.)’, ЛСВ2 ‘колер, адценне колеру чаго-н.’, *фарба* ЛСВ1 ‘барва, колер, тон’, *фарбаваць* ЛСВ1 ‘...// Надаваць колер, афарбоўку’. Состав околоядерных зон сопоставляемых цветовых полей также не полностью совпадает: в ЛСП «Цвет» данный участок включает **3** существительных, **3** глагола и **1** прилагательное, в ЛСП «Колер» – только **2** существительных и **1** глагол.

Лексемы, составляющие *центр* как наиболее стабильную часть поля, сохраняют признаки, характерные для элементов ядра, однако в семантической структуре этих единиц присутствуют дифференциальные семы, по-своему в каждом отдельном случае конкретизирующие общее значение цвета, что является основанием их включения в центральную зону поля. Центральную часть ЛСП «Цвет» и «Колер» составляют колоративы разной частеречной принадлежности:

– **прилагательные**: *аметистовый* ЛСВ2 ‘цвета аметиста; фиолетовый’, *брусничный* ЛСВ2 ‘темно-красный, цвета спелой брусники’, *канареечный* ЛСВ2 ‘ярко-желтый, цвета оперения канарейки’, *миндальный* ЛСВ2 ‘розовый, такой, как цветки миндаля’, *янтарный* ЛСВ2 ‘золотисто-желтый, цвет янтаря’ / *агнявы* ЛСВ2 ‘які мае колер агню; ярка-чырвоны’, *бурачны* ЛСВ2 ‘лілова-чырвоны, колеру чырвоных буракоў, бурачковы’, *кобальтавы* ЛСВ2 ‘колеру кобальту; цёмна-сіні’, *рабінавы* ЛСВ2 ‘які нагадвае сабой колер ягад рабіны; аранжава-чырвоны’, *свінцовы* ЛСВ2 ‘цёмна-шэры, колеру свінцу’ и т. д.;

– **глаголы**: *алеть* ЛСВ1 ‘выделяться своим алым цветом, виднеться (о чем-л. алом)’, ЛСВ2 ‘становиться алым’, *выжелтить* ‘Разг. Окрасить в желтый цвет’, *зарозовеет* ЛСВ1 ‘выделиться своим розовым цветом, показаться (о чем-л. розовом)’, ЛСВ2 ‘начать розоветь; стать розовым’, *чернить* ЛСВ1 ‘делать черным, красить в черный цвет’ / *блакітнець* ‘становіцца блакітным, набываць блакітны колер’, *засялянец* ЛСВ1 ‘пачаць зелянец; зрабіцца зялёным’, ЛСВ2 ‘паказацца, вылучыцца сваім зялёным колерам’, *запунсавец* ЛСВ1 ‘зрабіцца пунсовым’, ЛСВ2 ‘вылучыцца сваім пунсовым колерам, паказацца (аб чым-н. пунсовым)’, *перачарніць* ЛСВ1 ‘Разм. Зрабіць вельмі чорным’, ЛСВ2 ‘Разм. Пафарбаваць у чорны колер, пачарніць усё, многае’ и т. д.;

– **существительные**: *багровость* ‘багровый цвет’, *голубизна* ‘голубой цвет, голубой оттенок чего-л.’, *краснота* ‘свойство и состояние по прил. красный (в 1-м знач.)’, *розоватость* ‘розовый цвет чего-л.’, *синева* ЛСВ1 ‘синий цвет’ / *барвовасць* ‘уласцівасць барвовага; барвовае адценне’, *блакіт* ЛСВ1 ‘светла-сіні колер’, *жаўцізна* ‘жоўты колер, жоўтае адценне чаго-н.’, *сівізна* ЛСВ1 ‘сівыя валасы; с і в ы к о л е р в а л а с о ў (разрядка наша. – И. Е.)’, ЛСВ2 ‘перан. Шаравата-белы налёт на чым-н.; шаравата-белы колер, афарбоўка чаго-н.’, *сінь* ЛСВ1 ‘сіні колер’ и т. д.;

– **наречия**: *докрасна* ‘до красноты’, *золотисто* ‘нареч. к золотистый’, *матово* ‘нареч. к матовый¹ (в 1-м знач.)’, *черно* ЛСВ1 ‘нареч. к черный (в 1-м знач.)’ / *дачырвана* ‘да чырвонага колеру’, *жоўта* ЛСВ1 ‘прысл. да жоўты’, ЛСВ2 ‘безас. у знач. вык. Пра наяўнасць жоўтага колеру’, *зелена* ЛСВ1 ‘прысл. да зялёны (у 1, 2-м знач.)’ и т. д.;

– **причастия**: *белённый* ‘прич. страд. прош. от белить’, *серебрённый* ‘прич. страд. прош. от серебрить’, *чёрнённый* ‘прич. страд. прош. от чернить’ / *асветлены* ‘дзеепрым. зал. пр. ад асвятліць’, *пабелены* ‘дзеепрым. зал. пр. ад пабяліць’, *сераброны* ‘дзеепрым. зал. пр. ад серабрыць’ и т. д.

* Отметим, что глаголы *окрасить*, *окраситься* являются элементами центральной зоны ЛСП «Цвет».

Центральными единицами цветовых ЛСП в русском языке являются также лексемы, имеющие корень, общий с корнем ядерных единиц, но входящие в поле по их второму и/или третьему ЛСВ, связанным со значением цвета: *колер*, *колорит*, *колоритность*, *колорист*, *цветистость*, *обесцвеченность*, *обесцвечение*, *обесцвечивание*, *разноцветность*, *колоритный*, *цветной*, *цветистый**, *обесцвеченный*, *разноцветный*, *цветочувствительный*, *обесцвечивающий*, *неколоритный*, *колористический*, *цветисто*, *обесцвечено*, *колоритно*, *колористически*, *обесцветить*, *обесцветиться*, *обесцвечивать*, *обесцвечиваться*; и белорусском: *каляровасць*, *каларыт*, *каларыст*, *каларытнасць*, *абясколераванне*, *абясколеранасць*, *квяцістасць*, *рознакаляровасць*, *разнаколеранасць*, *каляровы*, *колерыны*, *каларытны*, *некаларытны*, *каларыстычны*, *абясколераны*, *квяцісты*, *рознакаляровы*, *разнаколерыны*, *каларытна*, *квяціста***, *абясколерыць*, *абясколерыцца*, *абясколераваць*, *абясколеравацца*.

К центральной зоне сопоставляемых цветовых полей относится группа префиксальных и постфиксальных колоративов-глаголов:

в русском ЛСП: *окрасить* ЛСВ1 ‘...// Растворившись, впитавшись, придать какой-л. цвет чему-л. ...// Сделать красным, придать красноватый оттенок чему-л. (о лучах солнца, огне, румянце и т. п.)’, *окраситься* ‘...// Принять какой-л. цвет, оттенок’, *перекрасить* ЛСВ1 ‘выкрасить заново, еще раз или иначе’, ЛСВ2 ‘выкрасить всё, многое’, *перекраситься* ЛСВ1 ‘принять другой цвет, оттенок. // Разг. Выкрасить свои волосы в другой цвет’, *перекрашивать* ‘несов. к перекрасить’, *перекрашиваться* ЛСВ1 ‘несов. к перекраситься’, ЛСВ2 ‘страд. к перекрашивать’, а также отглагольные существительные *перекраска* ‘действие по знач. глг. перекрасить – перекрашивать’ и *перекрашивание* ‘действие по знач. глг. перекрашивать и перекрашиваться’;

в белорусском: *фарбавацца* ЛСВ1 ‘...// Примаць які-н. колер, адценне’, ЛСВ3 ‘зал. да фарбаваць (у 1-м знач.)’, *афарбаваць* ЛСВ2 ‘надаць які-н. колер’, *афарбавацца* ЛСВ2 ‘набыць які-н. колер’, *афарбоўваць* ‘незак. да афарбаваць’, *афарбоўвацца* ЛСВ1 ‘незак. да афарбавацца’, ЛСВ2 ‘зал. да афарбоўваць’, *пафарбаваць* ЛСВ2 ‘надаць чаму-н. які-н. колер’, *пафарбавацца* ЛСВ2 ‘набыць які-н. колер, адценне’, *перафарбаваць* ЛСВ1 ‘афарбаваць, пафарбаваць нанова, у іншы колер’, *перафарбавацца* ЛСВ1 ‘набыць іншы колер’, *перафарбоўваць* ‘незак. да перафарбаваць’, *перафарбоўвацца* ЛСВ1 ‘незак. да перафарбавацца’, ЛСВ2 ‘зал. да перафарбоўваць’, а также отглагольные существительные *перафарбаванне* ‘дзеянне паводле знач. дзеясл. перафарбоўваць – перафарбаваць’, *перафарбоўванне* ‘дзеянне паводле знач. дзеясл. перафарбоўваць – перафарбаваць’, *перафарбоўка* ‘дзеянне паводле знач. дзеясл. перафарбоўваць – перафарбаваць’ и причастие *перафарбаваны* ЛСВ1 ‘дзеярм. зал. пр. ад перафарбаваць’.

Кроме перечисленных выше групп лексем, в центральную зону ЛСП «Цвет» и «Колер» входят также номинации, включенные в данные лексические множества по оттенку значения***, например: 1) **прилагательные**: *багровый* ‘...// Красный с синеватым или лиловым оттенком’, *густой* ЛСВ2 ‘...// Сочный, яркий (о цвете, краске)’, *карминный* ‘...// Ярkokрасный, цвета кармина’, *тигровый* ЛСВ1 ‘...// Желтый с темными полосами, цвета шкуры тигра’ / *асляпляльны* ЛСВ1 ‘...// Разм. Бліскуча-белы’, *васковы* ‘...// Падобны на воск; жаўтлявы’, *вохрысты* ‘...// Колеру вохры; жоўтага або чырвона-карычневага адцення’, *кармінавы* ‘...// Ярка-

* Один из ЛСВ полисемичного прилагательного *цветистый* является единицей цветового поля в русском языке, в то время как другие ЛСВ этого слова относятся к смежным полям, например, к ЛСП «Речь, говорение», что обусловлено наличием переносного значения в семантической структуре данного адъектива: ЛСВ4 ‘перен. Излишне украшенный, витиеватый (о слоге, речи и т. п.)’ // Склонный к витиеватости (в речи, изложении). Такой же ЛСВ выделяется в семантической структуре белорусского прилагательного *квяцісты*, на основании чего он является членом ЛСП «Маўленне, гаварэнне»: ЛСВ3 ‘перан. Залішне напышлівы (пра мову, стыль і пад.)’.

** Зафиксированное в «Слоўніку беларускай мовы» (Мінск, 2012) наречие *квяціста* также входит в центр поля «Колер».

*** Следует отметить, что некоторые лексемы, имея в своей семантической структуре ЛСВ цвета, на основании других ЛСВ входят в смежные поля. Так, например, прилагательные *густой* ЛСВ4 ‘полнозвучный, низкий (о звуке, голосе)’ / *густы* ЛСВ5 ‘нізкі, прыглушаны (пра гукі, голас)’, *чистый* ЛСВ8 ‘звонкий, отчетливый, без хрипа (о голосе, звуке)’ / *чысты* ЛСВ6 ‘выразны, без шумаў, без дадатковых гукаў’ являются членами поля речи и звучания; глаголы *отсвечивать* ЛСВ1 ‘отражая свет, давать ответ, отблеск’, ЛСВ2 ‘отражаться в чем-л. (об источниках света)’ / *адсвечиваць* ЛСВ1 ‘адбіваючы святло, свяціцца, даваць водсвет’, ЛСВ3 ‘адбівацца на чым-н.’, *сиять* ЛСВ1 ‘излучать яркий, сильный свет, ярко светиться’, ЛСВ2 ‘блестеть, сверкать, отражая свет, лучи; блистать’ / *ззяць* ЛСВ1 ‘вылучаць ззяненне; ярка свяціць’, ЛСВ2 ‘блішчаць, зіхацець, адбіваючы святло, прамяні’ – членами поля света и т. д.

чырвонага колеру, пунсовы¹; 2) **глаголы**: *заліцца*¹ ЛСВ1 ‘...// Покрыцца румянцем; сильно покраснець’; *отсвечивать* ЛСВ1 ‘...// чем. Иметь какой-л. дополнительный цвет, оттенок; отливать’; *светиться* ЛСВ2 ‘...// Выделяться светлым цветом, проглядывать (о чем-л. светлом)’ / *адсвечваць* ЛСВ1 ‘...// Адліваць колерам чаго-н. або якім-н. колерам’; *нажаўцець* ‘...// Страціць зялёную афарбоўку, завяць (пра лісце, траву). // Набыць нездаровы колер’; *сваціцца* ЛСВ2 ‘...// Выдзяляцца сваёй белізной на іншым фоне, быць бачным з-пад чаго-н.’; 3) **существительные**: *синева* ЛСВ1 ‘...// Синеватый оттенок чего-л. (кожи и т. п.)’ / *шэрасць* ЛСВ2 ‘...// Шэрая афарбоўка чаго-н.’.

Периферия поля цвета в обеих лексико-семантических системах имеет зонную организацию. **Ближняя** зона периферии включает так называемые вторичные цветоименования, которые входят своими основными ЛСВ в смежные поля, а семантику анализируемого поля реализуют в специфических условиях, поскольку отличаются по частотности и семантическим особенностям от членов ЛСП с прямым «цветовым» значением: они указывают не на существенный признак объекта, а на тот, который не имеет решающего значения для его выделения и идентификации. В ближнюю зону периферии анализируемого русского ЛСП, таким образом, соответственно своему переносному значению, которое представлено в виде особого семантического оттенка, входят также некоторые многозначные единицы разной частеречной принадлежности: прилагательные *восковой* ‘...// перен. Бледно-желтый, мертвенно-бледный (о цвете кожи)’, *мертвый* ЛСВ2 ‘...// перен. Лишенный яркости; бледный, тусклый’, *сочный* ЛСВ3 ‘перен. Яркий, глубоких, чистых тонов (о цвете, красках и т. п.)’; существительное *медь* ЛСВ5 ‘перен. Красновато-желтый цвет чего-л.’; глагол *загореться* ЛСВ2 ‘перен. Покрыться румянцем; зардеться. // Появиться, показаться (о румянце)’.

Ближнюю зону периферии соответствующего белорусского ЛСП цвета также формирует незначительное количество многозначных единиц разных частей речи, которые имеют в семантическом объеме переносные значения: прилагательные *крыклівы* ЛСВ4 ‘перан. Які прымушае звярнуць на сябе ўвагу сваёй яркасцю, стракатасцю’, *мёртвы* ЛСВ2 ‘...// перан. Бледны, бяклывы; не яркі’; существительное *медзь* ЛСВ1 ‘...// перан. Пра колер, які нагадвае колер медзі; чырвонажоўты’; глагол *загарэцца* ЛСВ3 ‘перан. Пакрыцца румянцам, зачырванецца’. К ближней периферии некоторые исследователи относят также устарелые, областные и редкие слова, например, русские прилагательные *дикий* ЛСВ9 ‘Устар. Темно-серый, сероватый’, *жаркий* ЛСВ4 ‘Устар. Огненного цвета, оранжевый’, *небесный* ЛСВ4 ‘Разг. устар. Ярко-голубой, как небо’, *пюсовый* ‘Разг. устар. Красновато-коричневый’, *червлёный* ‘Устар. Темно-красный, багряный’, *червонный*¹ ЛСВ1 ‘Устар. Красный, алый’, *ярый*² ЛСВ1 ‘Устар. Светлый, белый’; существительные *празелень* ‘Устар. Иссиня-зеленоватая краска’, *синь* ЛСВ2 ‘Устар. Синяя краска’, *фабра* ‘Устар. Краска для чернения волос, усов и бороды’; глаголы *отцвести* ЛСВ2 ‘2. Разг. устар. Потерять первоначальный цвет, яркость окраски; выцвести’, *пожолкнуть* ‘Устар. Пожелтеть, увянуть’, *червонеть* ‘Устар. Выделяться своим червонным цветом, краснеть’. В соответствующем белорусском ЛСП цвета такие лексемы единичны: существительное *фабра* ‘Уст. Фарба для чарнення валасоў, вусоў і барады’ и глагол *сурміць* ‘Уст. Фарбаваць сурмой’ (*Сурма*¹ ЛСВ2 ‘Уст. Чорная фарба для валасоў, броваў і пад.’).

Дальнюю зону периферии ЛСП составляют, как правило, фразеологические единицы.

Как показал исследованный материал, фразеологизмов, основным значением которых является значение цвета или в их семантическом объеме одно из значений имеет в качестве основной сему цвета, немного. В основном по своему содержанию они связаны с характеристикой цвета лица. Сравн., например: рус. *вгонять [вводить] в краску* ‘приводя в смущение, заставляя **покраснеть**’*, *кровь [краска] бросилась [кинулась] в лицо* ‘кто-либо **покраснел** от смущения, стыда, досады и т. п.’, *кровь с молоком* ‘1. Здоровый, цветущий, с хорошим **цветом** лица, с румянцем. О человеке. 2. Свежее, румяное. О лице’, *до корней волос* ‘1. Очень сильно (**краснеть, покраснеть, вспыхнуть**)’ (в структуре последнего фразеологизма сему цвета представляет отдельное значение) / бел. *кроў прылівае (прыліла) да твару* ‘хто-н. **чырванее** ад збянтэжанаści, сорама

* Здесь и далее значения русских и белорусских фразеологизмов подаются согласно данным «Фразеологического словаря русского языка» под ред А. И. Молоткова (изд. 3-е, стереотип. М., 1978) и «Фразеалагічнага слоўніка беларускай мовы» в 2 т. И. Я. Лепешева (Мінск, 1993).

і пад.', без крывінкі ў (на) твары 'вельмі бледны, пабляднелы', налівацца (наліцца) кроўю (кывёю) 'чырванец' ад прыліву крыві', як макаў цвет 'прыгожы, румяны'. Надо отметить, что при этом в компонентном составе названных устойчивых единиц лексемы-цветонаименования отсутствуют.

В процессе анализа языкового материала было также установлено, что в обоих языках имеется значительное количество устойчивых единиц, составными компонентами которых являются колоративы-прилагательные. Однако в соответствии со своими значениями эти устойчивые единицы не могут входить в состав анализируемых цветовых полей. Сравн.: рус. *красное слово* (слово) 'остроумное, меткое выражение; яркие, выразительные слова', *черным по белому* 'совершенно четко, ясно, недвусмысленно, определено (сказать, написать и т. п.)', *белыми нитками шито* 'о чем-л. неумело скрываемом', *сквозь розовые очки смотреть на кого-что* 'идеализировать кого-, что-л., не замечать недостатков, темных сторон кого-, чего-л.' / бел. *медны лоб* 'тупы, абмежаваны ці занадта ўпарты чалавек', як *рудая мыш* 'зусім дарэмна, беспрычынна', у *чорным целе трымаць* '1. Надгаладзь, без дастатковага харчавання. 2. Вельмі строга, суро́ва, абмяжоўваючы свабоду дзеянняў', *чорна ў роце* 'хто-н. вельмі злы, люты' и т. д.

Все члены цветовых ЛСП в русском и белорусском языках объединяются в иерархично организованные системные множества. Исходя из частеречной принадлежности слов, которые формируют анализируемые поля цвета, выделяется пять лексико-семантических групп (ЛСГ): ЛСГ адъективных единиц (*багровый, голубой, кремовый, огнистый / барвовы, блакітны, крэмавы, агнявы*), ЛСГ процессуальных единиц (*буреть, выжелтить, залиловеть, подсинить / бурэць, выжаўціць, заліловець, падсініць*), ЛСГ предметных единиц (*голубизна, зелень, лазурь, поседение / блакіт, зелень, пурпур, пасівенне*), ЛСГ адвербиальных единиц (*бело, дочерна, зелено, серо / бела, дачарна, зелена, шэра*) и ЛСГ причастий (*белённый, серебрённый, синённый, чёрнённый / белены, пасярэбраны, сінены, чэрнены*). Каждая из указанных лексико-семантических групп в обоих языках делится далее на подгруппы на основании наличия в их семантике дифференциальных сем, содержащих самые разные характеристики цвета. Например, ЛСГ существительных включает следующие подгруппы: 1) абстрактные субстантивы (*желтизна, белота, бледность / барво-васць, бялявасць, чырвань*), 2) номинации цвета частей тела человека (*румянец, седина / румянец, сівізна*); 3) номинации цвета (*багрянец, белизна, желтизна / багра, ружовасць, сіль*), 4) номинации краски (*бакан, басма, кармин, охра / бакан, басма, вохра, пурпур*), ЛСГ глаголов – 1) номинации процессов, при которых проявляется цвет без указания на деятеля (*алеть, багроветь, зеленеть / бурэць, сінець, чырванець*), 2) номинации произведенных человеком процессов, при которых происходит проявление цвета (*белить, выжелтить, высинить / выбеліць, пажаўціць, чырваніць*) и т. д.

Рассмотренный материал позволил сделать вывод о том, что коррелирующие цветовые ЛСП в русском и белорусском языках представляют собой упорядоченные совокупности лексических единиц разных частей речи (прилагательных, существительных, глаголов, наречий и причастий) с общим семантическим компонентом – архисемой *цвет / колер* и имеют выраженную структуру: *ядро – околядерную зону – центр – периферию*. Однако несмотря на общность семантического пространства и подобие лексики данных близкородственных языков, каждое из цветовых ЛСП имеет свою специфику как в плане выражения, так и в плане содержания.

Список использованной литературы

1. Сентенберг, И. В. Лексическая семантика английского глагола: учеб. пособие к спецкурсу / И. В. Сентенберг. – М., 1984. – 95 с.
2. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1964. – 243 с.
3. Бородина, М. А., Гак, В. Г. Развитие семантики слова и структуры лексических групп / А. М. Бородина, В. Г. Гак // К типологии и методике историко-семантических исследований. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. – 232 с.

Поступила в редакцию 25.08.2015

УДК 808.2–085.3–313.1

Ю. Н. ЧАГАЙДА

МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ГЕРОЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
Минск, Беларусь, e-mail: chagaida@lenta.ru*

Представлена методика создания ономасиологического портрета героя художественного произведения. Она основывается на рассмотрении теоретических вопросов, определяющих сущность ономасиологического портрета, пошаговом обосновании механизмов его построения, а также установлении приемов для базового распределения номинативных единиц в художественном тексте.

Ключевые слова: методика создания ономасиологического портрета персонажа, номинативные единицы, ономасиологические уровни, когнитивные планы, когнитивная модель персонажа.

Y. N. CHAGAIDA

METHODS TO CREATION ONOMASIOLOGICAL PORTRAIT OF THE FICTION WRITING CHARACTERS

*Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of National Academy of Sciences,
Minsk, Belarus, e-mail: chagaida@lenta.ru*

Article presents methods to creation of onomasiological portrait of the fiction writing character. It based on the consideration of theoretical issues that define the essence of onomasiological portrait, systematic justification of its construction mechanisms, as well as establishing techniques for the underlying distribution of nominative units in a literary text.

Keywords: methods to creation onomasiological character portraits, nominative units, onomasiological levels, cognitive plans, cognitive model character.

В современной лингвистической науке широкое распространение получило понятие «картина мира», применяемое как универсальное обозначение истолкования языкового и текстового материала, его аксиологического и концептуального аспектов. Компактность и образность данного определения «делают его весьма удобным для обозначения любой информации, полученной из языковых фактов, а также лишают его терминологической определенности, а следовательно, и результирующей силы» [3, с. 32]. По этой причине возникла потребность в том, чтобы обратиться к более «прозрачной» форме описания языкового материала, которой является ономасиологический портрет. Именно ономасиологическое портретирование обеспечивает комплексный анализ языкового и текстового материала и дает возможность получить последовательное объективное представление об исследуемой реальности.

В данной статье предлагается универсальная авторская методика создания ономасиологического портрета персонажа, применимая к любому художественному произведению. Она основывается на рассмотрении теоретических вопросов, определяющих сущность ономасиологического портрета, пошаговом обосновании механизмов его построения, а также установлении приемов для базового распределения номинативных единиц в художественном тексте. В качестве фактического материала для создания ономасиологического портрета избраны военные произведения В. Быкова («Сотнікаў», «Жураўліны крык») и Б. Васильева («А зоры здесь тихие», «В списках не значился»). Использование различных художественных текстов на каждом этапе

создания ономаσιологического портрета проводится для того, чтобы привлечь как можно больше языковых данных (в том числе данных разных языков), что обеспечивает объективность разработанной методики и позволяет говорить об экстраполировании полученных результатов на все рассматриваемые произведения. Именно пошаговая систематизация языкового и текстового материала дает возможность последовательно получить конкретные результаты, т. е. создать в итоге когнитивную модель персонажа с целью подтверждения типичности ономаσιологических портретов действующих лиц.

Впервые в научный обиход термин «портрет» был введен академиком Ю. Д. Апресяном как жанр лексикографического описания. По мнению ученого, лексикографический портрет складывается из трех компонентов: семантико-прагматического представления языковой единицы; характеристики ее коммуникативно-просодических, сочетаемостных, синтаксических, морфологических и стилистических свойств; информации о семантических связях значений данной языковой единицы с другими значениями в словаре [1, с. 55–56]. Главное отличие лексикографического портрета от обычного словарного описания лексемы состоит «в насыщении словарной статьи новой информацией, необходимость которой продиктована требованиями интегральности описания» [1, с. 55–56].

Детальную разработку понятие «ономаσιологический портрет» получило также в трудах уральских этнолингвистов, которые особое внимание уделяют воссозданию образа человека по данным русских народных говоров (в том числе и в сравнении с данными других форм функционирования языка). Итогом таких исследований является «портретная галерея» присущих человеку качеств и свойств: *ума и глупости* [5; 15], *лени и трудолюбия* [13], *щедрости и скупости* [12], *порядочности* [2]. С указанных позиций осуществляется также анализ диалектных названий насекомых [14], обозначений различных видов продуктов и свойств пищи (*кислый, пресный, соленый, постный*) [17].

Особую значимость приобретают работы уральских ученых, которые создают ономаσιологический портрет с точки зрения этнолингвистики, выявляя при этом общие принципы его построения и особые черты. Так, Е. Л. Березович и М. Э. Рут, рассматривая структуру ономаσιологического портрета в соответствии с представлением о ступенчатости процесса наивно-языковой концептуализации, выделяют уровни фиксации тех или иных черт объекта и их последующей интерпретации и оценки. Соотношение уровней, по мнению исследователей, может быть различным: «не продленный интерпретационным уровнем, уровень фиксирующий оборачивается простым фотографированием объекта» [3, с. 36]. Другими словами, построение ономаσιологического портрета нуждается в строгом обосновании, что может быть достигнуто путем всестороннего освещения исследуемой реалии.

В белорусской лингвистике в рамках ономаσιологического подхода осуществлялось исследование диалектной лексики. Так, в работе Н. М. Бунько исследованы энтомологические наименования *божая кароўка, мурашка, чмел* в говорах белорусского языка с точки зрения их распространения и происхождения, выявлены мотивационные признаки, положенные в основу производных энтомологических названий, установлен семантический объем энтомологических наименований и охарактеризованы особенности их фонетической, словообразовательной и морфологической вариантности [6]. Ю. В. Малицким изучено территориальное распределение мотивационных особенностей названий рыб, характерных для говоров белорусского языка, выделены регионы в соответствии с приоритетными путями формирования ихтиологических наименований, выявлена мотивация номинативных единиц и типологизированы мотивационные показатели, положенные в основу каждого названия [16]. Ономаσιологическая словопроизводственная модель для анализа номинаций внутри номенклатурных и терминологических групп была разработана А. И. Шабловским. Данная модель включает следующие феномены: ономаσιологический контекст, референтный корпус, ономаσιологическую доминанту, тип мотивационных отношений, ономаσιологический способ. Особо следует отметить тот факт, что в конструктивной словопроизводственной модели А. И. Шабловского тип мотивационных отношений задает системные характеристики номинаций. Совокупность таких характеристик классификационно распределяется на основе структурных связей простого предложения [20]. Работая с номинациями вне контекста, автор проводит морфологическую индексацию, т. е. апеллирует к частям речи.

В нашей статье рассматриваются контекстные (дискурсно обозначенные) номинации. По этой причине есть смысл в том, чтобы осуществить морфолого-синтаксическую индексацию по принадлежности к морфологическому классу и синтаксической функции одновременно.

Источники для создания ономаσιологического портрета очень разнообразны: однокоренные слова, клишированные сочетания слов (речевые штампы, фразеологизмы и малые фольклорные жанры: пословицы, поговорки), наблюдения за онимизацией апеллятивов, за сочетаемостью в рамках художественного текста, за парадигматическими связями (синонимы, антонимы, паронимы, семантические дериваты) [4, с. 34]. По мнению В. В. Виноградова, «нет слов и языковых форм, которые не могут стать материалом для создания образа» [10, с. 42]. Такое разнообразие источников одновременно многообещающе и опасно, потому что предоставляет в распоряжение исследователя богатую, но пеструю информацию, т. е. такую, которая плохо поддается структурированию.

Между тем именно структурность делает ономаσιологический портрет причиной и следствием лингвистического анализа, выводит его из области искусства в сферу научных методик. В этой связи важным является выделение наиболее значимого, объективно содержательного языкового и речевого материала, чтобы предметно ограничить фактологическую сферу. Двигаясь в этом направлении, некоторые исследователи остановились на номинативных моделях, то есть на фактах воплощения в лексических единицах того или иного знания об объекте действительности. Так, В. В. Воробьев исследовал языковые связи лексем *русский* и *француз* и получил перечень черт русской (широта души, всемирная отзывчивость, религиозность, гостеприимство, щедрость, жертвенность) и французской (галантность, энтузиазм, скептичность, расчетливость, темпераментность, беспечность, практичность, непостоянство, остроумие, оптимистичность) языковой личности [11]. Однако для создания ономаσιологического портрета персонажа важным является всестороннее рассмотрение номинаций со значением лица, а не изучение отдельного концепта. Поэтому односторонность существующих подходов обусловлена тем фактом, что наличие предварительных «предметных фильтров» слабо связано с идейно-художественным содержанием текста.

В связи с ономаσιологическим портретированием, на наш взгляд, анализу должен подвергаться предметно связанный фактический максимум, а не «отфильтрованный» по системной характеристике материал. Только в этом случае появляется возможность для того, чтобы корректно определить, как та или иная номинативная единица (слово и словосочетание) включается в художественный текст и какую роль играет при передаче идейно-художественного содержания. Работа с предметно связанным текстовым материалом предполагает акцент на формальные аспекты номинативных единиц. Именно с опорой на формально выраженные грамматические и структурные характеристики номинаций в данной статье рассматриваются вопросы, сопряженные с феноменологией ономаσιологического портрета и методами его создания.

Ономаσιологическое портретирование основывается на пошаговой систематизации языкового и текстового материала с точки зрения формы и содержания. Ее цель – получить последовательное формализованное представление об описываемой реалии, т.е. о герое художественного произведения. Главная задача, которую необходимо решить при создании ономаσιологического портрета действующего лица, – это задача методологическая. Она включает в себя следующие аспекты: 1) выявление значимых форм группирования номинативных единиц; 2) постулирование основных ономаσιологических понятий, значимых при создании ономаσιологического портрета персонажа. При раскрытии этих аспектов необходимо проанализировать предикативные и непредикативные номинации.

Пошаговая систематизация языкового и текстового материала, включающая в себя 7 этапов, проводится с учетом структурно-семантического и когнитивного подходов. В рамках *структурно-семантического подхода* осуществляется системная классификация номинаций по синтаксическим и парадигматическим характеристикам, устанавливаются связи и соотношения между ономаσιологическим планом художественного произведения и его идейным содержанием и прагматическим фоном, а также создается специфическая структура распределения номинативных единиц, составляющих портрет персонажа (ономаσιологический контекст – онома-

сиологический корпус – ономасиологический способ – ономасиологический уровень). С точки зрения *когнитивного подхода* выявляются системные содержательные основания (когнитивные планы), необходимые для различения персонажей художественных текстов и позволяющие проследить за динамикой каждого из действующих лиц.

Алгоритм пошагового создания ономасиологического портрета включает в себя анализ: 1) предикативных и непредикативных номинаций; 2) раздельнооформленных и нераздельнооформленных номинаций; 3) ономасиологических уровней (событийный, прагматический, коммуникативный); 4) ономасиологического корпуса номинаций (референтный и отсылочный); 5) ономасиологического способа (авторское, рефлексивное и ретроспективное повествование); 6) когнитивных планов (свой / чужой, герой / предатель, активный / пассивный, успешный / неуспешный); 7) ономасиологической модели персонажа. Фактический материал исследуется нами на разных этапах на материале различных произведений: 1–3-й этапы – на материале повести В. Быкова «Сотнікаў», 4–5-й – на материале повести Б. Васильева «А зори здесь тихие», 6-й – на материале романа Б. Васильева «В списках не значился», 7-й – на материале повести В. Быкова «Жураўліны крык». Предикативные и непредикативные номинации являются связующим звеном методологических этапов создания ономасиологического портрета героя художественного произведения. Это значит, что данные номинации, рассматриваемые на материале разных произведений и представленные на каждом из этапов с учетом анализа различных языковых и текстовых уровней (1-й этап – синтаксический уровень, 2-й – структурный уровень, 3-й – семантический, 4-й – функциональный уровень непредикативных номинаций, 5-й – нарративный уровень, 6-й – когнитивный уровень, 7-й – когнитивно-моделирующий уровень), позволяют в итоге построить ономасиологический портрет персонажа и создать его когнитивную модель.

Итак, **первый этап создания ономасиологического портрета персонажа** предполагает выявление ономасиологического контекста – совокупности всех текстовых фрагментов (предикативных и непредикативных), которые прямо или отсылочно связаны с героем художественного произведения. Предикативные номинации в этом случае являются сказуемыми в предложении, отражают типичные для героев действия или состояния: *...ён [Сотников] адчуў сябе зусім блага і аж спалохаўся...* [7, с. 255]; *Рыбак даволі ўпэўнена крочыў наперадзе, трымаючыся бліжэй да лесу* [7, с. 258].

Непредикативные номинации представляют собой имена действующего лица в функции подлежащего, прямого или косвенного дополнения, а также обращения: *Каторы ўжо раз Рыбак азірнуўся і збавіў кроку – Сотнікаў ледзь прыкметна варушыўся заду* [7, с. 247], *Сыноч* [Сотников], *ды што ж гэта з табой? – заўважыўшы нешта нядобрае ў ім, іншым голасам загаманіла кабета* [7, с. 276]. Таким образом, только одновременное рассмотрение предикативных и непредикативных номинаций позволит нам дать всестороннюю оценку образу персонажа.

Второй этап создания ономасиологического портрета персонажа связан с исследованием непредикативных номинаций в структурном плане. В этой связи мы выделяем цельнооформленные (однословные) и раздельнооформленные (неоднословные) единицы. Например: *Рыбак далёка выскачыў наперад і доўга шыбаваў па касагоры* [7, с. 255]; *Ой, сыночак <...> пашкадуў дурнога!* [просила старостиха Рыбака не уводить мужа] [7, с. 271]; *Коля Рыбак з ім (с конем) ладзіў няблага <...> Седзячы на высокім возе са снапамі, Коля важна ехаў у вёску на сваё гумно* [7, с. 368–369]; *Ну, як справы, малады чалавек?* (обращается отец к Сотникову) [7, с. 376]; *Сотнікаў зноў адстаў і ўсё яшчэ стомлена гробся па схіле* [7, с. 250].

На третьем этапе создания ономасиологического портрета персонажа мы выделяем три базовых ономасиологических уровня, в которых функционируют как предикативные, так и непредикативные наименования героев любого художественного произведения: *событийный, прагматический и коммуникативный*. Именно эти уровни формируют содержательные основания для дальнейшей предметной классификации номинативных единиц.

Событийный уровень предполагает сюжетное сосуществование с героем как с субъектом действия или состояния. Этот уровень максимально приближен к фабуле произведения. Он формируется совокупностью номинаций и текстовых фрагментов, которые отражают все, что герой воспринимает и совершает. При этом основное содержание данного уровня образуют непредика-

тивные номинации, выраженные именами собственными и личными местоимениями в функциях подлежащего: *Рыбак* *закінуў* за спіну *карабін* і *аберуч* *узяўся* за *гладкае сухое тапарышча* [7, с. 265]; *Сотнікаў* *першы спрабаваў падняцца* < ... > і *ён прутка выцягнуўся на снезе* [7, с. 303].

На ближайшей периферии событийного уровня находятся предикативные конструкции с глаголом совершенного вида в составе простого, сложносочиненного, сложного бессоюзного предложений, предложений с разными видами связи, а также в главной части сложноподчиненных предложений. Данные номинации сопряжены с событийным фоном произведения, т.е. описывают особенности действий и поведения героев: *Рыбак зблізку неяк уважліва паглядзеў на сябра* [7, с. 254]; *Сотнікаў задышліва прыціх на лаве, а Рыбак у клопоткім роздуме зірнуў у акно* [7, с. 316]; *Сотнікаў знямогла заплюшчыў вочы, схуднелы, з адраслаю бародкай яго твар ледзь шарэў на саломе* [7, с. 354]; *Сотнікаў знерухомеў на лаўцы, мусіць, заснуў, а Рыбак перасеў у куток ля акна і стаў пазіраць з-за вушака на сцэжку, каб адразу ўбачыць, калі хто будзе ісці на падворак* [7, с. 310]; *Зразумеўшы, урэшце, што трэба шукаць новае выйсце, Рыбак вярнуўся да студні* [7, с. 251].

Прагматический уровень предполагает, что герой является действующим лицом, которое не участвует в речевом общении, но поведение и поступки которого являются объектом для прямых (авторских) или косвенных (от лица других героев) оценок. В этой связи персонажу дается качественная или количественная характеристика. В первом случае оценка осуществляется по шкале «хорошо – безразлично (нулевая оценка) – плохо», во втором – по признаку «больше нормы / меньше нормы». Мнение, выраженное персонажем, субъективно, оно может варьироваться от ‘+’ до ‘–’ в зависимости от интенции этого персонажа. И тогда, как справедливо замечает В. Н. Телия, «практически все оценки относительны, так как они зависят от эмпатии, а потому большинство оценочных значений амбивалентны: они меняют свой ‘+’ на ‘–’ в зависимости от ценностной ориентации» персонажа [19, с. 110]. Специфика оценочной номинации заключается в том, что, употребляя ее, герой художественного произведения «выражает не только определенное интеллектуальное содержание, но и оценочное отношение к языковой единице и через нее к обозначаемой ситуации» [18, с. 44–45].

Ономасиологической базой прагматического уровня являются непредикативные номинативные единицы, выраженные именами собственными и нарицательными, личными и указательными местоимениями в функции дополнения, а также в функции подлежащего (в конструкциях с глаголами несовершенного вида, в конструкциях с глаголами мысли и чувства, а также в составе придаточной части сложноподчиненного предложения). Например: *Пакінуўшы таварыша на снезе, Рыбак паплёўся ўгору* [7, с. 297]; *Найгоршай для Сотнікава было ў тым, што гэта быў яго першы і яго апошні франтавы бой* [7, с. 258]; *Сотнікаў падумаў, што той [Рыбак] нешта ўбачыў* [7, с. 255].

На ближайшей периферии прагматического уровня находятся:

– предикативные номинации со значением мысли и чувства, глагольный компонент в которых употребляется в форме совершенного и несовершенного вида: *Рыбак разумеў, што пачынала ўсур’ёз не ішэнціць* [7, с. 252];

– предикативные номинации, глагольный компонент в которых употребляется в форме совершенного и несовершенного вида в составе придаточной части сложноподчиненного предложения, во фрагментах авторской речи, а также в безличном употреблении: *Нарэшце Рыбак першы ўзлез на пагорчак і падумаў, што, мабыць, ён памыліўся – мусіць, хутар стаяў трошкі далей* [7, с. 250]; *Рыбаку рабілася ўсё цяплей, ён расшпіліў на два гузікі свой кажешок і піхнуў з лоба шапку* [7, с. 268];

– предикативные номинации, глагольный компонент в которых употребляется в форме несовершенного вида в составе простого, сложносочиненного, сложного бессоюзного предложений, предложений с разными видами связи, а также в главной части сложноподчиненных предложений: ... *Рыбак наперадзе рупна шастаў ботамі ў снезе; увесь час ён нецярпліва імкнуўся наперад, і Сотнікаў адставаў* [7, с. 254];

– предикативные номинации, глагольный компонент в которых употребляется в форме совершенного и несовершенного вида будущего времени: *Заўтра ён [Рыбак] скажа следчаму, што хадзіў у разведку* [7, с. 372];

– предикативные номинации, глагольный компонент в которых употребляется в форме условного наклонения: *Тады ўжо ён [Сотников] бы абрушыў на іхнія галовы такое, чаго ім і не снілася* [7, с. 259].

К **коммуникативному уровню** относится все, что связано со сферой диалога, информационного обмена между персонажами. Ономасиологической базой данного уровня являются не-предикативные номинации, которые либо именуют коммуникантов, либо присваивают участникам диалога определенные ролевые функции, либо выражают их оценочные характеристики: *Сотнікаў! Сотнікаў! – Вядома, гэта Рыбак. Сотнікаў пазнаў яго басавіты голас* [7, с. 291]; *От дзякуй, сыноч! Хай табе бог дае здароўечка, – лагодна дзякавала цётка* [когда Рыбак помог ей распилить дрова] [7, с. 265]; ... *а я, брат, у пяхоце ўсю дарогу топаю* [рассказывает Рыбак Сотникову про свою жизнь] [7, с. 254].

На ближайшей периферии коммуникативного уровня находятся глаголы речи во фрагментах авторской речи, которые оформляют прямую, косвенную речь, диалоговые реплики. Данные номинации характеризуют героев в процессе коммуникации: *Давай, давай! Бягом! – гукнуў ён [Рыбак] да Сотнікава* [7, с. 281]; ... *ён [Рыбак], мабыць, і не заўважыў, што стала з напарнікам [с Сотниковым], які і не азваўся, не крыкнуў, бо ведаў: яго ратаваць позна* [7, с. 285].

Таким образом, распределение номинативных единиц по ономасиологическим уровням позволяет определить характерные языковые средства, используемые в художественном произведении, а также выделить наиболее значимые из них в характеристике образов действующих лиц.

На **четвертом этапе создания ономасиологического портрета персонажа** вводится понятие **ономасиологического корпуса**. Он представляет собой совокупность номинативных единиц, составляющих ономасиологический контекст и систематизированных по синтаксической функции. Всего таких корпусов два – контекстный отсылочный и контекстный референтный корпусы.

Референтный корпус задается совокупностью наименований героя, которые встречаются в тексте в функции подлежащих. По отношению к старшине Васкову (герой повести Б. Васильева «А зори здесь тихие») референтная иерархия выглядит следующим образом: *он*¹ (168), *старшина* (117), *Васков* (92), *Федот Евграфыч* (82), *комендант* (25), *старшина Васков* (4), *отец капитана* (2), *комендант разезда* (1), *пенек замшелый* (1), *хмурый старшина Васков* (1), *старикан* (1), *командир* (1).

Наименования персонажа, которые выступают в функции дополнения, определения (в том числе и обособленного), именной части сказуемого и обращения, составляют **отсылочный корпус** героя: *Федот Евграфыч*² (37), *товарищ старшина* (33), *Васков* (30), *он* (22), *комендант* (11), *старшина* (10), *старшина Васков* (4), *Федот* (3), *старик* (3), *командир* (2), *Федя* (2), *товарищ старшина Васков* (2), *товарищ комендант* (1), *комендант тихого 171 разезда* (1), *Федот Евграфыч*² *Васков* (1), *товарищ старшина среднего рода* (1), *передаточная шестерня огромного, заботливо отлаженного механизма* (1), *Федот Васков* (1), *Евграфыч* (1), *утопленник* (1), *исполнитель* (1), *сверхсрочник* (1), *старикан* (1), *брат* (1), *писатель* (1), *медведь* (1), *медведь глухоманный* (1), *душка-военный* (1).

Различение референтного (1) и отсылочного (2) корпусов проводится именно в рамках ономасиологического контекста. Смысл такого различения заключается в том, чтобы выяснить, насколько объективированной является информация о герое, т. е. насколько авторский план коррелирует с тем, как герой выглядит в глазах окружающих (1), а также с тем, как герой встраивается в событийный план повествования (2).

Пятый этап создания ономасиологического портрета персонажа связан с исследованием ономасиологического способа, т. е. характера сюжетного накопления номинативного материала. К ономасиологическим способам в данном случае мы относим:

– **ретроспективное повествование** (воспоминания героя): *И вспомнил вдруг Васков, когда диверсантов считал, что из лесу выходили* [8, с. 120];

– **актуальное повествование** (авторская позиция): *Пока бойцы завтракали и готовились к походу, старшина увел сержантский состав к себе на совещание* [8, с. 28]; *Опыт он имел – не только боевой, но и охотничий* [8, с. 85];

¹ В скобках указывается количество употреблений номинативных единиц.

² Номинации, отражающие количественную характеристику персонажей, представлены в начальных формах.

– **рефлексивная форма повествования** (мысли, чувства, переживания персонажа): *Господи, совсем он с ними [с личным составом] запутался: то не стоять, то стоять. Как бы не испугались, в панику не ударились. Паника в трясине – смерть* [8, с. 40].

На **шестом этапе создания ономаσιологического портрета персонажа** рассматриваются 4 когнитивных плана – *успешный / неуспешный, свой / чужой, герой / предатель, активный / пассивный*.

Когнитивный план успешный / неуспешный является своеобразной точкой отсчета в характеристике образа персонажа. Когнитивный признак *успешный* несет в себе значение полной уверенности, необходимости, долженствования, *неуспешный* – формирует значение предположения, сомнения.

Когнитивный план свой / чужой связан с ценностным планом повествования. Это проявляется в виде оппозиции «хороший / плохой» с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит чужому миру. **Когнитивный признак свой** является характерным для персонажей, которые применяют свои воззрения и действия к пределам государственной границы. **Когнитивный признак чужой** несет в себе значение дистанцирования, отдаления действующих лиц от окружающих их людей.

Когнитивный план герой / предатель связан с представлением о важности и необходимости сохранять верность общечеловеческим идеалам. **Когнитивный признак герой** является характерным для персонажей, которые оказываются способными преодолеть страх перед опасностью и готовы принести себя в жертву. **Когнитивный признак предатель** – для действующих лиц, которые ‘предают кого-либо или что-либо’.

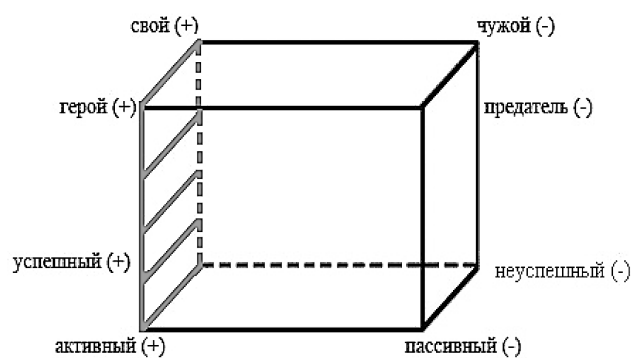
В основе **когнитивного плана активный / пассивный** лежит интенсивно-результативный способ действия, который отражает меру деятельности, реализуемую героями художественного произведения.

Данные когнитивные планы представляют собой системные содержательные характеристики образа персонажа, которые мотивируют наличие или отсутствие у героя художественного произведения определенных поведенческих качеств, а также позволяют обнаружить языковые феномены, которые задают содержание ономаσιологического портрета персонажа. Данные когнитивные планы состоят из 8 когнитивных признаков, которые связаны между собой и позволяют составить системную классификацию 16 (т. е. 2⁴) типов ономаσιологических портретов. Когнитивные планы являются дихотомичными, т. е. такими, которые оппозиционно работают в парадигме «положительная – отрицательная оценка». Так, если в начале романа «В списках не значился» главный герой Николай Плужников – молодой и неопытный лейтенант, который струсил в первой же атаке, *поддался панике, бросил бойцов и трусливо бежал с позиции, которую было приказано держать во что бы то ни стало* [9, с. 234], то в последнем сюжетобразующем событии перед нами предстает человек, перед которым *немецкий лейтенант звонко и напряженно, как на параде, выкрикнул команду, и солдаты, щелкнув каблуками, четко вскинули оружие «на караул». И немецкий генерал, чуть помедлив, поднес руку к фуражке* [9, с. 391].

На **седьмом этапе создания ономаσιологического портрета персонажа** рассматривается динамика образа персонажа. Для ее исследования вводится понятие когнитивной модели, представляющей собой ментальную структуру, набор наиболее типичных представлений о герое художественного произведения, объединенный одной общей ситуацией. В рамках когнитивного моделирования когнитивные планы *успешный / неуспешный, свой / чужой, герой / предатель, активный / пассивный* рассматриваются как некий конструкт, инструмент для интерпретации образа героя художественного произведения, позволяющий глубже исследовать его динамику. Принимая во внимание особенности каждого из когнитивных признаков для конкретного персонажа, мы получаем замкнутую структуру, которую можно представить в виде куба. В данном случае конструктивная «геометрия» образа персонажа определяется на основании количественного распределения номинативного материала и его формально выраженных качественных характеристик.

Так, например, когнитивные признаки, характеризующие старшину Карпенко (герой повести В. Быкова «Жураўліны крык»), по шкале «положительная / отрицательная оценка» на протяжении всей повести являются неизменными со знаком «плюс» (*герой, свой, успешный, активный*).

Аналогичным образом старшины Карпенко с точки зрения когнитивного моделирования выступает образ Витьки Свиста (*свой, герой, активный, успешный*). Это значит, что образы этих двух героев являются одинаковыми на уровне содержательных констатаций. Более того, при создании ономастиологических портретов старшины Карпенко и Свиста задействованным оказывается один и тот же набор языковых средств. Однако количественное распределение материала по когнитивным признакам для образов данных персонажей показало, что доминирующим признаком для старшины Карпенко является когнитивный признак *активный* (113 номинаций; 40%), а для Свиста – когнитивный признак *свой* (111 номинаций; 44%). Таким образом, конструктивные модели для образов старшины Карпенко и Свиста являются одинаковыми, но наполнение данных моделей различно.

Итоговая когнитивная модель персонажа
(старшина Карпенко и Витька Свист)

Общая схема распределения номинативного материала по когнитивным признакам для образов старшины Карпенко и Свиста имеет следующий вид (рисунок).

В границах данной пространственной структуры отражены наиболее общие характеристики ономастиологического портрета персонажа. Ономастиологический портрет, таким образом, задается в виде геометрической модели и визуализируется. Когнитивная модель образа персонажа, представленная в виде куба, дает возможность компактно и зримо показать элементы сходства и различия при сравнительной оценке образов героев, представляющих в данном случае образы Карпенко и Свиста.

Таким образом, на разных этапах создания ономастиологического портрета привлекаются различные произведения, чтобы последовательно ввести в методологию исследования новые лингвистические термины. Это позволяет накапливать и выявлять на каждом уровне создания портрета новые структурно-семантические и языковые данные (в том числе разных языков). Этот факт подтверждают универсальность разработанной методики, т.е. применимость ее к любому художественному произведению. Более того, пошаговое исследование номинативного материала на каждом из этапов создания ономастиологического портрета дает возможность рассмотреть системные содержательные характеристики персонажа, определить критерии для классификации номинаций и создания ономастиологического портрета действующих лиц, выделить существенные содержательные черты в структуре образов персонажей, а также получить представление о целостной динамике образов героев художественных произведений.

Список использованной литературы

1. Апресян, Ю. Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография : Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Ю. Д. Апресян (отв. ред.) [и др.]. – М., 2006. – С. 33–74.
2. Березович, Е. Л. Аксиологические ориентиры в зеркале различных форм существования русского языка / Е. Л. Березович // Język w kręgu wartości: Studia semantyczne / pod red. J. Bartmińskiego. – Lublin : UCS, 2003. – S. 145–163.
3. Березович, Е. Л. Ономастиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / Е. Л. Березович, М. Э. Рут // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманит. науки. – 2000. – Вып. 3: Филология. – №17. – С. 32–41.
4. Березович, Е. Л. Русская национальная личность в зеркале языка (опыт сопоставительного изучения различных лингвокультурологических источников) / Е. Л. Березович // Русский язык в контексте культуры : сб. ст. / Урал. гос. ун-т ; редкол.: Н. А. Купиной (отв. ред.) [и др.]. – Екатеринбург, 1999. – С. 34–54.
5. Березович, Е. Л. Языковой образ дурака: этнолингвистический аспект / Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева // Язык культуры (семантика и грамматика) : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения Н. И. Толстого, Москва, 12–13 мая 2003 г. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) [и др.]. – М., 2004. – С. 368–383.
6. Бунько, Н. М. Назвы мурашкі, мурашніку і чмяля ў беларускіх народных гаворках / Н. М. Бунько // Беларус. лінгвістыка / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; рэдкал.: А.І. Падлужны (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2003. – Вып. 53. – С. 85–92.

7. Быкаў, В. Сотнікаў / В. Быкаў // Выбранае: для ст. шк. узросту / В. Быкаў. – Мінск : Ураджай, 2001. – С. 245–398.
8. Васильев, Б. А зори здесь тихие / Б. Васильев. – М. : Сов. писатель., 1977. – 143 с.
9. Васильев, Б. В списках не значился / Б. Васильев. – М. : Дет. лит., 2007. – 393 с.
10. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов ; Акад. наук СССР, Отделение лит. и яз. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.
11. Воробьев, В. В. Теоретические и прикладные вопросы лингвокультурологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. В. Воробьев ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 1996. – 40 с.
12. Едалина, А. А. Характеристика человека по его отношению к собственности в русских народных говорах / А. А. Едалина // Ономастика и диалектная лексика : сб. ст. / редкол.: М. Э. Рут. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 5. – С. 159–168.
13. Еремина, М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. А. Еремина ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.
14. Кривошапова, Ю. А. Номинативные особенности ЛСГ «Насекомые» (на материале русских народных говоров) / Ю. А. Кривошапова // Ономастика и диалектная лексика. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – Вып. 5. – С. 169–179.
15. Леонтьева, Т. В. Интеллект человека в зеркале русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Леонтьева ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.
16. Маліцкі, Ю. В. Анамасыялагічная лінгвагеаграфія беларускіх дыялектных назваў рыб // Ю. В. Маліцкі // Вес. Нац. акад. навук. Сер. гуманіт. навук. – 2012. – № 1. – С. 110–117.
17. Пьянкова, К. В. Антропологический код в русской лексике брожения и скисания / К. В. Пьянкова // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования 2001–2004 гг. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; редкол.: А. С. Герд [и др.]. – СПб., 2004. – С. 54–64.
18. Телия, В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1991. – С. 36–66.
19. Телия, В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 285 с.
20. Шаблоўскі, А. І. Лексічная анамасыялогія: тыпы матывацыйных адносін / А. І. Шаблоўскі // Беларус. лінгвістыка. – 2007. – Вып. 59. – С. 13–22.

Поступила в редакцию 17.11.2015

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

УДК 069.29:94(476)«1941–1945»;069.445.6:791:729

И. В. ГОРБУНОВ

**ВИДОВАЯ СТРУКТУРА ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ЭКСПОЗИЦИЙ В МУЗЕЯХ
БЕЛАРУСИ (1949–2014 гг.)**

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск, Беларусь,
e-mail: igorgiv2012@yandex.by*

Современные средства музейно-выставочного оформления за последние полвека претерпели сильные изменения по своей видовой структуре. Рассматриваются вопросы развития военно-исторических музеев Беларуси на фоне развития музейной практики наших ближайших приграничных стран – Польши, Литвы, Латвии, России. Это влияние новых политических взглядов на военную историю в структуре послевоенной модернизации и обновления музеев во всех странах мира. Авторами первых публикаций и исследований на эту тему были специалисты, не имевшие значительного личного эмпирического опыта по созданию музеев, следствием чего является односторонность взглядов на видовую структуру военно-исторического музея и непонимание его специфики. Юбилейные торжества и мероприятия, посвященные 70-летию Победы, а также открытие нового современного здания музея на проспекте Победителей – логичное завершение эволюции военно-исторических музеев в Беларуси в первом десятилетии XXI века.

Ключевые слова: современные средства музейно-выставочного оформления, музеи военной истории, кино-, фотодокументы периода Великой Отечественной войны.

I. V. GORBUNOV

**SPECIES STRUCTURE OF THE MILITARY-HISTORICAL EXPOSITIONS IN MUSEUMS
OF BELARUS (1949–2014)**

*Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of National Academy of Sciences, Minsk, Belarus,
e-mail: igorgiv2012@yandex.by*

Modern Museum and exhibition design for the past half-century have undergone strong changes in the species composition.

In the article author discusses the evolution of military-historical museums in Belarus against the background of the Museum's practice development of our nearest neighboring countries such as Poland, Lithuania, Latvia, and Russia. In addition, he shows the influence of new political views on military history in the post-war modernization and renovation of museums throughout the world. First authors of publications and studies on the subject were specialists not having significant personal experience to create experiential museums. These unilateral views on the specific structure of the military-historical Museum resulted misunderstanding its specificity. Jubilee celebrations devoted to 70th anniversary of Victory mark a certain phase in life of the young independent State. Events dedicated to the anniversary and the opening of a new modern museum building on Winners Avenue are a logical result of the evolution of military-historical museums in Belarus during the first decade of the XXI century.

Keywords: modern means of Museum and exhibition design, Museum of military history, film documentary photographs during the Great Patriotic war.

В послевоенной военно-исторической музеефикации периода Второй мировой войны, начало которой было положено сразу после ее окончания, наметились две противоречащих друг другу тенденции. Первая тенденция – любыми методами и средствами пропаганды принизить значение СССР об итогах войны и вторая тенденция – исказить факты этой войны для грядущих поколений, привлекая внимание к второстепенным документам. Что касается современного периода, а также последнего тридцатилетия, то стал очевиден возрастающий лавинообразный интерес к прошедшим событиям во всех странах мира. Позже всех этим вопросом стала занимать-

ся Япония, вестернизация экономики которой была полностью под диктатом США. Например, в Японии которая сильно пострадала от радиации в этой войне в результате ядерной бомбардировки, эти вопросы стали рассматриваться в 1950–1960-е гг. несколькими другими способами, методами и средствами. Экспозиционеры, художники, государственные деятели, члены императорской семьи решили сделать «мемориальной» среду, включая и дом в Хиросиме, оставшийся после варварской бомбардировки 7 августа 1945 г. Этот метод «мемориализации» предметно-пространственной среды и окружения того места, где происходили события, в 1960–1970-е гг. нашел свое главное художественное решение при строительстве мемориалов на белорусской земле (Хатынь, Лоев, Оболь, Брест, Россоны, Курган Славы под Минском и другие комплексы). Исследования процессов музейного оформления представлены в основном в трудах российских ученых – Е. Розенблюма, Р. Кликса, К. Рождественского, М. Коники, Г. Кузина, А. Крейна, М. Ламака, О. Лысиковой, Ю. Пищулина, М. Майстровской, Н. Нагорского, Н. Никитина, Я. Мазуркевича, С. Марцелова, Ю. Попова, Ю. Назарова, А. Рыбкина, И. Эйдельмана, В. Кирсанова, а также белорусских ученых – А. Гужаловского, О. Остроумовой, А. Соловьевой, И. Чебана, А. Чарныша, А. Луцкевич, В. Шведа, С. Шмидта, Ф. Шмита, Т. Шода, В. Шоцика, С. Щербакова, М. Яницкой и др. К проблеме экспонирования мемориальных объектов в разное время обращались М. Т. Майстровская, Т. П. Поляков, М. Б. Гнедовский, А. Востоков и другие исследователи.

В 1980–1990 гг. в музейно-выставочной практике не все складывалось однозначно, многому мешали интеграционные процессы в самом обществе. В свое время многие фото- и кинодокументы не были обнародованы ввиду исключительной «трагедийности и катастрофичности» исторического материала. Некоторые кинодокументы воспринимались на уровне человеческой аномалии и были представлены в фильме режиссера М. Ромма «Обыкновенный фашизм». Точка в этом сложном периоде мировой истории была поставлена на Нюрнбергском процессе главным обвинителем Р. С. Руденко.

В Беларуси был построен *Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны* в центре г. Минска. Прологом для создания музея послужила выставка «Белоруссия живет, Белоруссия борется, Белоруссия была и будет советской», открывшаяся в Государственном историческом музее в г. Москве. В ее основу были положены материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны, созданной в декабре 1941 г. в ходе контрнаступления Красной Армии под г. Москвой. Официальное открытие музея состоялось 22 октября 1944 г. в Доме профсоюзов. Первыми временными выставками были «Оружие» и «Партизанская печать», материалы которых размещались в 15 залах и содержали 1261 экспонат: листовки, газеты, рукописные журналы, фотографии, образцы оружия, в том числе и трофейного самодельного, произведения изобразительного искусства. Стационарная экспозиция открылась в 1947 г. С 1966 г. музей занимает здание, построенное по проекту Г. Бенедиктова и Г. Заборского, на Октябрьской площади. Экспозиция была открыта в 1967 г. [1, с. 92].

Здание органично вписано в городской ансамбль и является доминантой в градостроительном расположении площади. Это характерная постройка в стиле классицизма послевоенной застройки с элементами конструктивизма и утилитарной функции музея, оконные проемы закрыты и не используются по своему прямому назначению. Основными принципами в организации экспозиции являлись визуальные и архитектурно-художественные, научно-систематические экспозиции – с элементами ансамблевой и сюжетно-образной. Введены диорамы «Тростенец», «Оборона Могилева», «Минский котел», но в целом их расположение и эстетический уровень отставали от веяний времени. Целью такого ансамбля становится не объединение различных предметов в законченную архитектурно-пространственную структуру, а формирование вокруг коллекции или отдельных предметов целостной стилиевой среды, которая несет одновременно и дидактическую функцию. Эта среда призвана продемонстрировать коллекцию, выявить эстетическое своеобразие представленных предметов, выстроить «диалоги», создать связи между экспонатами, объединив их в экспозиционные композиции. Сюжетно-образный строй доминирует над систематическим методом (общая площадь – 3275 м², 2 выставочных зала – 120 и 80 м²). Экспозиция располагалась в двух залах (рис. 1.) Этот уходящий в историю экспозиционный диалог музея сегодня демонтирован.

Особенностью нового мемориала на белорусской земле будут и новые методы экспонирования диорам и мультимедийных комплексов различного типа, посредством которых посетители смогут получать сведения о тех или иных экспонатах. Диорамы созданы при непосредственном участии мастеров Студии военных художников им. М. Б. Грекова. Одним из лучших в батальном жанре является П. Рыженко – известный российский художник, достигший высокого профессионального мастерства, работающий в тесном контакте с белорусскими художниками и дизайнерской группой «Актер» в г. Минске. Одна диорама будет посвящена началу войны, другая – операции по освобождению Беларуси.

Необходимо отметить композицию этих достаточно сложных произведений монументально-декоративного характера. В первой диораме мы увидим растерянность и смятение группы людей, стоящих возле разрушенной дороги на фоне бомбежек и горящих селений. Нас привлекает эта группа еще и потому, что представляет собой людей, близких нам по фронтовым фотографиям. Это сублимация образа войны, гротеск, в этом художник увидел драму войны. К этой теме П. Рыженко подошел в станковой картине «Начало войны. Год 1941», написанной им в Студии военных художников им. М. Б. Грекова. Возможно, данное обстоятельство определило выбор из состава Студии именно этого маститого художника, известного своими батальными полотнами «Битва Пересвета» и другими. На второй диораме изображен период 1944 года. Здесь находятся те же люди и практически композиционно на том же месте. Молодой юноша из предыдущей диорамы, по мысли автора, стал персонажем этого произведения, но три года спустя. Образы молодого партизана и пожилого мужчины трансформированы, по замыслу автора, в народных мстителей. Как отмечают сами работники музея, и это явствует из фотодокументов, в самих отрядах в то время были в основном молодые выносливые парни, как, например, П. М. Машеров, отряд которого действовал на Россонщине. Композиция диорамы выстроена на фоне уходящего боя. Такие приемы – достаточно распространенные явления в практике диорамного искусства. В целом, предстоит еще довольно сложная работа по сведению модельно-макетного плана с живописью и постановкой света. Но диорамы – это особый вид искусства, где не все получается сразу.

В Центральном музее вооруженных сил в г. Москве художники М. И. Самсонов и А. М. Самсонов несколько лет создавали диорамное произведение для экспозиции музея на первом цокольном этаже под названием «За Волгой для нас земли нет». Ее образное решение, технический и технологический прием экспонирования помогут современным дизайнерам в обустройстве первых на белорусской земле произведений военных художников из г. Москвы. Не менее интересно решение здания изнутри. Все внутренне содержание, построение интерьера свидетельствуют о функциональном назначении – военном характере музея, что отражено в специфике форм, которые от фасада органично переходят в интерьер, построенный по принципу последовательного движения. Объем помещений, их высота достаточно внушительны ввиду того, что здесь экспонируются самые разные «трофеи» вплоть до самолета, который представлен в пространстве зала [2, с. 19.] Доминантой становится зал №8, площадь которого составляет 470 м². Зал представляет собой помещение неправильной геометрической формы. Там можно будет

Рис. 1. Основная заслуга художников в 1980–1990-е гг. заключается в том, что они определили драматургию зала простым и доходчивым методом: наклонили на несколько градусов витрины на зрителя, тем самым сгустив напряжение падающих зданий с эффектом внезапно нахлынувших воспоминаний трагических событий. Экспозиционер С. Бартлов. Музей истории Великой Отечественной войны. Минск, 1990 г.

узнать об освобождении Беларуси, Западной Европы, разгроме фашистской Германии, ее сателлитов и милитаристской Японии. Фонды музея насчитывают 143 000 единиц хранения. *Главная реликвия – именно трофейное партизанское оружие*, что является коренным отличием от Центрального музея истории Великой Отечественной войны в г. Москве.

Новое здание на проспекте Победителей в настоящее время имеет построение по региональному принципу и объединяет четыре тематических раздела. Каждый тематический комплекс включает конкретную информацию об операциях и боевых действиях. Сама же экспозиция зала построена по тематико-хронологическому принципу, где представлено 872 предмета из различных коллекций музея. Первый раздел посвящен событиям сентября 1943 г. – февраля 1944 г., когда происходили форсирование реки Днепр в районе Лоева и освобождение восточных районов Витебской, Гомельской и Могилевской областей. Ведущее место в экспозиции зала займет раздел «Белорусская наступательная операция “Багратион”». Напряженность боев можно проследить через документы, приказы, сводки, завершать тему будут материалы о боевом взаимодействии партизан с частями Красной Армии в период освобождения Беларуси [3]. Всего в здании установлено 67 мультимедийных установок. Практически это музей третьего поколения периода модернизации и обновления в послевоенное время. Рассмотрим и другие мемориальные объекты республиканского значения.

Мемориальный комплекс «Хатынь» (Логойский район) – пример расширения понятия «мемориальный ансамбль» в контексте развития мемориальной пластики. Выставка и экспозиция современного музея рассматриваются как крупномасштабный социально-культурный проект. Есть сдвиги в изменении структуры мемориала и возобновлении строительства крытого павильона.

Музей Обольского комсомольского подполья (г. п. Оболь Витебской обл.). Одноэтажное здание – памятник архитектуры первой половины XIX в. Музей оборудован диорамой В. Тихоненко «Партизанский лагерь». Это пример музейной экспозиции, оторванной от музейной коммуникации и сильно изолированной по туристической инфраструктуре. Попытка «привязать» экспозицию к конкретному историческому месту реальных событий не получила своего развития с точки зрения экспозиционного дизайна.

Музей боевого содружества (п. Россоны Витебской обл.). Статичное здание классической ордерной системы периода 1950-х гг., строго симметричное, с сюжетно-тематической направленностью экспозиции. К сожалению, можно констатировать, что с момента своего основания до сегодняшнего дня музей практически не обновлялся. Заслуга в создании этого уникального музея принадлежит П. М. Машерову, который стоял у истоков партизанского движения и являлся инициатором его создания (1978 г.). Часть экспонатов перешла в музей из г. Минска ввиду того, что музей являлся филиалом Музея истории Великой Отечественной войны [4].

Музей битвы за Днепр. Статичное здание классической ордерной системы периода 1950-х гг., строго симметричное, с сюжетно-тематической направленностью экспозиции. Здание имеет целенаправленную структуру размещения в городской среде. Имеется площадка на высоком берегу Днепра с выставкой боевой техники периода Второй мировой войны. Процесс коммуникации в музее рассматривается с позиции общения посетителя с «реальными вещами», условиями которого являются способность аудитории понимать «язык вещей» и умение создателей экспозиции выстроить с помощью экспонатов невербальные пространственные «высказывания». Здесь прослеживаются следующие тенденции: характерные приемы организации экспозиционного пространства и композиционные приоритеты на каждом определенном историческом этапе его построения; история сражения, например, взаимосвязь содержательной и пластической форм выразительности экспозиции; тенденции комплексного архитектурного формирования музейного здания, интерьера и экспозиции; природное окружение и развитие ансамбля в пространстве и времени.

Брестская крепость-герой – крупнейший военно-исторический музей и мемориальный комплекс мирового значения. Общая площадь и выставочная экспозиционная площадь составляет 1042 м². Структура мемориала – звук, пластика, мемориализация места. Звук метронома отмечает последние мирные мгновения, затем доносится звук приближающихся бомбардировщиков. Штык-обелиск – 100 м, главный монумент – 31,5 м, его ширина – 50 м, выполнен из железобетона. Музей построен по историко-хронологическому, проблемному и коллекционному принципам.

Главной темой является оборона Брестской крепости. Авторский коллектив: скульпторы А. Кибальников, А. Бембель, В. Бобыль, архитекторы В. Король, В. Волчек, В. Занкович, Ю. Казаков, А. Стахович, художник-архитектор М. Гордин, главный конструктор М. Метс, главный инженер-светотехник Л. Рошаль. Комплекс открыт 25 сентября 1971 г. Основу архитектурно-художественного ансамбля мемориала составляют руины старой крепости и главный вход с высеченной пятиконечной звездой, а также ведомственный военный музей на базе комнаты-музея с 23 февраля 1956 г. Основа – раскопки периода 1949–1955 гг. С 1999 г. в состав комплекса входит филиал около д. Аркадия «Западный форпост Отечества». Музей занимает восстановленную часть двухэтажной цитадели, построенной в 1842 г. 1-й зал – история Брест-Литовской крепости; 2-й зал – Брест 1918–1941 гг., показ судеб местных жителей; 3-й зал – «Вставай страна огромная», предвоенные годы; 4-й зал – «Боевые действия в первые годы войны»; 5-й зал – «на Кобринском укреплении»; 6–7-й залы – «Оборона цитадели посвящена боям в центральной части»; 8-й зал – «На основных этапах войны»; 9-й зал – «Победа»; 10-й зал – «В памяти и сердце» [1].

Ушачский музей народной славы им. В. Е. Лобанка (филиал). Мемориальный комплекс «Прорыв» – одно из наиболее значительных произведений монументального искусства Беларуси. Ансамбль мемориала построен таким образом, чтобы посетитель, по мысли автора, мог пройти по тому пути, по которому шли партизаны на прорыв блокады. При входе в мемориал начинается забетонированный участок пути, где его отрезок спускается к рельефной карте расположения партизанских бригад. 17 185 партизан сражались против 60 000 фашистов. Это «Мужество народа, победившее смерть».

Главный монумент – устремленная вперед в неудержимой атаке бронзовая фигура партизана (9 м) с автоматом в руке, 11-метровая стена за спиной мстителя символизирует прорванную блокаду. На верхней площадке монумента похоронено 450 партизан – воинов Красной Армии. Далее «Огонь памяти» и плиты с фамилиями партизан. Бронзовый комплекс «Последний привал» представляет собой композицию из трех винтовок в пирамиде и ленты «Они погибли в борьбе с врагом, выполнив свой долг перед Родиной и историей».

Волковысский военно-исторический музей им. П. Багратиона (Волковыск, ул. Багратиона, 10). Основан в 1935 г. на общественных началах как краеведческий музей. В Великую Отечественную войну был разграблен оккупантами. Открыт вновь в 1948 г. 15 февраля 1949 г. музею было передано здание бывшего усадебного дома, построенного в 1805 г., где в войну 1812 г. находилась штаб-квартира командующего 2-й Западной Армии П. Багратиона. В 1949 г. началась передача музею экспонатов ликвидированного Ленинградского артиллерийского исторического музея [1, с. 167]. Наиболее ценными экспонатами являются фотоснимки и оружие периода 1914–1917 гг. Здание модернизировано, как и в Кобринском военно-историческом музее им. А. В. Суворова. Более просторные залы находятся на главной оси, примыкающей к музею старой экспозиции усадебного дома.

Музей истории Могилева (филиал). Уникальность экспозиции «Выставка и мини-диорама Буйничское поле» заключается в том, что впервые именно на Могилевском направлении были сорваны планы немецкого командования. Небольшая экспозиция в виде павильона расположена вдоль дороги, ведущей в город. Здесь размещается диорама «Полковник Кутиков против генерала Моделя» (автор И. В. Горбунов, 2005), которая показывает сражение как бы с высоты «пти-

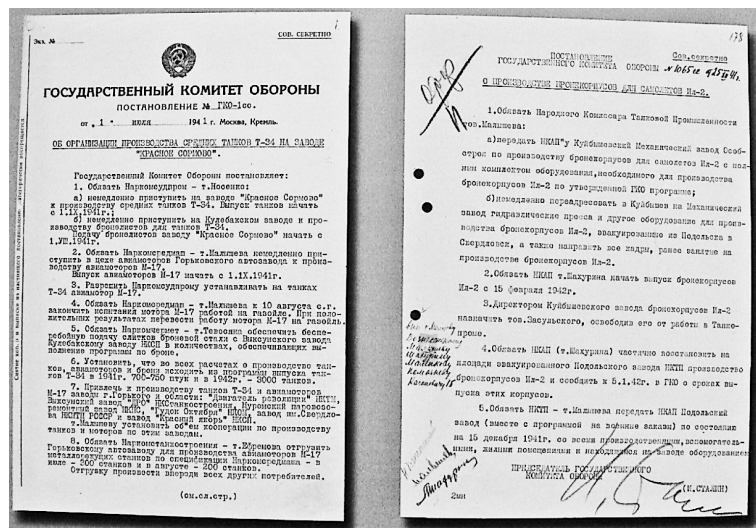

Рис. 2. Уникальные документы первого этапа войны о начале производства танков от 1 июля 1941 г. на заводе «Красное Сормово», 2014 г.

Рис. 3. Немецкий танк Т-III – уникальный экспонат на Буйничском поле под Могилевом. Был подбит во время боев за город, является единственным уцелевшим «живым» свидетелем тех трагических событий лета 1941 г. в Беларуси. Установлен на Буйничском поле, 2005 г.

в 1985 г., с 2001 г. – филиал Полоцкого историко-культурного заповедника. В разделе «Оборона Полоцка» – схема укрепрайона, предметы боевой экипировки, диорама фрагмента лагеря в д. Боровуха и диорама «Подрыв нефтебазы». Экспонируются документы, фотоснимки, боевое оружие участников освобождения Полотчины [1, с. 482].

Таким образом, в статье рассмотрены вопросы сложения художественной структуры основных военно-исторических музеев, созданных за последние полвека, их видовая структура и эволюция. Практика последних пяти лет свидетельствует, что диорамное искусство нашло свое применение в создании уникального комплекса на проспекте Победителей. Мультимедийные технологии будут использованы в полной мере, но они являются лишь вспомогательным *средством* экспонирования. Главным элементом сложения инфраструктуры музея станет *диорама «Минский котел»*, созданная военными художниками, а также демонстрация трофейного партизанского оружия (62 предмета). В здании дыхание войны ощущается через мощный символ Победы в виде купола рейхстага, контрастное сочетание сурового блеска стали и золотого сияния стекла, в результате которого получился яркий архитектурный эффект. Все вместе – это сложный синтез искусств. Сам факт применения новых материалов и технологий свидетельствует о том, что современные музеи Беларуси вышли на новый этап обновления и модернизации.

Список использованной литературы

1. Музеи Беларуси / под ред. Г. В. Пашкова [и др.]. – Минск: Бел. Энцикл. им. П. Бровки, 2008.
2. *Мартинovich, В., Крамаренко, В.* Лучами яркого салюта / В. Мартинovich, В. Крамаренко // Архитектура и строительство. – 2009. – № 8. – С. 15–19.
3. *Жданович, А.* Юбилейное новоселье / А. Жданович // Белорусы и рынок. – 2014. – № 7.
4. Музей Боевого Содружества. Буклет / авт. текста и сост. Р. А. Черноглазова. – Минск, 1981.

Поступила в редакцию 07.10.2014

чьего полета». Тут запечатлено мгновение этой танковой атаки, за которой последовала остановка целого танкового корпуса. Результат одного сражения – 35 подбитых машин, половина из которых подорвалась на минном поле. Остальные машины были подбиты из 122-миллиметровых орудий с далекого расстояния. Бой на Буйничском поле вошел в анналы военной истории как умелое и централизованное сражение первых дней войны. Таких эпизодов было немного на белорусской земле (рис. 3).

Полоцкий музей боевой славы. Создан в 1971 г., реконструирован

УДК 75.03

Е. В. АРТЁМОВА

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ШКОЛЫ ЖИВОПИСИ В РАБОТАХ КИТАЙСКОЙ ХУДОЖНИЦЫ ПАНЬ ЮЙЛЯН

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск, Беларусь,
e-mail: alienakropka@mail.ru*

Проведен анализ и дана оценка степени влияния европейских тенденций реализма и импрессионизма на творчество современной китайской художницы Пань Юйлян. Определено понятие интерпретации в живописи. Отмечена уникальность интерпретации художницей достижений европейской живописной школы середины XX века в сочетании с традиционными национальными образами, методиками построения композиции и воплощения ми образа художником. Раскрыты некоторые подходы, способствующие развитию и сохранению национальных и региональных особенностей современной китайской живописи, их актуализации в мировом контексте.

Ключевые слова: стиль живописи, реализм, импрессионизм, масляная живопись, современная китайская живопись, современное китайское искусство, интерпретация, художественный метод.

E. V. ARTYOMOVA

EUROPEAN PAINTING SCHOOL INTERPRETATION IN WORKS OF CHINESE ARTIST PAN YUYLYAN

*Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of National Academy of Sciences, Minsk, Belarus,
e-mail: alienakropka@mail.ru*

Article provides analysis and assessment of the European trends of realism and impressionism impacted to the art of the modern Chinese painter Pan Yuylyan.

Author of the article defined notions of the interpretation in painting and the unique character of interpretation combined with traditional national images, methods of composition and realization of the image used by the artist. In addition, the author revealed some approaches that contribute to the development and conservation of national and regional features of the modern Chinese painting and updating them in a global context.

Keywords: style of painting, realism, impressionism, oil painting, modern Chinese painting, modern Chinese art, interpretation, artistic technique.

В истории искусств китайская художница Пань Юйлян сыграла две важные роли. Во-первых, она открыла перспективу творческого и профессионального пути для женщины-художника как в самом Китае, так и в мире. Во-вторых, Пань уже после своей смерти, в 1980-х гг., стала символом творческого и личностного самовыражения для молодого поколения живописцев страны.

Образ Пань Юйлян широко тиражировался представителями искусствоведческой среды и организациями, включившимися в «популярную культуру» в конце 80 – начале 90-х гг. XX века, и был сильно романтизирован. Осознание подлинной ценности достижений Пань Юйлян и главное – взвешенное понимание ее работ – пришло со временем и стало возможным уже на современном этапе.

С 1990-х гг. много научных статей, посвященных ее творчеству, увидело свет в Китае и далеко за рубежом. Среди работ, где рассмотрено творчество художницы, работы *Gao Minglu* «Toward a Transnational Modernity: An Overview of Inside Out: New Chinese Art», *Hu Ying* «Tales of Translation: Composing the New Woman in China, 1899–1918» (Stanford University), *Xu Hong* «Modernism and Orientalism: The Ambiguous Nudes of Chinese Artist Pan Yuliang» (New Zealand Journal of

Asian Studies), Eugene Wang «Sketch conceptualism as modernist contingency in Chinese Art Modern Expressions» (New York: Metropolitan Museum of Art). Несложно заметить, что во всех случаях исследователи рассматривали живопись Пань Юйлян в контексте китайского современного искусства, его свойств и характеристик, условий развития. На международную, или, вернее, наднациональную ипостась искусства китайской художницы в 2013 году первой обратила внимание доктор философии и истории искусств Элиза Парк (Park, Eliza H.) в своем труде «Negotiating the Discourse of the Modern in Art: Pan Yuliang (1895–1977) and the Transnational Modern» (издан в Мичиганском университете (США)). Основываясь на библиографическом методе исследования творчества художницы, мисс Парк выявила ряд особенностей творчества Пань Юйлян, указав на их связь с европейской живописной школой середины XX века. Элиза Парк провела огромную работу по изучению жизненного и творческого пути художницы и выявлению некоторых влияний европейских тенденций реализма и импрессионизма. Мы же в свою очередь в данной статье стремимся показать, как случилось, что сочетание влияния европейской школы живописи и традиционных китайских методик и образов привело к рождению целостного и гармоничного стиля художницы, который сегодня вписался в контекст мировой художественной культуры как достижение именно китайского искусства. Для этого мы, вместе с Пань Юйлян и исследователями ее творчества, еще раз проходим путь интерпретации художницей достижений европейской школы живописи, выявляя особенности этого пути в контексте национальной и мировой живописи.

Имя Пань Юйлян в Китае в 80–90-х гг. XX века стало символом открытия границ с другими странами, встречи Запада и Востока [10, с. 115]. В свое время художница не побоялась показать свое отношение к настоящему, не отказываясь от собственного прошлого, не идя на компромиссы в нелегких жизненных ситуациях. Она просто верила в красоту человека и считала важным показать, как она сама видит и понимает прекрасное.

Последняя треть XX столетия в живописи Китая – удивительное время. Художники поняли ценность восприятия каждым отдельным человеком происходящего вокруг него, *считали личностное восприятие достойным уважения, а собственное видение действительности – имеющим право на существование*. Художники интерпретируют окружающую действительность посредством художественных произведений, зрители же пока не были готовы к восприятию таких произведений, т.к. окружающая их реальность в последней трети XX века менялась слишком быстро и порой непредсказуемо.

«Культурная революция», политика открытости – все это дало возможность художнику познакомиться с множеством новых для него художественных явлений и тенденций, имеющих место в живописном искусстве на Западе [3, с. 51]. Такая возможность в свою очередь имела следствием стихийное восприятие *и попытки интерпретации новых (пришедших из западного искусства) художественных явлений в рамках новой для этих явлений китайской системы представлений*. Художник заменяет самобытным смысловым значением почерпнутое в западной культуре новое для него художественное явление и старается донести это зрителю [14, с. 133]. Художник неожиданно из созерцателя и мастера превратился в мыслителя и проводника зрителя в Новое время. *Но куда может привести вас художник, если вы последуете за ним?* Ни у кого не было ответа на этот вопрос.

Пань Юйлян – женщина, получившая блестящее художественное образование, наделенная талантом, признанная западными критиками и мастерами живописи, в Китае вызывала определенное недоверие и неприятие. Несмотря на то что на фоне произошедших исторических событий и общественных потрясений еще в начале XX века женщины в Китае активно проявили себя в искусстве, вопрос об их роли в ряде областей общественной жизни страны все еще оставался открытым и активно обсуждался. Считалось само собой разумеющимся, что женщина-художник использует уже испытанные, готовые формы, тематику, средства выражения «мужской» живописи признанных мастеров [1, с. 371]. Но во второй половине XX века те же образы в живописи мужчин-художников стали настолько откровенны, спорны и непривычны для Китая, что появление женщины-художника, изображающей обнаженную натуру реально живущей женщины в стиле импрессионизма (как и любым другим европейском стиле живописи), считалось просто возмутительным.

Пань Юйлян была в числе любимых учеников Лю Хайсу – директора Академии искусств Шанхая, которого в 20-е гг. XX века называли не иначе, как «предатель искусства». Осуждалось

его умение и желание изображать обнаженную натуру, наличие натурщиц в классах, совместное обучение девушек и юношей и, конечно, обучение Пань, девушки, некогда проданной в дом терпимости, а позже ставшей второй женой чиновника таможни. А ведь именно Лю Хайсу первым привнес элементы обучения, традиционные для парижской школы изящных искусств, в китайскую систему преподавания, знакомил подопечных с основами масляной живописи, изображениями в перспективе [13, с. 310].

Именно благодаря знаниям и навыкам, полученным и усовершенствованным в Академии, а позднее – при обучении в Лионе во Франции, Пань Юйлян смогла занять достойное место среди женщин-художниц своего поколения. Многие из них под влиянием просветительских идей движения за новую культуру посвятили свое творчество созиданию нового искусства. Пань Юйлян же избрала собственный путь экспрессионизма в живописи и сумела стать первой среди китайских художниц, удостоившейся персональной выставки. Богатство ее творческого наследия впечатляет.

В творчестве Пань Юйлян можно выделить несколько периодов. В каждом из них заметно усиление влияния разных направлений в живописи: периодически возникают черты реализма, китайской традиционной живописи гохуа. Время от времени чувствуется усиление влияния импрессионизма и фовизма [11, с. 92]. Наглядными иллюстрациями разных периодов в творчестве художницы служат ее работы «Три обнаженные на пляже» (1930–1940 гг.), «Обнаженная и кот» (1943 г.), автопортреты 1930 – 1950-х гг., «Женщина с веером» (1940 г.), «Читающая записку» (1954 г.), реалистические работы 1930-х гг. – «Обнаженная» (нарисована маслом на дереве).

Интересна специфика вклада Пань Юйлян в развитие китайского современного искусства живописи и его продвижения на Западе. Дело в том, что наибольшее количество наград, которыми художница была отмечена на международных салонах и выставках во Франции, приходится на период после 1937 года. В этот период Пань уже завершила свое обучение на Западе, успела заново постигнуть подлинное мастерство традиционной китайской живописи в Шанхае (наставник Лю Хайсу требовал, наряду с освоением приемов европейской реалистической живописи и методов импрессионизма, умения безупречно копировать работы старых китайских мастеров) и возвратиться во Францию.

На это время приходится так называемый «Первый период автопортретов» художницы. Создается также множество портретов одной или нескольких обнаженных женщин на фоне натюрмортов и пейзажей, которые характерны для Парижа [9, с. 114]. Таким образом, главная тема работ Пань Юйлян – Обнаженная, во всех смыслах и состояниях: психологически, социально, морально, духовно, физически. Работы художницы поразительны. Перед нами женщины: европейки, китайки, цыганки – и нельзя сказать, что все они, выросшие в разных культурах, социальных условиях, отношениях к своему полу, обнажены одинаково. Сравните работы «Обнаженная и кот» (1943 г.), «Читающая записку» (1954 г.), «Женщина с веером» (1940 г.).

Вместе с тем будет неверным излишне сосредоточить внимание исключительно на женском гендерном аспекте творчества Пань Юйлян. В первую очередь она изобразила человека. Возможно, если бы в то время не было такого жесткого табу на изображения обнаженной мужской натуры как для художников-женщин, так и для художников-мужчин, китайских и европейских, то мы увидели бы там тех же людей, только другого пола. И, судя по ее ранней работе «Мужчина, лежащий против света» (1920-е гг.) и по зрелому рисунку цветной тушью «Сидящий мужчина» (1946 г.), эти работы ни в чем не уступили бы по пронзительности женской обнаженной натуре работы Пань Юйлян.

Творчество Пань Юйлян получило признание относительно скоро. Она – одна из немногих художниц, которые выставлялись в *Salon des Artistes Independants in Paris* и чьи работы хранятся в *Musee D'Art Moderne* и *Musee Cernuschi*.

Интересно, что невозможно объяснить достижение такой степени всесторонне обнаженного «человеческого в человеке» совершенством владения методом реалистической живописи, который Пань Юйлян изучала в Лионе, и мастерством, с которым художница писала маслом. Однако если мы примем во внимание биографические, профессиональные, исторические, социокультурные и иные аспекты и обстоятельства, под влиянием которых формировалась, жила, работала

художница посредством метода иконологического анализа, предложенного Эрвином Панофским, становится возможным получить достаточно подробное описание логики и практики процесса создания «всесторонне обнаженного человека».

В данной статье хотелось бы обратить внимание еще на один аспект в работах Пань Юйлян, который делает ее интерпретацию достижений западного искусства живописи уникальной.

В 40–50-е гг. XX века прослеживается отчетливое движение Пань Юйлян «назад к своей первой кисти» [10, с. 30]. Сначала она начинает использовать традиционную китайскую тушь и бумагу, продолжая создавать свои работы в академическом стиле реализма, которому обучалась и в котором достаточно преуспела. В 1940-х гг. она уже не использует технику живописи импасто (т.к. уже не работает с холстом, который способен выдержать такую консистенцию), но добивается фактуры не консистенцией масла, а мастерством использования его цветовых и оттеночных эффектов при создании объема.

В качестве фона служит уже традиционный китайский пейзаж или убранство комнаты, характерное для знакомых мест Пань Юйлян. Линейность, сочетание традиционных китайских технологий живописи и достижений реалистической европейской масляной живописи позволяют Пань Юйлян найти свой голос в выражении образа на картине.

Постепенно, в 50–60-е гг. XX века она все больше будет уходить от масла и цвета в пользу линии и туши, но от телесности и интерпретации обнажения человеческой натуры во всех ее проявлениях Пань не уйдет никогда.

Таким образом, завершая повествование о Пань Юйлян и ее манере интерпретации в живописи, отметим следующее.

Во-первых, изображая нагое человеческое тело, художница стремится не столько точно копировать, сколько отразить состояние «обнаженного человеческого в человеке» – разум, чувства и эмоции, состояние в настоящий момент и атмосферу этого момента. Такую интерпретацию можно назвать содержательной, т. к. она касается внутреннего содержания художественного произведения, отраженного во внешнем облике.

Во-вторых, будучи верна стремлению уловить ускользающее содержание, Пань Юйлян начинает подчинять такому содержанию методы, которыми работает, и постепенно переходить от академического реализма и принятого на Западе понимания импрессионизма к своему собственному голосу в живописи (сейчас в различных научных публикациях ее работы все чаще называют постимпрессионистскими), т. е. форма – видимое изображение, линии тушью или мазки маслом – в ее работах всегда подчинена содержанию.

Пань Юйлян сочетает техники и материалы традиционной китайской живописи гошуа и достижения европейской живописи своего времени, чтобы максимально реально, точно отразить и зафиксировать постоянно ускользающее состояние «обнаженного человеческого в человеке» посредством тех методов, которые ей кажутся наиболее эффективными. Так достигается решение данной задачи в ее собственной системе представлений и в системе представлений «просвещенного» зрителя, живущего в то же самое время либо в будущем и способного понять интерпретацию обнаженного человека Пань Юйлян, а также составить собственное представление о содержании и значении для себя ее работ.

Список использованной литературы

1. Хань, Юйфэн. Исследование живописи женского движения Китая / Юйфэн Хань // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2008. – № 82/1. – С. 367–375.
2. Artnet Auctions (gallery) [Electronic resource] / Artnet Worldwide Corporation. – New York, 2014. – Mode of access: <http://www.artnet.com/artists/pan-yuliang/past-auction-results>. – Date of access: 20.03.2015.
3. Barnhart, R. Survivals, revivals, and the classical tradition of Chinese figure painting. Proceedings of the International Symposium on Chinese Painting / R. Barnhart. – Taipei: National Palace Museum, 1972. – 205 p.
4. Bryan, K. The Personal Creative process [group show by 14 female artists in Hong Kong] / K. Bryan // Asian Art News. – 2008. – Vol. 18(5), № 12. – P. 80–81.
5. Enwezor, O. Looking Ahead: Dialogues Asian Contemporary Art / O. Enwezor // Yishu: Journal of Contemporary Chinese Art (Asia Society and Museum, New York). – 2003. – Vol. 2, № 2. – P. 112–121.
6. Hu Ying, Tales of Translation: Composing the New Woman in China, 1899–1918 / Ying Hu. – Stanford: Stanford University Press, 2000. – P. 112–225.

7. *Gao Minglu*. Toward a Transnational Modernity – an Overview of the Exhibition / Minglu Gao // Inside-out: New Chinese Art (University of California Press). – 1998. – Vol. 11, № 2. – P. 15–4.
8. *Gao Minglu*. Extensionality and Intentionality in a Transnational Cultural System / Minglu Gao // Art Journal. – 1998. – Vol. 46, № 5. – P. 36–39.
9. Pan Yu Liang: The Exhibition of Pan Yu Liang [Exhibition Catalogue] / National Museum of History and National Taiwan Museum of Fine Arts. – Taiwan, 2006. – 569 p.
10. *Park, E. H.* Negotiating the Discourse of the Modern in Art: Pan Yuliang (1895–1977) and the Transnational Modern: a dis... for the degree of Doctor of Philosophy (History of Art) / E. H. Park. – The University of Michigan, 2013. – 213 p.
11. *Teo, P.* Maternal Ambivalence in Pan Yuliang's Paintings / P. Teo // Yishu Journal of Contemporary Chinese Art. – 2010. – Vol. 9, № 3. – P. 87–99.
12. *Wu Hung, Tsiang, K. R.* Body and Face in Chinese Visual Culture / Hung Wu, K. R. Tsiang. – Cambridge, Mass., London, Harvard University Press, 2005. – 340 p.
13. *Артемова, Е. В.* Взаимодействие в искусстве между европейским и китайским культурным пространством второй половины XX – начала XXI века / Е. В. Артемова // Сб. науч. тр.; Респ. ин-т китаеведения им. Конфуция БГУ. – Минск, 2013. – Вып. III в 2 ч. Ч. 1: Пути Поднебесной. – С. 306–311.
14. *Артемова, Е. В.* Роль интерпретации в решении актуальных проблем национального и мирового изобразительного искусства / Е. В. Артемова // Государство и творческая личность: материалы III респ. науч.-практ. конф., Минск, 8 ноября 2012 г.; Белорус. гос. Акад. искусств; редкол.: Винокурова С. П. [и др.]. – Минск, 2013. – С. 130–139.

Поступила в редакцию 14.04.2015

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

УДК 821.161.3.09(092)+81'255.2:82=161.3=161

Н. В. ЯКАВЕНКА

МАСТАЦКІ ПЕРАКЛАД З БЛІЗКАРОДНАСНЫХ МОЎ У СВЯТЛЕ РЭЦЭПТЫЎНАЙ ЭСТЭТЫКІ

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск, Беларусь,
e-mail: natayakavenka@tut.by*

Используя такие понятия рецептивной эстетики, как «горизонт ожидания» и «эстетическая дистанция», обращая внимание на распространенное, но мало исследованное явление читательского контроля, автор на основе оригинала рассказа классика белорусской литературы М. Богдановича «Апокриф» и его перевода под названием «Притча о васильках» показывает формирование эстетической дистанции между произведением и читателями.

Ключевые слова: художественный перевод, близкородственные языки, рецепция, рецептивная эстетика, горизонт ожидания, эстетическая дистанция, читательский контроль, М. Богданович, «Апокриф», «Притча о васильках».

N. V. YAKAVENKA

CREATIVE TRANSLATION FROM CLOSELY RELATED LANGUAGES IN THE LIGHT OF RECEPTIVE AESTHETICS

*Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research, of National Academy of Sciences, Minsk, Belarus,
e-mail: natayakavenka@tut.by*

Author of the article shows the aesthetic distance formation between the literary writing and readers. For this aims the author used such receptive aesthetics concepts as «expectation horizon» and «aesthetic distance». Simultaneously the author gives attention to such widespread but poor investigated phenomenon as reader's control. Basis for the investigation is writing by Belarusian classical writer Maxim Bogdanovich the narrative «Apokrif» both original and translation under the name «Parable about cornflowers». On this example, the author shows the aesthetic distance formation between the writing and readers.

Keywords: artistic translation, close-related languages, reception, receptive aesthetics, expectation horizon, aesthetic distance, reader's control, M. Bogdanovich, «Parable about cornflowers».

Паводле меркавання расійскага лінгвіста М. Новікавай, «працэс перакладу – гэта складаны від псіхалінгвістычнай дзейнасці ва ўмовах двухмоўнай сітуацыі» [5, с. 19] ужо таму, што сутнасцю перакладу з'яўляецца перадача тэксту арыгінала сродкамі іншай мовы. Інакш кажучы, кожны перакладчык, з якой на якую мову не перакладаў бы, знаходзіцца ў складанай сітуацыі двухмоўя – білінгвізму – «валодання двюма мовамі і папераменным іх выкарыстанні ў залежнасці ад умоў моўных зносін» [10, с. 4]. Але калі двухмоўе ўласцівае і чытачам перакладу, узровень складанасці перакладчыцкай працы значна павышаецца.

Бікультурнасць беларускага грамадства, надзвычай цесная блізкасць з расійскім грамадствам, «характэрная для ўсіх без выключэння ўзроўняў матэрыяльнага і духоўнага жыцця» [7, с. 34], неадназначна ўздзейнічае на працэс перакладу. Як адзначае В. Рагойша, «блізкасць – культурная, сацыяльна-бытавая, псіхалагічная, геаграфічная – у цэлым радзе выпадкаў аблягчае перакладчыкам пошук адпаведных найменняў, назваў, азначэнняў».

У мастацкім перакладзе пераствараецца (перакладаецца) не слова само па сабе, а аўтарскае бачанне навакольнага свету, выражанае словам. А паколькі гэты навакольны свет, нават адносіны да яго, у народаў-суседзяў вельмі падобны і нярэдка аднолькавы, то, адпаведна, магчымасць адэкватнага перастварэння блізкароднаснага тэксту выключна высокая. Сам жа працэс перакладу значна аблягчаецца – у параўнанні з перакладам твораў, якія належаць народам, гістарычна і культурна аддаленым адзін ад другога.

Адзначаючы гэта, трэба, аднак, улічыць, што розныя формы блізкасці паміж усходнеславянскімі народамі носяць не абсалютны, а адносны характар. Прычым усе яны маюць канкрэтна-гістарычную абумоўленасць, г. зн. у розны час праяўляліся з рознай інтэнсіўнасцю. Так, скажам, геаграфічная блізкасць у апошнія стагоддзі не парушалася... Тым не менш нельга не ўлічваць тых абставін, што... пэўны час усходнеславянскія народы падзяляліся дзяржаўнымі межамі (і падзяляюцца зараз. – *Н. Я.*). І гэтыя межы часам уплівалі на духоўную раз'яднанасць народаў больш істотна, чым калі б яны аддзяляліся многімі сотнямі кіламетраў. Нават этнічная і моўная роднасць у розныя эпохі, у залежнасці ад гістарычных умоў існавання народаў, адчувалася ўсходнімі славянамі неаднолькава, праяўляючыся і ў рознай ступені разумення моў адзін аднаго, і ў эмацыйным стаўленні да гэтых моў» [7, с. 35–36].

Акрамя таго, пануючыя ў пэўны час традыцыі перакладу, літаратурныя каноны і эстэтычныя прынцыпы фарміруюць разам з літаратурна-мастацкім густам перакладчыцкі метад кожнага перакладчыка, які заключаецца ў падборы мастацкіх сродкаў і стылістычнай інтэрпрэтацыі арыгінальнага тэксту ў перакладзе: «Асноўнае поле, на якім разгортваюцца аперацыі перакладчыка, гэта мікрастылістыка. Перакладчык імкнецца авалодаць вобразнай структурай арыгінала. Тэма, герой, як і іншыя элементы макраструктуры так званай макрастылістыкі, існуюць для яго толькі як абавязковыя факты тэксту, з якімі ён не павінен “маніпуліраваць”» [6, с. 99].

Захаванне нацыянальнай спецыфікі твора з'яўляецца адной з важнейшых задач і праблем мастацкага перакладу. Нацыянальная літаратура – як частка нацыянальнай культуры – нясе ў сабе яе галоўныя адметнасці. Перакладчыкі звычайна вельмі ўважліва ставяцца да перадачы асаблівасцей нацыянальнай культуры арыгінала і захавання гэтых асаблівасцей у перакладзе. І таму з мэтай вылучыць і падкрэсліць спецыфічны нацыянальны каларыт арыгінала часта дапускаюць у перакладах крэалізацыю, калі не перакладаюць асобныя словы ці выразы і ўводзяць іх у рускі лад мовы, або калькаванне. Такім чынам, у мастацкім тэксце ўзнікае сітуацыя двухмоўя – «наяўнасці ў структуры мастацкага твора іншанацыянальных моўных сродкаў адлюстравання аб'ектыўнай рэчаіснасці. Прычым размова ідзе аб іншамоўных сродках, якія ў момант стварэння твора не з'яўляюцца прыналежнасцю дадзенай моўнай сістэмы, г.зн. не з'яўляюцца запазычаннямі» [2, с. 9]. Звыклія для мовы арыгінала, такія словы часам аказваюцца штучнымі ў мове перакладу і больш чым трэба звяртаюць на сябе ўвагу, што аўтаматычна выклікае адмоўную рэакцыю, названую В. Рагойшам чытацкім кантролем: «Існуючыя моўныя ўмовы перакладу ва ўсходніх славян, у прыватнасці ў беларусаў і ўкраінцаў (двухмоўе чытача), абумоўліваюць наяўнасць некалькіх праблем, звязаных не толькі з тэорыяй, але і з практыкай перакладу.

У беларуска-рускага і ўкраінска-рускага мастацкага перакладу... незвычайна павышаны кантроль чытачоў, якія ўважліва сочаць за якасцю перакладу, а тым самым і ўплываюць на гэту якасць...

Калі мець на ўвазе пераклады рускай мастацкай літаратуры на ўкраінскую і беларускую мову, то кожны адукаваны ўкраінец ці беларус, для якога творы Пушкіна і Лермантава, Блока і Ясеніна, Маякоўскага і Твардоўскага такія ж знаёмыя і блізкія, як і творы сваіх родных пісьменнікаў, становіцца – хоча ён таго ці не – своеасаблівым крытыкам украінскіх ці, з другога боку, беларускіх перакладаў рускай паэзіі. Радкі арыгінала, знаёмыя з дзяцінства, успамінаюцца адразу, як толькі пачуюцца яны ў «рэха» – украінскім ці беларускім перакладзе. І калі «рэха»сфальшывіць, зменіць тон і чысціню арыгінальнага гучання, – гэта ўмомант будзе заўважана і патрэбным чынам ацэнена...

На варце рускіх пісьменнікаў стаяць не толькі іншанацыянальна-рускія, але і руска-іншанацыянальныя біглоты, якія жывуць ва Украінскай і Беларускай рэспубліках. І калі ў даваенны час часта толькі «прымхі», нявер'е ў магчымасці перакладу прымушалі, па словах А. Бялецкага, «расіян» скептычна ўсміхацца пры бачанні сваіх пісьменнікаў у чужой моўнай во-

пратцы, як быццам падобнай на рускую і ў той жа час такой непадобнай, то зараз гэты скепіс (калі ён толькі ўзнікае) абумоўлены зусім іншымі прычынамі: нізкім мастацкім узроўнем перакладу, недакладнасцю перадачы сэнсу або эмацыянальнай напоўненасці арыгінала, літаральным капіраваннем першакрыніцы і да т. п.» [7, с. 41–43].

Між тым, каб пашырыць і ўдакладніць паняцце чытацкага кантролю, варта звярнуцца да некаторых тэрмінаў рэцэптыўнай эстэтыкі, асноўныя ідэі якой базіруюцца на тэзісе йенскіх рамантыкаў пра «жывога» чытача, што ідзе насустрач пісьменніку і актыўна «ўдзельнічае» ў творчасці.

«Сярод крыніц рэцэптыўнай эстэтыкі... – герменеўтыка, якая засноўваецца на “філасофіі жыцця” В. Дзільтэя і феноменалогіі Э. Гусерля, пражскі структуралізм, руская фармальная школа 10–20-х гадоў XX ст., сацыялогія літаратуры, што вывучае ўздзеянне літаратуры на чытацкую аўдыторыю. Імкнучыся да дакладна выражанага функцыянальнага вывучэння твора, рэцэптыўная эстэтыка развівалася ў рэчышчы агульнага для заходняй і рускай навукі аб мове і літаратуры працэсу, які вёў даследчыкаў ад успрымання мастацтва як аўтаномнага, самадастатковага феномена да праблемы яго “разумення” і “прачытання” (гэта лінія, якая напоўнілася ідэямі В. Дзільтэя, дала пачатак сённяшнім герменеўтычным падыходам), і далей да асэнсавання працэсу ўзаемадзеяння і камунікацыі сацыяльна-эстэтычных структур, што ўтвараюць дыялектычна супрацьлеглую і адкрытую сістэму “мастацтва–грамадства”» [12, с. 118–119].

Згодна з рэцэптыўнай эстэтыкай, літаратурна-мастацкі твор «узнікае» і «рэалізуецца» толькі ў працэсе «сустрэчы», кантакту тэксту з чытачом, які, дзякуючы «зваротнай сувязі», у сваю чаргу ўздзейнічае на твор і вызначае тым самым канкрэтна-гістарычны характар яго ўспрымання і бытавання. Такім чынам, асноўным прадметам вывучэння рэцэптыўнай эстэтыкі з’яўляецца рэцэпцыя – успрыманне літаратурнага твора чытачом [12, с. 118–128].

У дачыненні да чытацкага кантролю над перакладным творам мэтазгодна выкарыстоўваць такія тэрміны рэцэптыўнай эстэтыкі, як «гарызонт чакання» і «эстэтычная дыстанцыя».

Пад гарызонтам чакання разумеецца комплекс эстэтычных, сацыяльна-гістарычных, псіхалагічных і іншых уяўленняў, што фарміруюць адносіны аўтара і яго твора да грамадства, найперш да чытача, а таксама стаўленне чытача да твора, якое рэалізуецца адпаведна ў выглядзе яго асабістага эстэтычнага і жыццёва-практычнага досведу [12, с. 27–29].

Мастацкая (эстэтычная) каштоўнасць твора (перакладу) грунтуецца на той рознасці, што існуе паміж гарызонтам чакання твора і гарызонтам чакання чытача. І менавіта гэтая рознасць даволі часта становіцца кропкай сутыкнення, а часам выклікае непрымірымую барацьбу дзвюх эстэтычных канцэпцый, дзвюх суб’ектыўнасцей, бо гарызонт чакання – з’ява глыбока асабістая, а значыць, суб’ектыўная.

Пры сутыкненні чытацкага і аўтарскага (або ў нашым выпадку перакладчыцкага) гарызонтаў чакання ўзнікае эстэтычная дыстанцыя, што вызначае ступень нечаканасці твора для чытача і яго мастацкую каштоўнасць. Дыстанцыя паміж гарызонтам чакання чытача і гарызонтам чакання твора гэта дыстанцыя паміж даўно вядомым, знаёмым, звыклым і неабходнасцю новага ўспрымання, прасцей кажучы, гэта дыстанцыя паміж старым і новым эстэтычным досведам [12, с. 157–158].

Імгненнасць рэакцыі на пераклад і праяўленне чытацкага кантролю, а разам з тым выяўленне гарызонтаў чакання і фарміраванне эстэтычнай дыстанцыі добра ілюструе наступны прыклад.

Напрыканцы 2014 г. жаночы інтэрнэт-часопіс «VELVET.BY» змясціў інтэрв’ю з перакладчыкам «ПрайдзіСвету» Ганнай Янкута. Размова ішла пра англа-беларускі пераклад, але чытацкі кантроль спрацаваў дзякуючы якраз беларуска-рускаму двухмоўю: «Цяпер я даволі марудна перакладаю “Пыху і перадузятасць” Джэйн Остэн...», – гаворыць перакладчык і тут жа атрымлівае стрэчнае пытанне журналіста: «“Пыха і перадузятасць”? Это “Гордость и предубеждение”?» Адказ перакладчыка: «Так, гэта працоўная назва рамана па-беларуску. Увогуле назва твора перакладаецца ў апошнюю чаргу, таму напэўна сказаць, пад якой назвай гэты твор у нас выйдзе, я пакуль не магу. У беларускай мове ёсць шмат сінонімаў да слова “пыха”, кнігу можна назваць, напрыклад, “Тонар і перадузятасць”, аднак сама Остэн часта абірала для назваў сугучныя словы: “Sense and Sensibility” (у рускім перакладзе “Чувство и чувствительность”), “Pride and Prejudice” (“Гордость и предубеждение”). Мне хацелася захаваць гэтую асаблівасць. Аднак канчатковае рашэнне будзе прынятае пасля заканчэння перакладу». Тут жа, у рамках форумнага абмеркаван-

ня, адгукаецца ананімны чытач: «Пыха мяне таксама “ўразіла”... Я тры разы перачытала. Можа, памылка?» Адказвае журналіст: «Не, менавіта “пыха”. Таму я і перапытала. Але ж Ганна кажа, гэта пакуль працоўны варыянт» [11].

Твор Д. Остэн, пра які ідзе гаворка, беларусы ведаюць у перакладзе на рускую мову і падсвядома ўспрымаюць як рускую класіку. Таму не дзіўна, што ў свядомасці чытачоў узнікае добра вядомая рускамоўная назва рамана, а беларускамоўны варыянт выклікае пярэчанні – ствараецца эстэтычная дыстанцыя. Паказальна таксама, што перакладчык, улавіўшы адмоўную чытацкую рэакцыю, робіць агаворку на конт рабочай назвы перакладу і дае падрабязныя, аднак, на жаль, непераканальныя, тлумачэнні. Тут мае месца кагнітыўны дысананс – дыскамфорт, што ўзнікае ў чытачоў, калі яны сутыкаюцца з інфармацыяй, якая пярэчыць іх устойлівым і звыклым уяўленням. Пераадолець гэты псіхалагічны бар’ер у дадзеным выпадку перакладчыку не ўдалося. Але ці ёсць падставы гаварыць пра неадэкватнасць перакладу?

Адэкватнасць перастварэння арыгінала – галоўная праблема перакладу. Часта пры ўспрыманні перакладу чытачамі зыходная культурная інфармацыя, якая знаходзіцца ў тэксце арыгінала, не поўнаасцю адпавядае інфармацыі, заключанай у перакладзе, – становіцца неадэкватнай, калі адбываецца «супастаўленне дзвюх культур – культуры зыходнай мовы і культуры мовы перакладу» [3, с. 79].

Вернемся да вышэйпрыведзенага прыкладу. Англійскае слова *pride* на рускую мову перакладаецца наступным чынам: «(1) гордость, гордыня, спесь; 2) чувство собственного достоинства» [4, с. 573]. Цяпер зробім руска-беларускі пераклад: гордость – гонар, гордыня – ганарлівасць, спесь – пыха. Такім чынам, беларускамоўная назва «Пыха і перадузятасць» цалкам адэкватная арыгінальнай і рускамоўнай, але тым не менш гэта не дазволіла ёй без перашкод прайсці чытацкі кантроль – нягледзячы на адэкватнасць, пераклад аказаўся непрымальным. Значыць, мы маем справу з іншай з’явай, пра якую пойдзе гаворка ніжэй.

Адэкватнасць (адпаведнасць) або, згодна з азначэннем аднаго з родапачынальнікаў перакладзнаўчай навукі, славацкага вучонага А. Паповіча, стылістычная і сэнсавая эквівалентнасць перакладу, – гэта «функцыянальная раўназначнасць элементаў арыгінала і перакладу. Замена элементаў арыгінала пры перакладзе такім спосабам, каб інварыянтнае падабенства значэнняў і іх стылістычная каштоўнасць былі ідэнтычныя» [6, с. 197].

Паняцце рэлевантнасці (ад лац. *relevo* – паднімаць, аблягчаць) найчасцей выкарыстоўваецца ў інфармацыйным інтэрнэт-пошуку і абазначае семантычную адпаведнаць пошукавага запиту і пошукавага вобраза дакумента.

У навуковай літаратуры рэлевантнасць – здольнасць адпавядаць чаму-небудзь, быць істотным, значным, важным, быць да месца.

У мовазнаўстве рэлевантнасць вызначаецца як ступень змянення значэння адной марфемы (перш за ўсё кораня) пад уздзеяннем значэння другой марфемы (перш за ўсё афікса).

У агульным сэнсе адно з найбольш блізкіх паняццю рэлевантнасці – адэкватнасць, прычым гэта не толькі ступень адпаведнасці, але і ступень практычнай прымяняльнасці выніку, а таксама ступень сацыяльнай прымяняльнасці варыянта рашэння пэўнай задачы [8–9].

Калі менавіта з гэтага ракурсу паглядзець на прыклад адмоўнага чытацкага ўспрымання перакладу назвы рамана Д. Остэн «Пыха і перадузятасць», то становіцца відавочным наступнае: пераклад адэкватны – адпаведны арыгіналу, але не рэлевантны (ірэlevantны), бо практычна і сацыяльна непрымяняльны.

Такім чынам, рэлевантнасць перакладу – гэта адпаведнасць перакладнага тэксту арыгінальнаму, якая разам са стылістычнай і сэнсавай эквівалентнасцю дае практычную і сацыяльную прымяняльнасць перакладу ў іншамовым і іншакультурным асяроддзі.

Рэлевантнасць (або наадварот – ірэlevantнасць) перастварэння можа быць фармальнай – выяўляцца на мікрастылістычным узроўні – на ўзроўні слова, як у прыведзеным прыкладзе, змястоўнай – закранаць макрастылістыку (змест, ідэю твора) і мастацкай – уплываць на мастацкія асаблівасці перакладу (аўтарскі стыль, вобразна-выяўленчыя сродкі).

Рэлевантнасць перакладу напрамую залежыць ад чытацкага кантролю, які бывае яўным, як у прыкладзе з «Пыхай і перадузятасцю», і меркаваным, які перакладчык можа прадугледжваць як магчымы і ў адпаведнасці з гэтым працаваць над тэкстам.

Трэба адзначыць, што меркаваны чытацкі кантроль – з’ява частая, заканамерная, неабходная, але даволі суб’ектыўная. Суб’ектыўнасць можа прыводзіць да памылковасці ў выбары сродкаў перастварэння, а каб яе пазбегнуць, перакладчык павінен не толькі па-майстэрску валодаць мовай арыгінала і перакладу, але і выдатна ведаць сацыяльна-культурныя і гістарычныя ўмовы існавання таго грамадства, на мову якога ён перакладае.

Такі спосаб перастварэння, калі перакладчык імкнецца ўлічыць магчымае чытацкае ўспрыманне і ўносіць у тэкст адпаведныя карэктывы, у перакладазнаўстве называецца канфрантацыйнай камунікатыўнай пазіцыяй. Як паказвае практыка мастацкага перакладу, яна часам прыводзіць да скажэння зместу або ідэйнай задумы твора ці шкодзіць мастацкаму ўзроўню перакладнага твора, што здараецца даволі часта, бо «пераклад мастацкіх твораў рэзка адрозніваецца ад іншых відаў перакладу. Ён прадугледжвае творчасць. Каб абысці ўсе падводныя камяні мастацкага перакладу, перакладчык павінен быць надзелены не менш яркім талентам, чым сам пісьменнік, і гэты талент не можа замяніць ні самая лепшая школа, ні самыя лепшыя педагогі. Мастацкі пераклад супрацьстаіць навукова-тэхнічнаму і грамадска-палітычнаму як мастацтва навуцы» [5, с. 19–20].

Разглядаючы спецыфіку мастацкага перакладу з блізкароднасных моў, варта мець на ўвазе рэлевантнасць мастацкага перакладу (яго практычную і сацыяльную прымяняльнасць) і звяртацца да асноўных пастулатаў рэцэптыўнай эстэтыкі, што праілюстравана наступным прыкладам аналізу перакладу на рускую мову апавядання М. Багдановіча «Апокрыф».

На пачатку XX ст. М. Багдановіч пераклаў з беларускай на рускую мову ўласны рукапісны зборнік «Зеленя», які складаецца з 22 вершаў (датуецца ўмоўна 1909–1913 гг.), і апавяданне «Апокрыф» («Притча о васильках», 1913 г. напісання, першая публікацыя – у «Северной газете», Яраслаўль, 1914 г., 2 студз., № 1).

Пераклад «Апокрыфа» дэманструе варыябельнасць пэўных элементаў апавядання, змены як у яго мікра-, так і макраструктуры (іншая назва, перакампаўка абзацаў, дадаванне аўтарскіх тлумачэнняў у зносах, парушэнне лексіка-смантычнай адпаведнасці асобных слоў і выразаў), а значыць, фармальную, змястоўную і мастацкую ірэлевантнасць. Пры тым у рускамоўным варыянце апавядання выразна відаць перакладчыцкая пазіцыя пісьменніка: адэкватна перадаваць нацыянальна-культурную спецыфіку першакрыніцы. Каб вылучыць і падкрэсліць спецыфічны нацыянальны каларыт твора, аўтар рабіў зноскі з тлумачэннямі беларускіх рэалій, дапускаў калькаванне, калі не перакладаў асобныя словы, а ствараў рускамоўныя падабенствы беларускім («година», «зажинки», «дожинки»). М. Багдановіч імкнуўся як мага шырэй паказаць рускамоўным чытачам багацце беларускай культуры, якое ў першую чаргу захоўваецца ў мове [14].

Асноўныя цяжкасці перакладчыцкай працы М. Багдановіча пры перадачы нацыянальных рэалій і адаптацыі арыгінальнага тэксту ў іншакультурным асяроддзі бачацца ў адсутнасці эквівалентаў і неабходнасці перадаваць кантатацыю некаторых слоў. Зыходная культурная інфармацыя, што знаходзіцца ў тэксце арыгінала, не зусім адэкватная інфармацыі, заключанай у перакладзе:

Толькі музыка, катораму цяпер не было чаго рабіць, падышоў да іх і сказаў... [1, т. 2, с. 50];

Только лишь человек, ходивший по селам со скрипкой, не имел сегодня работы [1, т. 2, с. 57].

Яшчэ адзін урывак:

...пяюць на ігрышчах і вечарынках, і на вяселлях, і на хаўтурах, і ў бяседзе, і ў працы, і ў маскалі йдучы, і ўва ўсякай іншай прыгодзе [1, т. 2, с. 51];

...поют в хороводах и на посиделках, поют на свадьбах и похоронах и при всякой работе [1, т. 2, с. 58].

Тут у першым выпадку, як бачым, М. Багдановіч не стаў дакладна перакладаць слова «музыка» (па-руску «музыкант»), напэўна, адчуваючы залішняю абагульненасць гэтага слова ў рускай мове – «музыкантом» можна назваць і вясковага музыку, і таго, хто грае ў аркестры, – а даў адразу «тлумачэнне», ускладніўшы тым самым і перабудаваўшы сказ. У другім выпадку, наадварот, відавочная спрошчанасць фразы, ад чаго пераклад выглядае збеднена.

Такім жа чынам праз пераклад М. Багдановіч імкнуўся данесці раскрытую ў арыгінале філасофскую думку:

...нями красы без спажытку, бо сама краса і ёсць той спажытак дзеля душы [1, т. 2, с. 51].

...нет бесполезной красоты, ибо сама красота и есть то, от чего растет душа человека [1, т. 2, с. 59].

Іншы ўрываек:

Я ж кажу вам: добра быць коласам; але шчаслівы той, каму дадзена быць васільком. Бо нашто каласы, калі няма васількоў? [1, т. 2, с. 52];

Я же говорю вам: хорошо быть колосом; но счастлив тот, кому пришлось стать васильком. Потому что к чему колосья, когда нет васильков? [1, т. 2, с. 59].

Першы выпадак дэманструе не проста спрошчанае фразы ў перакладзе, але і сэнсавую неадпаведнасць: «спажытак дзеля душы» гэта зусім не «то, от чего растет душа человека», да таго ж слова «растет» падабрана вельмі няўдала. Падобнае і ў другім выпадку: «той, каму дадзена быць васільком», і «тот, кому пришлось стать васильком», – абсалютна рознае.

«Васілёк і каласы, прыгожае і карыснае, узрошчаны на адной ніве. Такая выпакутаваная, а таму простая Багдановічава выснова. “Радзімай васілька” назаве Багдановіч сваю старонку – Беларусь. Ён хацеў сказаць, што гэта тая зямля, якая нараджае паэтаў» [13, с. 108]. «Нашто каласы, калі няма васількоў?» – значыць навошта матэрыяльнае, карыснае, калі няма прыгожага, высока духоўнага, навошта Сейбіт, калі няма Мастака. А вось Мастаком (васільком) сапраўды толькі «дадзена быць», а той, каму «давялося стаць», – не Мастак.

На жаль, сам М. Багдановіч не заўважыў гэтай сэнсавай страты ў перакладзе, і таму рускамоўны чытач не зможа належна ацаніць усю глыбіню і вобразнасць філасофскай думкі, закладзенай у «Апокрыфе», а двухмоўны чытач адразу адчуе эстэтычную дыстанцыю, калі, ведаючы «Апокрыф», прачытае «Притчу о васильках», дзе існуюць усе віды ірэlevantнасці перакладнога твора арыгінальнаму.

Арыгінальны твор заўсёды фарміруе ў чытача пэўны гарызонт чакання, несупадзенне якога з гарызонтам чакання перакладчыка (нават калі гэта сам аўтар, як у дадзеным прыкладзе) стварае эстэтычную дыстанцыю паміж чытачом і перакладным творам.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 725 с.; Т. 2: Мастацкая проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 600 с.
2. Гируцкий, А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: Типология и история, языковые процессы / А.А. Гируцкий; ред. П.П. Шуба. – Минск: Университетское, 1990. – 175 с.
3. Микулина, Л. Д. Национально-культурная специфика и перевод / Л. Д. Микулина // Мастерство перевода: сб. ст.; редкол.: Э. Анианишвили [и др.]. – М.: Сов. писатель, 1981. – С. 75–81.
4. Мюллер, В. К. Новый большой Англо-русский словарь / В.К. Мюллер. – М.: Альта-Принт, 2007. – 864 с.
5. Новикова, М. Г. Мера смысла, актуальное членение и адекватность перевода / М. Г. Новикова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 208 с.
6. Попович, А. Проблемы художественного перевода / А. Попович; под ред. П. М. Топера. – М.: Высш. шк., 1980. – 198 с.
7. Рагойша, В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков: Белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод / В. П. Рагойша. – Минск: БГУ, 1980. – 183 с.
8. Релевантность. Материал из Википедии – свободной энциклопедии // ru.wikipedia.org [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Релевантность>. – Дата доступа: 09.09.2014.
9. Релевантность. Викисловарь – многоязычный открытый словарь // ru.wiktionary.org [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://ru.wiktionary.org/wiki/релевантность>. – Дата доступа: 09.09.2014.
10. Розенцвейг, В. Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика / В. Ю. Розенцвейг. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 80 с.
11. Северинец, А. VELVETавае інтэрв'ю. «Пераклад – гэта тое, што мы б хацелі даць гэтаму свету» / А. Северинец // VELVET.BY [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.velvet.by/shopwindow/uspeshnaya-zhizn/velvetovye-intervyu/velvetavae-nterv-yu-peraklad-geta-toe-shto-my-b-khat>. – 2014. – Дата доступа: 24.12.2014.
12. Современное зарубежное литературоведение: энцикл. справ. // РАН, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М.: Intrada, 1999. – 319 с.
13. Стральцоў, М. Загадка Багдановіча / М. Стральцоў. – Мінск: Беларусь, 1969. – 120 с.
14. Якавенка, Н. В. Притча о васильках / Н. В. Якавенка // Максим Багдановіч: энцыклапедыя. – Мінск: Беларус. энцыкл., 2011. – С. 430.

Поступиў у рэдакцыю 21.07.2015

УДК 82–95:821.111Мэзер

А. Л. ЦЕРКОВСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОТТОНА МЭЗЕРА

*Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь,
e-mail: alexander.tserkovski@gmail.com*

Показаны наиболее существенные характеристики американской литературы раннего колониального периода. Рассмотрены особенности поэтики и описана проблематика литературного творчества Коттона Мэзера (Cotton Mather, 1663–1728), видного представителя новоанглийской словесности XVII–XVIII вв. Анализируется его художественный стиль, делается вывод о том, что «массивный» стиль письма К. Мэзера формируется в синтезе различных жанровых тенденций, включении эпики, социологичности, документальности, мемуарности. Утверждается, что пуританский художественный мир подчинен строгим нравственным установкам, существует параллельно «ненадежной» и «туманной» истории человечества. Делается вывод, что в ядре такой системы ценностей лежит не только Библия, но и множественные мифы, созданные в контексте пуританского видения мира, описывающие варианты возможного развития истории человечества. Именно это «творение истории человечества» и лежит в основе пуританской парадигмы социального знания.

Ключевые слова: пуританская литература, ранняя американская литература, американская литература колониального периода, пуританская литературная рефлексия, Коттон Мэзер.

A. L. TSERKOVSKI

COTTON MATHER LITERARY HERITAGE

*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus,
e-mail: alexander.tserkovski@gmail.com*

Author shows the most essential characteristics of the Early American literature in the article. Poetics special features of a prominent representative of New England literature XVII–XVIII Cotton Mather (1663–1728), his art style and problems of his literary creation have been described in the article. Author of the article concludes that C. Mather formed «massive» writing style in the synthesis of various genre trends included epics, documentaries, memoirs, etc. Author argues that Puritan artistic world subordinated to strict moral principles. It exists in parallel «unreliable» and «foggy» history of humanity. Besides, author concludes that in the core of such a system of values is not only the Bible but also multiple myths created in context of the Puritan vision of the world, describing the options for the possible development of human history. Such «creation of human history» is probably the cornerstone of a Puritan paradigm of social knowledge.

Keywords: Puritan literature, Early American literature, American literature of the colonial period, the Puritan literary reflection, Cotton Mather.

Многие исследователи (П. Миллер, С. Беркович, Л. Мишина, К. Баранова) отмечают, что истоки американской литературы следует искать в колониальном периоде истории США (1600–1776 гг.). Именно в это время начинают формироваться собственно национальные идеи американского общества, важной характеристикой которых является их гуманистический потенциал [1]. Анализ литературных трудов жителей Новой Англии, этой колыбели американской цивилизации, позволяет детализировать эпохальную картину зарождения новой государственности, новой нации, дает возможность описать культурно-исторический процесс генезиса и становления США.

Американская литература формировалась на мощном пласте новоанглийской словесности XVII в., когда бежавшие из Англии пуритане искали место для свободного исповедания своей

веры. Несмотря на то что все английские колонии в Северной Америке были достаточно аутентичными общественно-политическими образованиями (особенно нужно отметить поселения в Новой Англии, в частности, колонию Плимут, колонии в районе Филадельфии, Нью-Йорка, колонии Юга [2, с. 14]), регион Новой Англии был уникальным местом особого культуротворчества, в частности, благодаря высоким пуританским нравственным идеалам, образованности поселенцев, что вскоре привело к распространению печатной прессы, открытию Гарвардского университета и т. д.

Исследуя новоанглийское литературное наследие, важно учитывать тот факт, что пуритане придавали статус *мистической значимости* каждому событию, происшествию, символу. Сопоставляя фактическое и выдуманное, пуританская концепция бытия мира являет собой статичную модель философствования, когда свобода мысли подчиняется догматическому убеждению (например, мысль о *божественном промысле*). Чем больше пуритане исследовали реальность (известная протестантская рефлексия), тем более очевидным для них становился факт закономерности всего происходящего вокруг (идея *провиденциализма*).

Одним из ярких представителей новоанглийской словесности являлся Коттон Мэзер (*Cotton Mather, 1662–1727*)¹. Он был общественным деятелем в Новой Англии, богословом, проповедником, автором более пятисот сочинений, среди которых памфлеты, эссе, проповеди, стихотворения, автобиография, а также являлся членом Лондонского королевского общества.

Лишь недавно исследователи (Р. Лавелерс, Л. Кнопперс, С. Беркович, В. Солодовник, Л. Мишина, К. Баранова) начали обращать внимание на широкий диапазон художественных средств К. Мэзера, его чувство формы, работу над художественными элементами, очевидное движение к драматическому, развитое чувство поэтического ритма. Самой существенной стороной в этом вопросе, на наш взгляд, является выбор эстетики барокко К. Мэзером как наиболее подходящей к его мировоззрению форме художественного описания действительности.

К. Мэзер высоко ценил, хотя сам писал сложно, метафорично, простой стиль изложения, лишенный витиеватостей и сложных лексических конструкций. В то же время он хвалил «пронизывающее красноречие» возвышенной прозы: образность, которая очаровывает «шелковистой линией и золотым крюком» [3]. «У каждого человека будет свой собственный стиль», – пишет К. Мэзер [3]. Его проповедническая проза предельно строгая и выдержанная: «Массивный путь» (путь пуритан на новые земли, Новый Ханаан) он сравнивает с мраморным памятником, «большой музыкальной гармонией» или византийской «Золотой парчой», украшенной драгоценностями и «цветами выбора» [3]. Вместе с тем мы согласимся с Л. Мишиной, которая, изучая раннюю американскую литературу, предлагает использовать для описания стиля письма представителей Новой Англии термины *plain style* (ясный, простой) и *unplain style* (метафорический, усложненный) [4]. Фактический стиль (не тот, о котором он рассуждал, а тот, который он использовал в своих сочинениях) у К. Мэзера был, бесспорно, *unplain* – изобилующий метафорами, аллюзиями, сложными лексическими конструкциями, терминами из латинского и греческого языков.

К. Мэзер был предельно занят общественными обязанностями. Как глубоко преданный своему гражданскому и религиозному долгу человек он старался едва ли не всякую свою мысль записать, экстраполировать ее в будущее. В такой спешке и идеологических рамках он едва ли мог позволить себе в собственных письменных работах оттачивать совершенство формы слова (к которой относился с должной осторожностью), о чем он сам свидетельствует, регулярно принося извинения за поспешность, с которой пишет. Его подчас чрезмерный литературный педантизм, экспериментальное словоупотребление, использование всевозможных аллюзий, цитат, средств лексической изобретательности, высокого слога иногда граничат с графоманством, что местами делает труды К. Мэзера пафосными и трудночитаемыми. Такой стиль письма К. Мэзер выбрал не случайно, поскольку, по словам Л. Мишиной, «“Метафоры библейской истории” являются основой стилиевой манеры Коттона Мэзера – одной из ключевых фигур ранней американской истории и литературы» [4, с. 187]. Изобилие библейских метафор создает особую стилистику текстов К. Мэзера.

¹ Некоторые исследователи пишут его фамилию через «э» – Мэзер (К. Баранова, Е. Стеценко), некоторые – через «е», как, например, Н. Покровский. Мы используем вариант «Мэзер».

К. Мэзер писал в атмосфере консервативного кальвинизма, доминирующего в общественном сознании его предшественников и многих современников. Его предки защищали простоту языка, воевали против «вульгарного и напыщенного» слога англичан. Литературная особенность пуритан поколения К. Мэзера состоит в том, что языковые средства, которые использовали пуритане, были далеки от «божественной простоты», которую они культивировали. Это несоответствие желаемого и действительного стало вполне очевидным после Великой Реставрации в Англии, когда простой стиль изложения мысли попал под удар от сторонников других протестантских деноминаций, генетически связанных с пуританами.

Пуритане уделяли много внимания методам ведения проповеди, постоянно оттачивали свое ораторское мастерство, тренировались письменно прославлять Бога, что, конечно, развивало их чувство литературного стиля. Они проповедовали не только устно, но и при помощи письменных сочинений. Такой взгляд на жизнь в сочетании с провиденциальностью мышления наделял в сознании пуритан каждое человеческое и естественное явление символическим содержанием, где вещь сама в себе, любое действие или происшествие несут глубочайший божественный смысл, цель которого заключена в посвящении жизни человека Богу. Как отмечает Л. Мишина, «метафоричность в произведении Мэзера не декоративна, она не менее значима, чем факты биографии... Источники образности для автора – Библия и история протестантизма» [4, с. 187]. Но кальвинистская система логических доказательств требовала от пуритан дополнительных аргументов для подтверждения доктрины провиденциализма. Тот макрокосм, который создавали в своих произведениях пуритане, базируется на весьма вольных библейских интерпретациях, соединяющих в единое целое священную (библейскую), художественную и светскую истории человечества.

В литературоведении остается открытым вопрос об уровне художественного мастерства К. Мэзера. Исследователи (П. Миллер, С. Беркович, Л. Мишина, К. Баранова) спорят о литературном статусе знаменитого проповедника и ученого. Тяготение к беллетристике отчетливо выражено в творческой динамике его работ, которые раскрывают читателю художественные взгляды К. Мэзера. Но самый серьезный вклад в литературу доктор К. Мэзер внес своими трудами в документальном и документально-художественном жанрах.

Внутреннее чувство эстетического постоянно вытесняет К. Мэзера за границы собственно пуританской этики. Оставаясь строгим религиозным консерватором в богословских вопросах, он ведет смелую, но вместе с тем выдержанную в духе пуританской риторики работу по развитию и обогащению художественной палитры собственного словотворчества. Впрочем, П. Миллер упрекал, например, «Христианского философа» (*The Christian Philosopher, 1721*) К. Мэзера за отсутствие оригинальных идей, отмечая некоторую вторичность этой работы: «...по большей части это парафраз новейших для того времени попыток сделать науку религиозной» [6, р. 441]. С точки зрения истории литературы работу К. Мэзера «Христианский философ» (*The Christian Philosopher, 1721*), предвещающую написание основного труда автора «Великие Деяния Христа в Америке» (*Magnalia Christi Americana, 1702*), можно рассматривать как первую попытку писателя вплести в повествовательную ткань своих работ символические образы.

В дополнение к «Песням Искупленного» он записывает гимны английского священника, теолога и поэта Исаака Уоттса (*Isaac Watts*), создает трактат о мелодиях и звуках, в котором дает комментарии о несовершенстве формы знаменитой Массачусетской книги Псалмов (*The Bay Psalm Book, 1640*) и (в предисловии к собственному переводу Псалтыря) детально исследует возможности английского языка для стихосложения [7]. К. Мэзера можно рассматривать как одного из первых литературных критиков собственно пуританского литературного наследия.

Разумеется, тексты К. Мэзера не указывают на его стремление к созданию собственного художественного мира, желание автора выйти за границы пуританского видения литературного творчества; они указывают на более убедительный факт: на сложное, сформированное большим читательским опытом и опытом написания гимнов, стихов, памфлетов и других работ чувство литературного стиля, понимание границ художественного и нехудожественного. Его внимательность к форме произведения свидетельствует о высоком уровне знаний К. Мэзером истории литературы, что проявляется в разнообразном, смелом использовании риторических приемов в его проповедях.

Можно утверждать, что К. Мэзер оставался верным своим духовным учителям в вопросах стиля: у него преобладал высокий слог написания памфлетов и гимнов. В «Ежедневнике» («*Quotidiana*» – записи, в которых он фиксирует особо значимые для него места из читаемой литературы) можно проследить умение автора играть словами, составлять анаграммы и пересказывать анекдоты, его особый интерес к эзотерическим вопросам. Мысль проповедника стремится к единому центру – пуританскому видению устройства мира, которое предполагает осознание собственной картины бытия не только посредством веры в Высший Разум, но и с помощью анализа научных знаний. Об этом Н. Покровский пишет так: «Религиозное рвение, не знавшее границ и удержу, вбирало в себя и естественнонаучные интересы К. Мэзера, заставляя его расширять научный кругозор в различных областях современного ему знания, дабы усилить позиции «истинных» пуритан» [8, с. 156]. Такой синтез знания и веры составляет непростую философскую стратегию: в попытках примирить эту противоречивую философскую модель с нарастающим секуляризмом пуритане разрывают (следуя за Кальвином) внутреннюю логику христианства, позволяя себе свободно трактовать многие события из Священного Писания, что в конечном счете приводит к активному мифотворчеству.

Посредством столкновения *предполагаемого и действительного* в художественном мире своих сочинений пуританский автор стремился вовлечь неверующего или иноверца в столь изменяющийся, но строго детерминированный «вселенский ход истории», т. е. спасти его от вечной смерти. Таким образом, происходит переоценка новозаветной задачи Христа как «пути, истины и жизни»: в своем религиозном рвении пуритане придавали особое значение именно «чистоте» своей веры, а не самим словам Христа. В такой модели провиденциального описания окружающего мира пуритане видели божественный промысел, который, по их мнению, самым естественным образом сочетается с законами природы. На наш взгляд, в работах К. Мэзера можно наблюдать процесс формирования собственно художественной идеи ранней американской литературы. Как отмечает литературовед О. Хомякова, «в отличие от научной идеи (умозаключения) художественная идея – это мысль в образной форме, мысль, исходящая из образа... Писатель дает материал для мыслей и чувств, но <...> не часто высказывает их в “чистом виде”» [9, с. 30]. Так, например, у К. Мэзера это культивируется в «Христианском философе» или декларируется в рамках моральной эсхатологии в «Добрых делах» (*Bonifacius, 1710*). В «Чудесах невидимого мира» (*Wonders of the Invisible World, 1693*) он пишет: «Пустыня, через которую мы бредем к земле обетованной, кишит огнедышащими крылатыми змиями. Но по милости господней ни один из них до сих пор не набросился с яростью на нас и не остановил наше продвижение вперед! Весь наш путь на небо происходит подле логовища львов и скопищ леопардов, несметные сонмы бесов подстерегают нас на нашем пути... Мы всего лишь жалкие скитальцы в мире, который стал и заповедным угольем, и узилищем диавольским, и где в каждом закоулке – обиталище чертей и разбойничьих банд, назначение которых – чинить вред всем, кто обращает взор свой в сторону Сиона» [10, т. 1, с. 170].

Но наиболее полно эти позиции пуританства воплощены в самой большой и знаменитой книге К. Мэзера «Великие деяния Христа в Америке» (*Magnalia Christi Americana, 1702*), над которой он трудился в период с 1693 по 1697 г. (исследователи называют это время наиболее плодотворным в его литературном развитии) и издал в 1702 г. В этом грандиозном сочинении реальные исторические персоны и события описываются автором словно вымышленные. Говоря о каком-либо факте биографии современника, автор сопрягает реальность со своей творческой фантазией. Именно поэтому «Деяния» с трудом можно назвать хроникой или летописью. Эту художественную особенность «Великих Деяний Христа в Америке» российский литературовед Л. Мишина, называя К. Мэзера историком, описывает так: «...пуританский историк был обязан писать о конкретном и в то же время проводить определенную идею. Сочинение его должно было быть пронизано религиозностью и дидактизмом» [11, с. 292]. Художественное выражение этой «определенной идеи» и является объектом интереса литературоведов.

Эпическая форма выражения мысли стала чрезвычайно подходящей литературному замыслу К. Мэзера. Понимание этого факта естественным образом выросло из набожной эйфории его политических проповедей. «Деяния», по мнению К. Мэзера, описывают колониальный дух времени «от своего древнего происхождения до последнего конфликта с Антихристом» [12, р. 384],

историю становления государства Нового Иерусалима. Этот взгляд на историю позволяет провести нити типологической взаимосвязи между иеремической риторикой апологетов пуританства в Новой Англии и апокалипсическим пафосом протестантской церковной литературы. По К. Мэзеру, как «Энеида» повлияла на Рим, так и «Деяния» должны были повлиять на молодую нацию. Так, эпическая форма представляется К. Мэзеру лексическим полигоном для испытания художественных средств выразительности.

Богослов скрупулезно и с нескрываемой интеллектуальной радостью выстраивает в своих «Деяниях» линию библейских образов и метафор (часто пересекающихся с художественной литературой, мифами и историческими фактами), на которой сконцентрированы исходная, промежуточные и конечная точки христианской модели мира (от описаний Рая до предсказаний о наступлении «Золотого века»), пишет миф о жизни человека в этом мире, используя всю доступную его таланту палитру художественных и внехудожественных средств, создавая тем самым уникальный в своем роде историко-литературный труд.

Старая земля, по мнению К. Мэзера, ко времени написания «Деяний» оставалась местом, на котором негласно были провозглашены законы и устои дьявола, поэтому Бог проявит свое всемогущество и любовь к роду человеческому (аллюзия на книгу Иова из Библии), когда «в полноте времени» Он приступит к реформированию церкви (в контексте – римско-католической). Так, самым ярким свидетельством трансформации христианской церкви К. Мэзер видел в феномене протестантской Реформации. Проповедник был убежден, что путешествие пуритан в Америку было божественным предназначением этой «чистой» конфессии «истинных христиан» [2]. Эта «навигация Духом», как пишет автор «Деяний» (говоря о деятельности первых поселенцев-христиан на берегах будущих США), есть трансцендентная точка всего исторического развития человечества, из чего можно сделать вывод, что К. Мэзер в своих сочинениях наделял современников принципиально особой значимостью: «Христос избрал Своих преданных слуг (*m.e. пуритан.* – А. Ц.) и направил их на Запад, в Американскую пустыню, для того чтобы утвердить и провозгласить Свою силу в верных Ему, вначале первых из избранных, позже – последователей этих первенцев... и через это избранничество даровать миру образец» [13, р. 631].

«Я не утверждаю, что Церкви Новой Англии самые правильные из всех возможных, и тем не менее, говорю я, и я уверен в этом, что они весьма напоминают те, что существовали в первые века Христианства... Первый век был Золотым веком; возвращение к тем временам делает человека Протестантом и, я добавлю, Пуританином. Так случилось, что Господь наш Иисус Христос перенес несколько тысяч Реформаторов в уединение американской пустоши, имея в виду, что сама возможность, данная сим преисполненным верою случаем Его наслаждаться всю жизнь бесценной свободой Проповедничества среди многих соблазнов. Он дал им вначале и всем другим через них широкий выбор благих дел, в кои он включил создание Его Церквей; и деяния сии, даже и не завершённые, отметили предназначение Новой Англии и цель ее взращивания; а по сему Плантация не может вскоре после случившегося прийти ни к чему» [14, р. 67–68]. В этих рассуждениях мы видим классический для пуритан прием апелляции к авторитету Бога: «Господь наш Иисус Христос перенес...», «Он дал им...». Такой подход к анализу исторических событий весьма характерен для К. Мэзера. Этот прием он использует и в «Великих Деяниях Христа в Америке». Здесь сама история, ее ценность и значимость описываются с позиции провиденциализма: что предназначено Богом – то случится. Так, вневременной и внепространственный, сакральный статус Новой Англии К. Мэзер подчеркивает восклицанием: «Где бы ни существовала Новая Англия, она должна жить в Истории!» [7, р. 68]. Здесь Новая Англия выступает как идея, как образ, опорный смысл жизни верующих, вбирающий в себя реформаторское учение и исторические реалии.

Несмотря на кажущуюся фрагментарность, отрывочность этого монументального труда, общее впечатление о книге остается как о едином, имеющем свою внутреннюю логику, завершённую композиционную структуру и повествовательную красоту произведения.

Противоречия в самом пуританизме, пересмотр его ортодоксальных ценностей, секуляризация жизни во второй половине XVII – середине XVIII века, идейная борьба теологии и философии стали причиной существенной трансформации общества в Новой Англии. Одним из наиболее трагичных событий, вызвавших обострение социальных отношений, стал так называемый Салем-

ский процесс. Но К. Мэзер не прекращает борьбу за пропаганду в обществе своих религиозных убеждений. Богослову уже не принципиально, будет ли Новый Иерусалим воздвигнут на некогда благодатной почве Новой Англии или эта мечта воплотится где-то еще. Теперь его основная задача – сохранить славное имя отцов нового пуританизма, максимально описывая и идеализируя их вклад в жизнь современного ему общества. Как отмечает М. Коренева, «тенденция пуританских хронистов к отвлеченным философским и религиозным размышлениям и глобальным обобщениям превращала их записки в некое причудливое соединение исторической хроники и теологического трактата и наполняла их библейской метафорикой и усложненной риторикой. Однако эти особенности пуританской литературы нельзя рассматривать только как свидетельство ее ограниченности, замкнутости на схоластических штудиях и отрыва от реальной практики. Здесь несомненны подвижнические усилия совладать с расстилающимся перед европейцами варварским миром, освоить его с помощью выработанной ими понятийной системы. Отсюда – драматическая напряженность и мысли, и стиля новоанглийских хроник, не только не спадающая по мере распространения цивилизации на Американском континенте, а, наоборот, усиливающаяся к концу XVII в., возможно, из-за нарастающего противоречия между пуританскими идеалами и действительностью» [2, с. 141].

Логические и собственно художественные методы аргументации (*apodeixis*) в публицистической литературе играют важную роль, ведь от того, насколько доказательной будет текстуально или вербально оформленная мысль, зависит успех или неудача публициста. Публицистические сочинения К. Мэзера в основном можно разделить на три взаимозависимых темы: церковь, государство, наука. Следует отметить, что ввиду сложившихся общественных отношений в Новой Англии времен К. Мэзера, в частности, проповеди имели не только дидактический, но и декретный характер: многие из положений о социальном устройстве власти колонии использовали в своей административной деятельности. Но усилия К. Мэзера не могли сдерживать возрастающий напор секуляризма как в науке, так и искусстве и общественной жизни. В Новую Англию приходило время западного Просвещения.

Говоря о литературном наследии К. Мэзера, нельзя не упомянуть его поэтическое творчество и его критические заметки о поэзии. В целом, пуританская поэзия достаточно разнообразна: в ней можно встретить много тем, нетривиальный багаж художественных средств выразительности. Это подчас удивительно разнообразные по тематике и поэтике произведения, несмотря на очевидную тематическую (религиозную) направленность. В текстах К. Мэзера можно встретить рифмованное описание индейцев, кошек, луны, дикой природы, бурь, сельского хозяйства, садоводства и др. Пуританскому стихосложению в целом свойствен достаточно широкий жанровый диапазон, который включает в себя баллады, гимны, элегии, куплеты и прочие как оригинальные, так и переводные произведения античной и классической поэзии.

Отдельного анализа заслуживает тема пуританского юмора в литературном творчестве К. Мэзера. Юмор в самом широком смысле проявился в поэзии в виде каламбуров, анаграмм, сатирических памфлетов. Однако К. Мэзер, особенно в своих ранних стихах, предпочитал ограничивать свою поэтическую практику почти всегда утверждением религиозных истин, часто высмеивая и опровергая заблуждения неверующих или иноверцев.

К. Мэзер написал много стихов, но они не снискали большой популярности среди читателей. Его желание ограничить тематический диапазон своих поэтических произведений было связано не с отсутствием творческого потенциала и эстетического вкуса (он великолепно знал античную литературу, в частности, много цитировал Вергилия и использовал его образы, восхищался талантом А. Брэдстрит), а с опасением увлечься литературным творчеством, заместить внутренний мир религиозного созерцания миром художественных образов, что впоследствии, по его мнению, сможет привести к отходу от его роли слуги Бога и привлечению темных духов: «В библиотеке среди нас живут силы тьмы, из которых поэты – самые многочисленные и самые язвительные авторы... Сын мой, не прикасайся к этим жалким каракулям безумцев, не пробуй их, не обсуждай их, если не хочешь погибнуть от них... Мерзкие рапсодии, которые ты найдешь в этих книгах, заразят твой ум» [3, р. 686].

Внимания требуют также его отдельные высказывания о некоторых аспектах теории литературы. Например, рассуждения о понятии *поэтика* (в *Manuductio ad Ministerium*, 1726) демонстрируют не только глубокое знание литературы, но и хороший эстетический вкус К. Мэзера.

В сочинении, несмотря на предупреждения об опасности пропаганды языческого мировоззрения, он решительно рекомендует к прочтению знаменитую «Поэтику» Горация и часто отмечает красоту греческой и латинской поэзии (которую мог читать в оригинале). Далее он отмечает особенности поэтического дара Герберта и английского поэта Мильтона [15]. Несмотря на то что К. Мэзер писал много стихов и гимнов для прославления великого христианского прошлого Европы и еще более великого, по его убеждению, христианского будущего Новой земли, его собственный стих редко возвышается над посредственным.

Таким образом, в своих работах К. Мэзер, оставаясь в рамках строгой пуританской этики, склоняется к художественной гиперболизации описываемого. Его стремление совместить литературное творчество и стоящее за ним религиозное понимание сущности явлений природы и человеческих чувств несет в себе важное эстетическое объяснение его «массивного» стиля.

Апелляция к божественному авторитету стала постоянной чертой его сочинений. Насквозь идеализированный мир К. Мэзера – это безграничное поле действия провидения, выражение верховной воли Бога. Идея *избранности* выступает как мощное объединительное начало для пуританского сообщества.

Отличительной художественной особенностью К. Мэзера стало его мифотворчество («Деяния»), создание новой религиозно-исторической картины мира.

Стиль К. Мэзера предполагает наличие в его книгах множества аллюзий к библейским сюжетам, что и создает наряду с его вымышленными, исключительно личными домыслами особое индивидуальное пространство для эпической темы. Его педантизм и риторические приемы (игра слов и парадокс, частое повторение ключевых слов, метафоризация имен собственных) функционируют здесь не только для того, чтобы передать читателю эсхатологические положения пуританской парадигмы, но и для того, чтобы приспособить само понятие времени и хода истории к пуританской максиме, т.е. создать на базе христианской религии миф о Новом Иерусалиме в пределах Новой Англии.

Литературная деятельность К. Мэзера заложила наряду с некоторыми другими сочинениями пуритан Новой Англии основу для развития пуританской философии и литературы XVII в.

Список использованной литературы

1. Баталов, Э. Я. Русская идея и американская мечта / Э. Я. Баталов. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 384 с.
2. История литературы США: Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. Том I / редкол. Я. Н. Засурский [и др.]. – Изд. «Наследие». – М., 1997. – 830 с.
3. Mather, C. Magnalia Christi Americana: Or, The Ecclesiastical History of New New-England / C. Mather. – Vol. 1. New England, 1855. – 680 p.
4. Мишина, Л. А. Американская литература XVII века. Проблема стиля / Л. А. Мишина // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2014. – № 1. – С. 184–188.
5. Lovelace, R. F. The American Pietism of Cotton Mather: Origins of American Evangelicalism / R. F. Lovelace. – Grand Rapids, Mich.: American Univ. Press, 1979. – 350 p.
6. Miller, P. The New England Mind: the Seventeenth Century / P. Miller. – New York, – 1954. – P. 471/
7. The Cambridge history of American literature. Vol. I. 1590–1820. General Editor: Sacvan Bercovitch, Harvard University. – Cambridge Univ. Press, 1994. – 780 p.
8. Покровский, Н. Е. Ранняя американская философия. Пуританизм: учеб. пособие для гуманит. фак. ун-тов / Н. Е. Покровский – М.: Высш. шк., 1989. – 246 с.
9. Хомякова, О. Р. Теория литературы : содержание и форма как категории понимания : пособие / О. Р. Хомякова. – Минск: БГПУ, 2006. – 72 с.
10. Паррингтон, В. Л. Основные течения американской мысли / В. Л. Паррингтон. – М., 1962. – Т. 1–3.
11. Мишина, Л. А. Американская литература XVII–XVIII вв. Жанры. Взаимосвязи. Переводы / Л. А. Мишина. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 300 с.
12. Mather, C. «Of Poetry and Style», from *Manuductio ad Ministerium* in *The Puritans*, ed. Perry Miller and Thomas H. Johnson / C. Mather. – New York: Harper and Row, 1963. – P. 686.
13. American Literature, 1607–1885 Text. – Vol. I. – New York: Univ. Press of the Pacific, 1970. – 462 p.
14. Sources of the American Mind. A collection of documents and texts in American intellectual history. – Vol. 1. / Ed. by L. Buritz. – New York, 1966.
15. Images for myself: Cotton Mather in his diaries (1724) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.people.fas.harvard.edu/~bercovit/articles/Cotton_MWoEAL.pdf. – Date of access: 24.11.2013.

Поступила в редакцию 10.03.2015

ПРАВА

УДК 351/354

С. Г. ВАСИЛЕВИЧ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, e-mail: Sergey135vsch@gmail.com

Статья посвящена актуальным проблемам правового регулирования общественных отношений на современном этапе. Анализируются взгляды ученых относительно пределов правового регулирования общественных отношений, обращается внимание на существующие здесь недостатки. Высказываются идеи и предложения, направленные на повышение эффективности правовых средств в области государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, право, эффективность правовых норм.

S. G. VASILEVICH

LAW DEVELOPMENT TOPICAL PROBLEMS IN THE MODERN PERIOD

Belarusian State University, Minsk, Belarus, e-mail: Sergey135vsch@gmail.com

Article is devoted to actual problems of public relations legal regulation at the present period. Scientist analyzed views regarding the limits of public relations legal regulation, drew attention to the existing shortcomings here, expressed ideas and proposals aimed at improving the effectiveness of legal remedies in the field of public administration.

Keywords: public administration, law, effectiveness of legal norms.

Введение. Право в системе социальных норм остается важнейшим регулятором общественных отношений. В современных условиях в связи с последствиями мирового финансово-экономического кризиса возникает настоятельная потребность в осмыслении места и роли права и государства в преодолении негативных явлений в экономике, социальной сфере, искоренении коррупции и иных правонарушений. Анализ перспектив развития государства, осуществления им своих функций, законодательства должен способствовать развитию научных представлений в данной сфере, а также определению и решению практических задач, стоящих перед государством на данном этапе человеческой цивилизации. К сожалению, нормотворческая деятельность еще далека от совершенства, для нее характерно частое изменение и дополнение одних и тех же актов, противоречивость законодательства. Еще не сложилась практика оценки регулирующего воздействия на общественные отношения, отсутствует прогноз последствий принятия того или иного акта. Нет примеров ответственности разработчиков проектов, особенно когда по прошествии непродолжительного времени акты законодательства опять приходится корректировать. Это ослабляет доверие граждан к институтам власти, не позволяет им быть уверенными в стабильности правовых отношений и планировать свою деятельность. Эти и другие проблемы в сфере законодательства требуют поиска новых путей их решения. Различные толкования существуют относительно определения права на достойный уровень жизни. Важно выработать адекватный подход к его определению. Существенны вопросы о роли государства в разрешении социальных конфликтов, обеспечении стабильности, динамики социальных прав и др.

Основная часть. По состоянию на конец октября 2015 года в Республике Беларусь принято 126540 актов, из них 2452 закона, 344 декрета, 5426 указов, 16841 постановление Совета Мини-

стров. Активную нормотворческую деятельность осуществляют министерства, государственные комитеты, органы местного управления и самоуправления. Например, только Минский горисполком принял 4 197 решений.

Соответствие государства и права окружающему миру не достигается само по себе. Это процесс целенаправленных усилий по оптимальному воплощению стоящих перед ним задач, включая синхронизацию циклов развития государства, экономики, общества, права. Касаясь вопроса о развитии государства, полезно использовать позитивный зарубежный и национальный опыт развития, включая такие вопросы, как реализация приоритетов социальной политики, отражение социальной политики при утверждении и исполнении бюджета, включая вопросы труда, занятости, оплаты, государственной политики в сфере образования, науки, культуры.

Что касается задач государства в экономической сфере, то здесь основной акцент можно было сделать на пределах государственного регулирования отношений в данной сфере, влиянии интеграционных процессов на развитие экономики, правовом стимулировании предпринимательской деятельности, социальной ответственности бизнеса, экономической деятельности на уровне местного самоуправления, проблеме противодействия легализации (отмывания) незаконных доходов, экономической ответственности государства перед гражданами, субъектами хозяйствования в случае принятия необоснованных (незаконных) решений.

Актуальным остается аспект правоохранительной функции государства, включая вопросы оптимизации системы и полномочий органов, осуществляющих правоохранительную деятельность, определения критериев оценки эффективности их деятельности, координации деятельности органов государственной власти по предупреждению правонарушений, оптимизации юридической ответственности на современном этапе, обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь. Особая роль здесь принадлежит судам, осуществлению ими правосудия на основе конституционных принципов и норм, норм международных договоров, ставших обязательными для Республики Беларусь. Уже эти названные аспекты показывают огромную роль права в развитии общества: «Социальная ценность права заключается не только в его специфически юридических свойствах – нормативности, формальной определенности, общеобязательности, но и в том, что право выступает как комплекс юридически гарантированных возможностей свободного выбора решений и действий субъектов общественных отношений, как система закрепленных законом субъективных прав граждан и организаций, обеспечивающих их творческую самостоятельность» [1, с. 55].

Правовое регулирование имеет свои границы. Одним из самых сложных является вопрос о мере правового регулирования, о критериях с целью «определения объема и методов правового воздействия на общественные процессы, сознание и поведение людей» [2, с. 10]. В научной литературе отмечается, что правовую границу в самом общем виде можно охарактеризовать «как зону исключительного или смежного правового регулирования» [3, с. 9]. Важно точно определять границы «между правом и иными социальными регуляторами», «национальным и международным правом», «публичным и частным правом», что усиливает потребность в научном прогнозировании, применении «методов экстраполяции, программирования, моделирования, экспертных опросов», внедрения «показателей эффективности действия законов» [3, с. 9–13]. Наряду с недостаточностью правового регулирования в литературе совершенно справедливо указывается на недопустимость перегруженности законодательства, фиксации в нем правил, объективная потребность в закреплении которых отсутствует [4, с. 250]. Тема исключения избыточности правового регулирования постоянно затрагивается в публикациях маститых российских и белорусских ученых. Более того, как отметил доктор юридических наук В. Б. Исаков, излишества в праве вредны [5, с. 106]. Избыточность правового регулирования, его нестабильность, постоянная корректировка законодательства усиливают бюрократическую составляющую во взаимоотношениях государства, граждан, представителей бизнес-сообщества. Это влечет замедление экономического развития, увеличение затрат времени на преодоление бюрократических барьеров, подрывает доверие граждан к власти, формирует у них мнение о неэффективности государственного управления. Есть еще один важный аспект, который необходимо учитывать: излишества в сфере правового регулирования, запутанность актов законодательства, их множественность по одному и тому же вопросу, противоречивость способствуют коррупционным правонарушениям (преступлениям).

Конечно, новые вызовы общественного развития предполагают принятие новых актов законодательства, их обновление. На определенном этапе развития совершенствование правовой системы, ее нормативной составляющей необходимо, например, по вопросу внедрения информационных технологий, юридической регламентации (охраны и защиты) соматических прав, укрепления государственного суверенитета, функционирования межгосударственных образований, расширения сферы частного права и т. д. По образному сравнению Ю. А. Тихомирова, право в любом случае «соучастник» управления, ключевым является лишь вопрос, в какой роли? [6, с. 9]. Именно по этой причине мы не можем полностью согласиться с высказанным мнением о том, что при увеличении количества законов эффективность правового воздействия снижается [7, с. 106]. Республика Беларусь определена в Конституции как правовое государство. Это предполагает оптимизацию правового воздействия в области управления. Ведь граждане рассчитывают на хорошее управление, для которого характерно разумное (сбалансированное) сочетание права и иных социальных регуляторов.

По мнению С. С. Алексеева, право является функциональной системой и поэтому ее строение отражает те функции, которые осуществляются по отдельным направлениям правового регулирования [8, с. 51]. Полагаем, что важным фактором оптимизации правового регулирования является подготовка и утверждение на уровне Главы государства новой (современной) Концепции развития национального законодательства. Утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь [9] себя во многом исчерпала, на наш взгляд, она уже не отвечает новым требованиям времени. Тем более, что Концепция была рассчитана на 2001–2005 годы. Важно, чтобы новая Концепция отвечала духу времени, стала основой для нормотворческих органов, чтобы с ней сверяли направления нового этапа совершенствования законодательства. В Концепции следует более основательно предусмотреть внедрение в отраслевом законодательстве конституционных принципов и норм. Ориентация на принципы позволяет укрепить системные связи в рамках законодательства. Рациональной является высказанная Б. В. Дрейшевым еще в советский период идея о том, что создание отдельной нормы не является самоцелью. Важна не только связь этой нормы и результата ее действия, но и системы права и системы правовых отношений [10, с. 13]. На наш взгляд, в таком контексте можно утверждать о комплексном (системном) воздействии права на общественные отношения, т. е. необходимо, принимая отдельные акты, видеть весь спектр отношений и перспективу их развития.

Ведомственные акты составляют преобладающую часть национального законодательства. Это вполне допустимо, но важно, чтобы они точно воспроизводили нормы законодательных актов. Помощь в этом может оказать практика официального толкования законов, декретов, указов Президента Республики Беларусь. Не исключаем делегирования соответствующего права иным органам, однако аутентичное толкование должно обладать юридическим верховенством. Это же касается и тех случаев, когда Глава государства поручает Конституционному Суду дать толкование его декретов и указов. Указанное полномочие Конституционного Суда предусмотрено Декретом Главы государства от 28 июня 2008 г. № 14 «О дальнейшем совершенствовании деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь» [11].

Полезно было бы провести инвентаризацию действующих нормативных правовых актов, относящихся к отдельным отраслям, и в их рамках – касающихся отдельных институтов, наиболее важных сфер. В перспективе в целом необходимо провести чистку законодательства с целью избавления от множественности актов, особенно одного уровня, посвященных регулированию одной группы общественных отношений. Начинать такую работу можно было бы с составления в рамках министерств, государственных комитетов соответствующего перечня актов, последующего их анализа и замены укрупненными актами.

Как отмечает Л. С. Явич, реализация права является способом его бытия. Право ничто, если оно не реализуется в деятельности людей, их организаций [12, с. 201]. Для современного государственного управления характерно упорядочение административных процедур, широкое применение информационных технологий. Это способствует реализации права.

По справедливому замечанию Ю. А. Тихомирова, «для эффективного применения методов публично-правового регулирования важен комплексный подход. Именно согласованное

использование методов различных отраслей публичного права дает наибольшие социально-экономические результаты. С одной стороны, это обеспечивает их концентрацию применительно к тем или иным объектам воздействия, а с другой стороны, гибкое использование с учетом меняющихся ситуаций» [6, с. 91]. При этом он подчеркивает важнейшее значение сочетания конституционного права как нормативного ориентира и норм других отраслей права, правильного комбинирования норм разных отраслей при решении схожих вопросов, сочетания национального и международного права [6, с. 92].

В силу сохраняющихся проблем в сфере нормотворчества, полагаем, будет полезным больше внимания уделить совершенствованию организации этой работы. Необходимо научиться стратегическому и комплексному планированию. Многие субъекты, обладающие правом законодательной инициативы, пассивны, не вносят свои предложения в виде проектов, что могло бы создавать определенную разумную конкуренцию и тем самым содействовать улучшению содержания (качества) законов (законодательных актов). Полезно было бы на уровне закона закрепить правила о реализации нормотворческой инициативы. Сейчас лишь часть этого сегмента (вопросы, касающиеся права законодательной инициативы) решена в Законе Республики Беларусь «О Национальном собрании Республики Беларусь», регламентах палат Парламента.

Полезно сформировать банк идей граждан, в том числе ученых, по совершенствованию законодательства. Ведь сегодня защищается много диссертаций, однако высказанные в них идеи уходят, что называется, «в песок». Они редко берутся на учет структурами, занятыми нормотворческой деятельностью.

Проекты законов, поступающие в Парламент, необходимо направлять заинтересованным организациям, обеспечивая возможность для внесения предложений. Инициаторы проектов законов, иных нормативных актов могли бы предварительно «обкатывать» их, используя ИКТ с целью выяснения позиции специалистов в соответствующей области. В этой связи полезно было бы по образцу ряда государств ввести правило об обязательном рассмотрении в Парламенте тех общественных инициатив, которые соберут определенное число подписей в интернете. Похожая практика действует, например, в Великобритании. Нужно разработать порядок официальной регистрации тех, кто хочет стать участником такой системы. Практика размещения проектов законов в интернете пока еще слаба. Каждый может направить свое предложение или поправку. Такой механизм коллективного отбора оптимальных решений должен стать нормой на всех уровнях.

Депутаты (члены) Парламента, депутаты местных представительных органов, хотя бы областного и базового уровней, обязаны иметь собственные веб-страницы для общения со своими избирателями. Это обеспечит не только политическое участие избирателей в управлении страной, в формировании позиции членов Парламента (других своих представителей), но и повышении авторитета Парламента, депутатов в случае проведения позиции граждан. Надо сказать, что кандидаты на выборные должности вполне могут использовать интернет-технологии для повышения своего рейтинга и победы на выборах.

Яркий пример активного поведения граждан в интернете – обсуждение вопросов о смертной казни, о конфискации автомобилей за управление транспортом в нетрезвом состоянии.

Важен анализ правоприменительной практики, особенно судебной. Должна возрасти роль в этом Конституционного Суда. У него есть права в этой сфере. При осуществлении Конституционным Судом проверки конституционности закона в порядке предварительного или последующего контроля надо также проверять его на коррупциогенность.

Право должно способствовать созданию рациональной системы государственного контроля и надзора. В юридической литературе довольно часто анализируют понятия «контроль» и «надзор» с целью выявления между ними общего и особенного. Если не вдаваться в детали (из-за ограниченности объема статьи), то можно отметить, что для надзора превалирующим является акцентирование внимания на законности, для контроля – целесообразности (например, экономичности) и законности. Хотя, на наш взгляд, давно следует отойти от такой искусственной дифференциации контроля и надзора, имея в виду, что и контроль, и надзор призваны обеспечивать законность, т. е. верховенство закона в широком его понимании, на основе правовой разумности. Вряд ли надзорному органу следует ограничиваться формальной «сверкой», соблюден закон или

нет, необходимо оценивать и разумность правового регулирования. При его отсутствии инициировать внесение соответствующих изменений в акты законодательства. Это же касается и контролирующих органов: оценивая эффективность работы государственного органа или организации, следует изучать разумность правовых предписаний.

Показателен позитивный пример правовой регламентации статуса Конституционного Суда и практики его работы. Так, на Конституционный Суд возложена обязанность по осуществлению конституционного контроля. Белорусский ученый М. Ф. Чудаков, будучи одним из участников подготовки проекта Конституции 1994 года, задается вопросом, почему в ней на Конституционный Суд возложена эта обязанность, пытается найти ответ, подчеркивая, что деятельность по контролю «не в полной мере совпадает с тем, чем занимаются судебные органы», что суд должен реагировать на обращение заинтересованных лиц либо органов, а в своих предложениях доходит до того, чтобы преобразовать Конституционный Суд в Конституционный Совет по подобию таких советов во Франции и Казахстане [13, с. 230]. Однако следует иметь в виду, что Конституционный Суд по первоначальной редакции Конституции 1994 года обладал правом возбуждения производства по своей инициативе. Поэтому все положения Конституции, включая осуществление конституционного контроля, возбуждение производства по своему усмотрению, гармонизировали между собой. Сейчас Конституционный Суд этого права лишен. По крайней мере, в Конституции такой записи нет. Однако согласно части седьмой ст. 116 Конституции компетенция, организация и порядок деятельности Конституционного Суда определяются законом. Поэтому законом могут быть «развиты» полномочия Конституционного Суда по осуществлению контроля за конституционностью нормативных актов. Следует также иметь в виду, что после 1997 года Конституционный Суд, проверяя конституционность акта, также стремился сориентировать нормотворческие органы на принятие рациональных правовых решений. Анализ законодательных актов, среди которых можно назвать Кодекс о судостроительстве и статусе судей, Закон «О конституционном судопроизводстве», Декрет Президента от 26 июня 2008 г. № 14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь», Закон «О прокуратуре Республики Беларусь», Закон «О местном управлении и самоуправлении», регламенты палат Парламента и другие, позволяет сделать вывод, что, хотя и в более мягком виде, однако Конституционный Суд обладает контрольными полномочиями. Это реализуется как при вынесении решений по конкретным делам, так и при направлении посланий о состоянии конституционной законности.

Полезно внедрить оценку работы министерств не только по экономическим показателям, но и по эффективности реализации законодательных актов, по тому, как выстраивается правовая пирамида в соответствии с принятыми законодательными актами.

Совет Республики мог бы «отрабатывать» (готовить) рекомендательные акты для местных Советов депутатов по наиболее сложным сферам правового регулирования, которые были бы своего рода моделью для принятия ими своих решений, тем самым оказывали бы им помощь в реализации полномочий и обеспечивали единство при реализации законов. Естественно, важно при этом не посягать на закрепленные в Конституции и законах правомочия органов местного самоуправления.

Оптимальности правового регулирования может способствовать процесс дальнейшей кодификации законодательства. Например, в силу огромного числа нормативных правовых актов, регулирующих деятельность органов исполнительной власти, а также необходимости ее упорядочения, повышения эффективности, обеспечения экономности правового регулирования предлагаем разработать и принять Административный (управленческий) кодекс Республики Беларусь. В Административном кодексе Республики Беларусь можно определить порядок принятия и реализации управленческих актов, рассмотрения обращений граждан и юридических лиц и др. Основная цель Кодекса – обеспечение соблюдения органами исполнительной власти как республиканского, так и местного уровня прав и свобод человека, публичных интересов и верховенства закона. В указанном Кодексе следует закрепить принципы деятельности органов исполнительной власти и раскрыть содержание этих принципов. Особое внимание в нем следует уделить беспристрастному разрешению дел, обеспечению пропорциональности публичных и частных интересов, гласности.

В условиях нестабильного мирового порядка к национальному государству предъявляются новые требования. Все большую поддержку получает концепция «сильного государства», основными признаками которого являются «наличие сильной государственной власти, оппозиции, стабильно развивающихся политических институтов, заметная политическая активность населения, наличие функционирующих институтов общественного администрирования» [14, с. 101]. Для такого государства характерно управление «политической системой и экономикой на принципах легальности и легитимности» [14, с. 101], способность отстаивать свой суверенитет и безопасность. При этом, полагаем, что право должно и далее играть свою позитивную, созидательную роль. На это должны быть направлены усилия специалистов в области нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Список использованной литературы

1. Тихомиров, Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2010. – 400 с.
2. Методология поиска (выбора) оптимальных правовых решений: материалы науч. семинара. – Вып. 1–2. – М.: Науч. эксперт, 2012. – 248 с.
3. Границы правового регулирования: науч.-практ. пособие /отв. ред. И. В. Плюгина, Е. В. Черепанова; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М.: Юриспруденция, 2011. – 184 с.
4. Лексин, И. В. Территориальное устройство России: конституционно-правовые проблемы / И. В. Лексин. – М.: Ленанд, 2014. – 432 с.
5. Исаков, В. Б. Сверх меры – вредно / В. Б. Исаков // Методология поиска (выбора) оптимальных правовых решений: материалы науч. семинара. – Вып. 1–2. – М.: Науч. эксперт, 2012. – 248 с.
6. Тихомиров, Ю. А. Управление на основе права / Ю. А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2007. – 485 с.
7. Глигич-Золотарева, М. В. Метаморфозы правового регулирования / М. В. Глигич-Золотарева // Методология поиска (выбора) оптимальных правовых решений: материалы науч. семинара. – Вып. 1–2. – М.: Науч. эксперт, 2012. – 248 с.
8. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1975. – 258 с.
9. О концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 46. – 1/3636.
10. Дрейшев, Б. В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении / Б. В. Дрейшев. – Ленингр. Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 176 с.
11. О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь: Декрет Президента Респ. Беларусь, 26 июня 2008 г., № 14 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 158. – 1/9829.
12. Явич, Л. С. Общая теория права / Л. С. Явич. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 286 с.
13. Чудаков, М. Ф. Конституционный контроль или конституционное правосудие? / М. Ф. Чудаков // Конституционный контроль: современные тенденции развития и совершенствования: материалы Междунар. конф., посвящ. 20-летию Конституционного Суда Респ. Беларусь (Минск, 27–28 июня 2014 г.); Конституционный Суд Респ. Беларусь; редкол.: О. Г. Сергеева [и др.]. – Минск: Белорус. Дом печати, 2014. – 256 с.
14. Безкоровайная, Ю. Е. Кризис легальности и легитимности государственной власти в контексте формирования «сильного государства» / Ю. Е. Безкоровайная // Государство и право. – 2011. – № 7. – С. 101–103.

Поступила в редакцию 24.11.2015

УДК 342(476)

В. Б. ЕВДОКИМОВ, Т. А. ТУХВАТУЛЛИН

ПРАВО НА ОТКАЗ ОТ ПОСМЕРТНОЙ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ (КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ)

*Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация, e-mail: vevdokimov@list.ru, timurthn@mail.ru*

Рассматривается проблема отсутствия в Российской Федерации конституционно-правового механизма реализации права человека на отказ от изъятия органов для трансплантации. С целью реализации этого права авторами предлагается закрепить возможность фиксации отказа от изъятия органов после смерти путем его отражения на официальном сайте Минздрава России.

Ключевые слова: права человека и гражданина, конституционно-правовой статус человека, прижизненное волеизъявление, презумпция согласия на изъятие органов, трансплантация органов и тканей человека.

V. I. EVDOKIMOV, T. A. TUHVATULLIN

RIGHTS TO REFUSE FROM THE POSTHUMOUSLY HUMAN ORGANS AND TISSUES TRANSPLANTATION IN RUSSIA (CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROBLEMS)

*Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: vevdokimov@list.ru, timurthn@mail.ru*

Authors elucidate in the article the problem of the constitutional and legal mechanism absence for the implementation of human rights to refuse from the removal of organs for transplantation in the Russian Federation. In order to implement this right, the authors propose to consolidate abilities to lock out of the removal of organs after death by its reflection on the official website of the Russian Ministry of Health.

Keywords: human and civil rights, constitutional and legal status of a person, in vivo expression of the will, presumption of consent to the removal of organs, transplantation of human organs and tissues.

Введение. Современная отечественная и зарубежная медицина сталкивается с большим количеством пациентов, страдающих серьезными болезнями внутренних органов, при которых применение общеизвестных способов лечения не позволяет полностью излечиться от них, а лишь временно стабилизировать состояние больных. При определенных заболеваниях решением проблемы может стать только трансплантация (пересадка) органов или тканей от другого человека.

Основная часть. В России зачастую, как и в других странах, источником получения донорских органов являются умершие, как правило, погибшие в результате несчастного случая, у которых констатирована смерть головного мозга [7]. Донорские органы удаляются из организма умершего в процессе сложного хирургического вмешательства, подразумевающего получение максимально возможного числа трупных органов, пригодных для пересадки ожидающим трансплантации пациентам (мультиорганное изъятие) [4].

Необходимо отметить, что на международном уровне до настоящего времени не принято единого императивного акта, оптимально регулирующего вопросы трансплантации органов и тканей человека. Вместе с тем весьма важным на международном уровне документом являются Руководящие принципы Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов [9]. В соответствии с пунктом 4 Преамбулы к ним их целью является предоставление упорядоченной, приемлемой структурной основы для процедур приобретения и трансплантации человеческих клеток, тканей и органов в лечебных целях с со-

блюдением этических принципов. Пути реализации Руководящих принципов (их одиннадцать) будут определяться правовой системой каждой страны, т.е. национальным законодательством. В качестве краеугольного, руководящего принципа, на наш взгляд, является то, что «для проведения трансплантации клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тел умерших в случае, если: (а) получено согласие в форме, требуемой законом, и (b) нет оснований полагать, что умершее лицо возражало против изъятия органа».

Закрепление формы такого согласия и процедуры его получения отнесены к прерогативе национального законодателя. В зависимости от культурных, медицинских и социальных традиций страны согласие на получение органов и тканей от умерших может быть «четко выраженным» («презумпция несогласия») или «предполагаемым» («презумпция согласия»). В обоих случаях любое достоверное доказательство неприятия человеком посмертного изъятия его клеток, тканей или органов должно исключать такое изъятие. Следует также отметить, что в мировой юридической и медицинской практике для обозначения «презумпции несогласия» используется термин «opting in» (сокр. – «opt-in»), «презумпции согласия» – «opting out» («opt-out»).

В системе «презумпция несогласия» клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тела умершего только в случае его прижизненного недвусмысленного заявления о согласии на такое изъятие. В зависимости от существующего в стране закона изъятие согласия допускается в устной форме или может быть зафиксировано в карте донора, водительском удостоверении или удостоверении личности либо в медицинской карте или в реестре доноров. Названный принцип согласия действует в Австралии, Великобритании, Канаде, Корее, Новой Зеландии, Румынии, Японии и ряде других государств. Так, частью 3 раздела 1 Акта о человеческих тканях, действующего в Великобритании с 2004 года, установлена детализированная форма получения должного согласия на любое обращение с тканями и органами человека [10]. В случае, если умерший при жизни не оставил ни положительного, ни четко выраженного отрицательного отношения к изъятию своих органов, разрешение должно быть получено от специально уполномоченного в законодательном порядке лица, каковым обычно является один из членов семьи.

При «презумпции согласия» допустимо изъятие материала из тела умершего для трансплантации в случае, если умерший при жизни не выразил своего возражения против изъятия органов, которое должно быть зафиксировано документально, или если информированная сторона не поставит лечебное учреждение в известность о высказанном умершим при жизни мнении о возражении против изъятия его органов для трансплантации. К примеру, согласно статье L1232 Кодекса здравоохранения Французской Республики изъятие органов может быть осуществлено в том случае, если умерший в течение жизни не выразил любым способом свой отказ от такого изъятия, включенный в соответствующий национальный регистр. В том случае, если врачу прямо неизвестно о воле умершего, он должен попытаться выяснить у родственников покойного, выражал ли последний при жизни вышеупомянутое несогласие. Аналогичные нормы действуют в Австрии, Бельгии, Израиле, Испании, Кипре, Словакии, Хорватии и ряде других государств [10].

В российском законодательстве права граждан в рассматриваемой сфере закреплены в Конституции Российской Федерации, федеральных законах и иных нормативных правовых актах. Согласно Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (статья 20; каждый имеет право на жизнь и право на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 20, часть 1; статья 41, часть 1).

К числу неотъемлемых прав человека относится и закрепленное в статье 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации право на личную неприкосновенность, исключаящее незаконное воздействие на человека как в физическом, так и в психическом смысле, причем понятием «физическая неприкосновенность» охватывается не только прижизненный период существования человеческого организма, но и создаются необходимые предпосылки для правовой охраны тела умершего человека. В равной мере это относится и к праву на охрану достоинства личности (статья 21, часть 1 Конституции Российской Федерации), а также к производному от названных конституционных прав праву человека на достойное отношение к его телу после смерти.

Непосредственно вопросы трансплантации урегулированы Законом Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [2], в соответствии с которым в нашей стране закреплена презумпция согласия (статья 8). Названной нормой установлено, что изъятие органов из тела умершего не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие органов после смерти для трансплантации реципиенту.

В то же время указанный Закон не обязывает медицинских работников спрашивать разрешение родственников на изъятие органов из тела умершего в момент смерти близкого им человека. Видимо, разработчики закона, учитывая существовавшие в 1992 году социально-экономические и морально-этические реалии в стране, сочли целесообразным использовать принцип «неиспрошенного согласия», отнесенный к основополагающим принципам трансплантации человеческих органов 44-й сессией Всемирной организации здравоохранения, состоявшейся в 1991 году [3].

Важным аспектом в рассматриваемой проблематике является фактическая возможность реализации гражданами Российской Федерации конституционного права на выражение, фиксацию и доведение до учреждений здравоохранения своего прижизненного волеизъявления о несогласии на изъятие у них органов и (или) тканей после их смерти.

По данному вопросу Конституционный Суд Российской Федерации [6] в вынесенном 4 декабря 2003 года Определении указал, что российское законодательство не препятствует гражданам зафиксировать в той или иной форме (в том числе нотариальной) и довести до сведения учреждения здравоохранения свое несогласие на изъятие у них органов и (или) тканей после смерти в целях трансплантации, причем нарушение соответствующего волеизъявления влечет наступление юридической ответственности.

Вместе с тем в нашей стране в ходе реализации прокурорских полномочий выявлено отсутствие правового механизма реализации гражданином права (волеизъявления) на отказ (высказывание несогласия) от изъятия у него и (или) его родственников органов и (или) тканей. Закрепленное на конституционном и законодательном уровне право гражданина Российской Федерации на отказ от изъятия у него органов и (или) тканей в настоящее время фактически не может быть реализовано.

Для этого, на наш взгляд, имеется несколько причин. Во-первых, в масштабах всего государства до сих пор не определен порядок такого волеизъявления граждан. Во-вторых, не установлен уполномоченный на федеральном уровне государственный орган, который осуществлял бы единый порядок учета мнения граждан всего государства на изъятие у них, их родственников органов и (или) тканей после их смерти.

С целью реализации закрепленного на конституционном и законодательном уровнях этого права нами предлагается на федеральном уровне, к примеру, на уровне Минздрава России, создать и ввести Единый общероссийский государственный реестр волеизъявления граждан Российской Федерации, высказавшихся против изъятия у них органов и (или) тканей.

Доступ граждан Российской Федерации для выражения своего мнения по поводу изъятия у них органов и (или) тканей к данному информационному ресурсу предлагается обеспечить посредством заполнения соответствующей анкеты через «личный кабинет» на официальном сайте Министерства. Возможность получения сведений о волеизъявлении того или иного гражданина Российской Федерации обеспечить только лечебным учреждениям, уполномоченным проводить операции по изъятию и трансплантации органов и (или) тканей человека.

Необходимость формирования такого реестра на общероссийском уровне, на наш взгляд, очевидна, поскольку человек может скончаться и в последующем оперироваться с целью изъятия органов в лечебном учреждении любого субъекта Российской Федерации.

Одновременно предлагается разработать и внедрить Порядок ведения такого Реестра, включающий процедуру обращения лечебных учреждений, намеревающихся осуществить изъятие органов и (или) тканей из тела умершего, к содержащимся в этом реестре сведениям, хранения и дальнейшего использования полученных конфиденциальных сведений. Предложенное нами нововведение следует закрепить на законодательном уровне, например, в положениях Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

Следует отметить, что в настоящее время в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации рассматривается законопроект № 763514-6 (принят в первом чтении 19.05.2015 г.), в соответствии с которым предлагается внесение изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в части:

- определения медицинской деятельности, связанной с донорством органов человека в целях трансплантации (пересадки), которая предусматривает медицинское обследование донора, обеспечение сохранности донорских органов до их изъятия у донора, изъятие донорских органов, хранение и транспортировку донорских органов;

- наделения федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья полномочиями по организации деятельности, связанной с донорством органов человека в целях трансплантации (пересадки), в медицинских организациях, подведомственных соответствующим органам государственной власти;

- предоставления Правительству Российской Федерации полномочия по установлению порядка использования специализированной информационной системы для учета донорских органов человека, доноров органов, пациентов (реципиентов), а также волеизъявлений совершеннолетних дееспособных граждан о согласии или несогласии на изъятие их органов после смерти в целях трансплантации (пересадки);

- определения источников и порядка финансового обеспечения медицинской деятельности, связанной с донорством органов человека в целях трансплантации (бюджетные ассигнования федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации) [5].

Представляется, что высказанные предложения позволят реализовать любым гражданином Российской Федерации его конституционное право на отказ от изъятия у него органов и (или) тканей после смерти для последующей трансплантации их другому лицу.

В целом с учетом развития трансплантологии в мире и России, а также изменения российского законодательства, в том числе в сфере здравоохранения, Минздравом России разработан также проект нового Федерального закона «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации (пересадке)» (далее – Законопроект). Как заявили представители ведомства, законопроект предполагает, что каждый гражданин сможет оставить письменное волеизъявление об отказе или согласии на посмертное донорство органов в любом лечебно-профилактическом учреждении. Эти сведения будут внесены в единый регистр потенциальных доноров [1]. Без сомнения, необходимость в новом законе о трансплантации назрела давно. Институту трансплантологии требуется современный, детально регламентирующий все стороны данной процедуры, законодательный акт, в дальнейшем развитый в подзаконных актах как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Важно отметить, что оставление на нынешнем уровне законодательного регулирования вопроса отказа гражданина Российской Федерации от изъятия у него органов после смерти для трансплантации в дальнейшем может привести к принятию Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) многочисленных решений не в пользу Российской Федерации. Прецедентом в данном случае послужит Постановление ЕСПЧ от 24 июня 2014 года по делу «Петрова против Латвии» (*Petrova v. Latvia*, жалоба № 4605/05). ЕСПЧ констатировал нарушение Латвийской Республикой статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной 4 ноября 1950 года в г. Риме [8], гарантирующей, в частности, право на уважение личной жизни, в связи с тем, что у заявительницы не спросили, согласна ли она на изъятие для трансплантации почек и селезенки ее сына, скончавшегося от травм, полученных в результате ДТП, и не выразившего прижизненно свою волю по вопросу об изъятии его органов в случае смерти, несмотря на то, что латвийское законодательство, устанавливая презумпцию согласия на это, дает близким родственникам умершего право возражать против изъятия органов.

Заключение. Подводя некоторые итоги исследования, следует отметить, что поднятый в настоящей статье вопрос обнажает достаточно серьезную проблему конституционно-правового характера, связанную с фактической невозможностью реализации гражданином Российской Федерации права на отказ от изъятия его органов после смерти для последующей трансплан-

тации ввиду отсутствия необходимого для этого правового механизма. В результате невозможность реализации права на отказ от изъятия органов после смерти для трансплантации влечет ограничение конституционно-правового статуса человека и гражданина, который в силу статьи 2 Конституции Российской Федерации является высшей ценностью. Согласно статье 2 и части 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина *не устанавливаются* законодателем, а *должны признаваться* (а также гарантироваться, соблюдаться и защищаться) государством как уже существующие.

Список использованной литературы

1. Минздрав представил новый законопроект о донорстве органов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://medvestnik.ru/news/minzdrav_predstavil_novyy_zakonoproekt_o_donorstve_organov/.
2. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 2. – Ст. 62.
3. Галибин, О. В., Беляева, И. Г. Трансплантация органов: этические и юридические аспекты / О. В. Галибин, И. Г. Беляева // Качественная клиническая практика. – 2006. – № 2.
4. Евдокимов, В. Б., Тухватуллин, Т. А. Конституционно-правовые проблемы реализации права человека на отказ от трансплантации его органов и тканей / В. Б. Евдокимов, Т. А. Тухватуллин // Право и образование. – 2013. – № 9.
5. Из пояснительной записки к законопроекту [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=763514-6&02>.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.12.2003 г. № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Вестн. Конституционного Суда Рос. Федерации. – 2004. – № 3.
7. Приказ Минздрава России от 20.12.2001 г. № 460 «Об утверждении Инструкции по констатации смерти человека на основании диагноза смерти мозга», который действует до 01.01.2016 г. – момента вступления в силу нового приказа Минздрава России от 25.12.2014 г. № 908н «О Порядке установления диагноза смерти мозга человека» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 14.05.2015.
8. Российская Федерация ратифицировала указанную Конвенцию Федеральным законом от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
9. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов содержатся в документе EB123/5, принятые на 123-й сессии Исполнительного комитета ВОЗ 26.05.2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.transpl.ru/law.
10. Салагай, О. О. Трансплантация органов и тканей человека в международно-правовом и сравнительно-правовом аспектах / О. О. Салагай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_9297.html.
11. Сергеев, Ю. Д., Поспелова, С. И. Современное состояние и проблемы правового регулирования донорства и трансплантации органов и тканей человека / Ю. Д. Сергеев, С. И. Поспелова // Медицинское право. – 2013. – № 1.

Поступила в редакцию 24.11.2015

ЭКАНОМІКА

УДК 338.22(476)

А. С. ПОПКОВА

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В СФЕРУ УСЛУГ Г. МИНСКА ЧЕРЕЗ МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: lev sann@ tut. by

Исследуются инвестиции в сфере услуг г. Минска. Проведенный анализ показал, что основными источниками инвестиций для многих секторов сферы услуг являются бюджетные ресурсы. Автором разработаны предложения по привлечению частных инвестиций через механизм государственно-частного партнерства (ГЧП). Развитие г. Минска как центра полноформатных услуг предполагает создание полифункциональных зон: сети национальной многоканальной дистрибуции, центров ИТ-услуг, зон инновационного развития, кольца транспортно-логистических центров, туристско-рекреационных зон и др. Определены перспективные формы ГЧП для различных видов услуг. Эффективным механизмом взаимодействия государственного и частного секторов экономики является концессия, что позволяет оптимально распределить риски между участниками проекта и сохранить рычаги управления собственностью. Рекомендовано реализовать по схеме ГЧП проект «электронного правительства». В сфере жилищно-коммунального хозяйства эффективно проведение энергосберегающих мероприятий с использованием энергосервисных контрактов. Разработаны перспективные схемы ГЧП для успешного оказания услуг транспорта, образования, здравоохранения и др. Выявлены условия для успешной реализации проектов ГЧП в Беларуси.

Ключевые слова: инвестиции, услуги, государственно-частное партнерство, концессия, транспортно-логистические центры, зоны инновационного развития, бюджетные ресурсы.

A. S. POPKOVA

INTAKE OF INVESTMENTS INTO THE CITY OF MINSK SERVICE SPHERE BY MEANS OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP

Institute of Economics of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus, e-mail: lev sann@ tut. by

Author of the article investigates investments in the service sphere of Minsk. Conducted analyzes has shown that main sources of investments for many sectors of the service sphere are the budget resources.

Author has developed proposals to intake private investments through the mechanism of the state-private partnership. The city of Minsk development as a center of the full-scale services needs the creation the multifunctional zones such as the net of the national multichannel distribution, IT centers, innovative development zones, the ring of the transport and logistic centers, touristic and recreational zones and others. Author defines the perspective forms of the state-private partnership for different kinds of services. Effective mechanism of interaction between state and private economic sectors appears concession permitting the optimal risk allocation between the participants of the project as well as to maintain levers of the property management. Author gives recommendations to realize through the State and Private (SP)-scheme the project of the “electronic government”. In the sphere of housing it could be effective the conduction of the power-efficient undertakings using the power service contracts. There are perspective schemes of the state-private partnerships developed to the successful rendering of services for transport, education, health protection etc. Author has developed requirements for the successful realization of the SP-projects in Belarus.

Keywords: investments, services, state-private partnership, concession, transport and logistic centers, zones of the innovative development, budget resources.

Повышение доли услуг в ВВП характерно для развитых стран и свидетельствует о переходе страны в постиндустриальную стадию развития. На современном этапе развития экономики именно сфера услуг может стать драйвером экономического роста и мощным стимулом для привлечения

иностранных инвестиций. Мировой опыт показывает, какую важную роль могут играть услуги в процессе вовлечения страны в глобальную экономику и международное разделение труда. Индия стала признанным лидером в области офшорного программирования и информационных услуг, Дубай превратился в туристический и растущий финансовый центр, Сингапур расширяет сеть клиник для обслуживания пациентов из всех стран Азии. В большинстве стран происходили сокращения занятости в промышленности и значительный рост рабочих мест в сфере услуг, оказавшийся наибольшим в Великобритании и США. В развитых странах в сфере услуг в настоящее время сосредоточено в среднем 62 % всего экономически активного населения [1]. Сфера услуг имеет большое значение для эффективного функционирования не только стран, но и отдельных городов. Благодаря развитию сферы услуг через механизмы государственно-частного партнерства (ГЧП) Санкт-Петербург стал лидером рейтинга российских регионов ГЧП-2014 по объему привлеченных частных инвестиций. Сфера услуг г. Минска также нуждается в привлечении инвестиций и внедрении новых схем взаимодействия государственного и частного партнеров.

По состоянию на 1 июля 2014 г. из 48813 действующих организаций г. Минска в сфере услуг осуществляли свою деятельность 39529 организаций, или 81 % от общего количества. Основное количество предприятий сферы услуг приходится на организации торговли, ремонта автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования (40,5 %) и операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление услуг потребителям (18,7 %). Больше всего работников сферы услуг занято в таких видах деятельности, как торговля, ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования (39,4 %), операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям (24,7 %), транспорт и связь (20,5 %). Эти же виды деятельности генерируют наибольший объем производства услуг: торговля, ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования (37 %), транспорт и связь (26,8 %), операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям (22,9 %).

В 2010–2011 гг. в сфере услуг наблюдались высокие темпы роста инвестиций в основной капитал (112,1 %, 128,2 %), однако в 2012–2013 гг. произошло замедление инвестиционных процессов, что было обусловлено кризисными явлениями в макроэкономической сфере (рис. 1).

В 2013 г. только у 3 из 9 рассматриваемых видов экономической деятельности наблюдается снижение темпов роста инвестиций в сопоставимых ценах: в сфере торговли, ремонта автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования (86,8 %), транспорта и связи (72,2 %), финансовой деятельности (77,4 %). На протяжении исследуемого периода наибольшие темпы роста инвестиций зафиксированы по виду экономической деятельности «государственное управление» (163,5 %). До 2013 г. наблюдался активный прирост инвестиций в секторе «гостиницы и рестораны», что было связано с чемпионатом мира по хоккею, рядом других мероприятий и обусловлено развитием г. Минска как активного туристического центра.

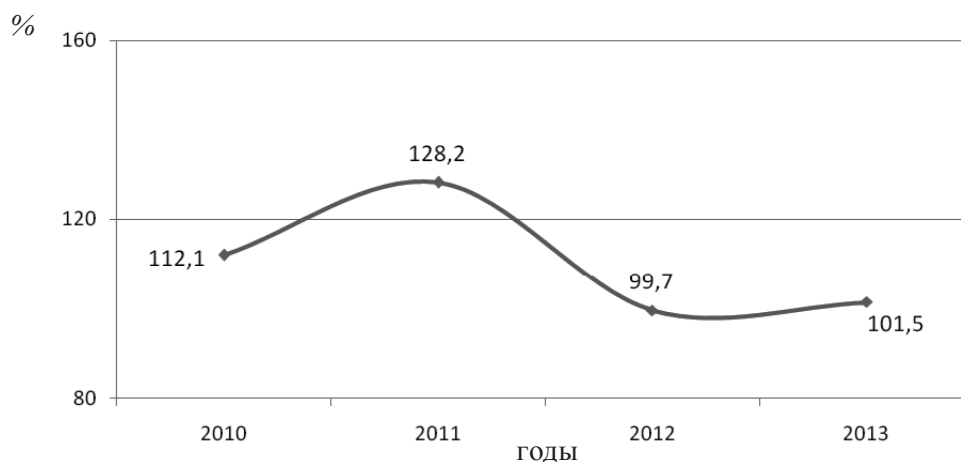

Рис. 1. Темпы роста инвестиций в основной капитал для сферы услуг в 2010–2013 гг., %

В технологической структуре инвестиций в основной капитал г. Минска в большинстве секторов услуг наибольший удельный вес занимают затраты на строительно-монтажные работы, за исключением транспорта и связи, где высокий удельный вес транспортных средств, финансовой деятельности и здравоохранения, у которых важным компонентом инвестиций являются машины и оборудование. За период 2011–2013 гг. наблюдается устойчивая тенденция увеличения доли затрат на строительно-монтажные работы (с 52,9 % в 2011 г. до 61,9 % в 2013 г.) и снижения удельного веса расходов на приобретение машин, оборудования и транспортных средств (с 37,5 % в 2011 г. до 28,7 % в 2013 г.).

Если рассмотреть структуру источников финансирования сферы услуг за период 2011–2013 гг., то можно отметить сокращение доли иностранных инвестиций и рост бюджетного финансирования. Доля средств республиканского и местных бюджетов увеличилась за анализируемый период с 18,3 % в 2011 г. до 29,1 % в 2013 г. (рис. 2).

Проведенный анализ инвестиций в сферу услуг показал, что основными источниками инвестиций в сферу услуг для многих секторов являются бюджетные ресурсы (доминируют в структуре финансирования таких видов деятельности, как государственное управление, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг). В то же время мировой опыт свидетельствует, что в сфере услуг существуют большие возможности для привлечения частных инвестиций и развития механизмов ГЧП, при котором достигается эффект синергии за счет интеграции капиталов государства и бизнес-структур для реализации социально значимых проектов, сокращаются бюджетные расходы при росте общего объема инвестирования, осуществляется распределение рисков между партнерами. Более высокое качество управленческих решений обеспечивается за счет сочетания практического опыта представителей бизнеса и властных полномочий органов управления.

Важным аспектом является создание условий для развития государственно-частной интеграции капиталов и выбор формы ГЧП, наиболее приемлемой для того или иного вида услуг и максимально учитывающей интересы государственного и частного операторов. Выбор формы ГЧП зависит от типа проекта (социальный или коммерческий), требуемого объема денежных средств, целей развития объекта и т.д. В мировой практике получили распространение различные формы и механизмы ГЧП : сервисные контракты, аренда, совместные предприятия, концессионные соглашения, управляющие контракты (договор управления, договор доверительного управления и др.). Сервисные контракты предполагают договор на проведение определенного вида работ или оказание услуг, заключаемый между органами власти и частными организациями. При реализации крупных проектов могут привлекаться банковские кредиты под гарантии местных органов власти. В основном такие контракты заключаются в коммунальной сфере. Согласно управляющим

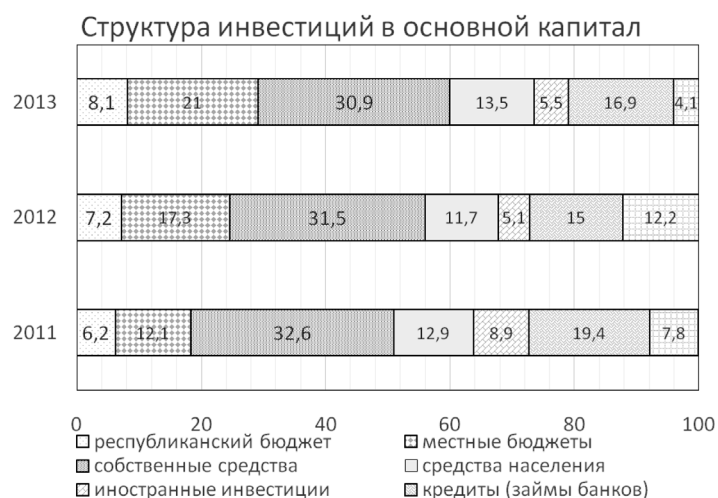

Рис. 2. Структура инвестиций в основной капитал организаций сферы услуг по источникам финансирования за 2011–2013 гг., %

контрактам государственное имущество передается управляющей организации, которая обязуется осуществлять управляющие функции за определенное вознаграждение с проведением модернизации на заранее оговоренных условиях либо за вознаграждение на стимулирующей основе, когда сумма зависит от уровня обслуживания объекта или качества выполнения поставленных задач [2]. Широкое распространение как механизм ГЧП получила аренда, когда арендатор осуществляет эксплуатацию и содержание основных производственных фондов, в то время как функции модернизации и развития имущества остаются за собственником и не передаются арендатору. При концессионном соглашении государство в рамках партнерских соглашений, оставаясь полноправным собственником имущества, уполномочивает частного партнера выполнять в течение определенного срока оговариваемые в соглашении функции (обычный срок концессии – от 10 до 30 лет). Важным содержательным моментом концессии является принятие концессионером на себя финансовых обязательств по осуществлению инвестиций в объекты [4, с. 19].

Развитие г. Минска как центра полноформатных услуг предполагает создание полифункциональных зон, в основе которых лежит формирование:

- *сети национальной многоканальной дистрибуции* (развитие услуг в торговой и финансовой сфере с использованием дистанционного обслуживания); инвесторами в данной сфере могут выступать производители соответствующего торгового оборудования, а также передовых финансовых технологий;
- *центров ИТ-услуг*, где инвесторами могут выступать ведущие зарубежные компании; возможно формирование софтверного кластера, включающего в себя создание ИТ-академии, филиалов транснациональных компаний, компьютерных фирм, высокотехнологичных парков и сопутствующих производителей товаров и услуг и др.;
- *зон инновационного развития*; данные зоны будут способствовать развитию услуг в сфере научных исследований и разработок, а также росту поступлений от экспорта по статье «роялти и лицензионные платежи»;
- *кольца транспортно-логистических центров* (с целью развития транспортно-логистических услуг); потенциальные инвесторы – банки, фонды, транспортные и лизинговые компании, зарубежные институты развития и др.;
- *туристско-рекреационных зон*; развитие сферы туризма не только позволит сократить отрицательное внешнеторговое сальдо по статье «поездки», но и развивать сопутствующие услуги (общепит, сфера развлечений, торговля, гостиницы) и др. Следует уделить внимание событийному туризму;
- *медицинских, спортивных и образовательных центров* не только национального, но в перспективе и международного уровня.

Здесь обозначены точки экономического роста с большим потенциалом, которые могут стать не только источниками привлечения инвестиций, но и генерировать конкурентные преимущества, оказать мультипликативный эффект для других секторов экономики столицы. Но для запуска эффективных инвестиционных проектов в условиях дефицита бюджетных ресурсов целесообразно создать условия для реализации перспективных схем ГЧП.

Для сферы услуг г. Минска можно предложить следующие схемы ГЧП:

Транспорт и связь.

Привлечение частного бизнеса может быть осуществлено с использованием новых механизмов ГЧП на основе следующих контрактов: 1) контракты на управление и содержание; 2) контракты на проектирование, строительство и эксплуатацию; 3) контракты на строительство и эксплуатацию; 4) контракты на строительство, эксплуатацию и обслуживание систем мониторинга и управления движением и др.

В Беларуси в транспортной сфере наиболее приемлемой формой является концессия, что позволяет эффективно распределить риски между участниками проекта и сохранить рычаги управления собственностью. При этом следует отметить, что в ряде контрактов для стимулирования инвестиций в низкорентабельные сектора (например, пассажирские перевозки) при ограничении тарифов на транспортные услуги предусматривается субсидирование государством возмещения инвестиционных затрат частного партнера. Формирование новых маршрутов и изменение действующих транзитных направлений могут происходить при участии инвестора с обоснованием их социальной и коммерческой эффективности. Инвестору в дополнение к финансированию строи-

тельства дороги также может быть предоставлено право на использование придорожной полосы для создания транспортно-логистических центров, кафе, стоянок, гостиниц, развлекательных комплексов. Такие соглашения дают инвестору конкурентное преимущество, так как контракт на развитие придорожной территории позволит быстрее окупить затраты на развитие инфраструктуры. Такие условия станут гарантией для инвесторов и послужат основой для привлечения на белорусский рынок квалифицированных международных пассажирских операторов. Эффективность инфраструктурных проектов увеличится, если различные формы ГЧП будут включены в долгосрочные и среднесрочные программы социально-экономического развития Беларуси.

Финансовая деятельность.

Должна иметь место активизация деятельности частных страховых и управляющих компаний и других финансовых структур, имеющих опыт работы с потребителями на конкурентных рынках, в секторах обязательного социального страхования и государственного пенсионного обеспечения.

Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям.

В данном разделе считаем целесообразным особое внимание уделить сектору «научные исследования и разработки». Здесь возможно создание с привлечением государственного и частного капиталов наукоградов, кластеров, венчурных и инновационных фондов.

Для развития высокотехнологичного сектора в экономике, ускорения темпов институциональных преобразований, реализации инновационного потенциала целесообразно создание фонда поддержки перспективных инновационных проектов на основе ГЧП в г. Минске. Формами государственной поддержки могут быть прямое софинансирование проектов, участие в акционерном капитале специализированной проектной компании, предоставление государственных гарантий. Основное направление деятельности фонда – проектное финансирование, предполагающее реализацию эффективных инвестиционных проектов, при котором источником обслуживания долговых обязательств являются денежные потоки, генерируемые объектом. При оценке таких проектов должна учитываться общеэкономическая эффективность, которая выражается во вкладе проекта в прирост ВРП, бюджетная эффективность, учитывающая рост налоговых поступлений, и финансовая эффективность самого проекта (высокая норма внутренней доходности и др.).

Государственное управление.

Реализация проекта «электронного правительства» включает в себя разработку и внедрение частными компаниями единой интеграционной системы на основе эффективных бизнес-приложений, которая позволяет быстро и с минимальными затратами организовать оказание государственных услуг в электронном виде, наладить электронный документооборот, создать электронные приемные, автоматизировать центры обслуживания населения. Имеются большие перспективы для внедрения и распространения информационных систем электронного лицензирования, электронного нотариата и электронных закупок. Необходимо создание инфокоммуникационной инфраструктуры для обмена информацией в рамках Таможенного союза.

Образование.

Возможные инвестиционные контракты в сфере образования: строительство объекта образования + предоставление услуг; реконструкция объекта образования + предоставление услуг; расширение объекта образования + договор на предоставление образовательных услуг.

На основе совместного финансирования государственного и частного капиталов необходимо формирование институциональной формы ГЧП (эндаумент-фонды, технопарки, центры трансферта технологий, центры коллективного пользования, совместные образовательные структуры и др.) [3, с 15].

Предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг.

В данном секторе возможны следующие контракты ГЧП:

- концессии в сфере водоснабжения;
- концессии на создание современной системы переработки отходов, строительство мусороперерабатывающего завода;
- концессии в сфере городского благоустройства;
- строительство новых котельных и передача их в управление частному оператору;
- проведение энергосберегающих мероприятий с использованием энергосервисных контрактов;
- развитие и модернизация систем теплоснабжения, водоснабжения, канализационных сетей;

– концессия на модернизацию и строительство систем уличного освещения и др.

Здравоохранение и предоставление социальных услуг.

Предлагаем следующие схемы ГЧП:

– строительство и оборудование больниц и поликлиник или иных учреждений социальной сферы частными компаниями, которые получают от государства право застройки и развития прилегающей территории;

– финансирование за счет государственных средств строительства или модернизации зданий и сооружений, проведение коммуникаций, за счет частного капитала – поставки оборудования и технологий. Поликлиника или иное социальное учреждение обслуживает бесплатно граждан по месту жительства, для остальных – оказание платных услуг, за счет которых будут возмещаться расходы частным инвесторам;

– передача государством здания в безвозмездное пользование для создания частных поликлиник, детских садов или иных социальных учреждений с условием, что в этих учреждениях будут и бюджетные группы для граждан по месту жительства;

– предоставление государством налоговых льгот частным компаниям, направляющим инвестиции в развитие объектов социальной сферы;

– заключение контракта между государством (органом местного самоуправления) и частной фирмой на осуществление определенных общественно необходимых видов деятельности;

– передача государством объекта частным инвесторам по концессионному соглашению в течение определенного срока (как правило, 20–30 лет). Частный сектор при этом обеспечивает переход на современные методы управления в соответствующих сферах.

Для успешной реализации проектов в сфере ГЧП целесообразно формирование эффективной институциональной среды для подготовки, реализации, мониторинга выполнения совместных проектов государственного и частного секторов экономики, основными элементами которой могут быть следующие: инвестиционные фонды, центры содействия развитию ГЧП, региональные координирующие центры, комитеты ГЧП, банки развития, венчурные фонды, государственные корпорации, консалтинговые компании и др. Необходимы также высокий уровень доверия бизнеса и власти, высокая степень ответственности партнеров при выполнении контрактных обязательств. Важным аспектом реализации схем ГЧП является наличие квалифицированных специалистов, обладающих высоким уровнем компетентности в сфере управления контрактами ГЧП, владеющих методиками по оценке рисков такого рода проектов, имеющих опыт работы в качестве профессиональных менеджеров. Для подготовки кадров такого профессионального уровня создаются учебные центры, проводятся семинары, приглашаются эксперты с целью оказания консультационной поддержки. Целесообразно и формирование активного информационного поля, основной задачей которого является разъяснение нормативно-правовых, экономических и организационных условий осуществления проектов ГЧП в стране с целью привлечения широкого круга инвесторов, в том числе и зарубежных.

Данные условия предопределяют необходимость комплексного подхода к внедрению в практику Беларуси ГЧП и разработки системы соответствующих мероприятий на всех уровнях государственного управления с учетом адаптации мирового опыта к особенностям белорусской модели хозяйствования.

Список использованной литературы

1. Сфера услуг в современной экономике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voprosik.net/sfera-uslug-v-sovremennoj-ekonomike>. – Дата доступа: 23.06.2014.
2. Мартусевич, Р. А. Государственно-частное партнерство в коммунальном хозяйстве / Р. А. Мартусевич. – М: Фонд «Институт экономики города», 2006. – С.25.
3. Быкова, Т. П. Сущность государственно-частного партнерства, его преимущества и проблемы // Государственно-частное партнерство и современные методы управления государственной собственностью: материалы науч.-практ. семинара, Минск, 23–24 марта 2012 г. / редкол.: В. В. Апанасович [и др.]. – Минск: Мисанта, 2012. – 99 с.
4. Шевчук, Е. В. Государственно-частное партнерство как институт модернизации сферы образовательных услуг: международный и отечественный опыт: автореф. дис... канд. экон. наук / Е. В. Шевчук: Ростов н/Д., 2011. – 34 с. – С. 19.

Поступила в редакцию 03.02.2015

РЭЦЭНЗІІ

П. Г. НИКИТЕНКО

ПРОБЛЕМЫ ЗОНЫ ЕВРО

Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: nikitenkopetr@rambler.ru

Новая книга профессора Ромуальда Полиньского¹, известного польского экономиста, «Проблемы зоны евро» (Варшава, 2015) – это научная монография Хозяйственно-валютного союза в Европе, в частности, системы и зоны единой валюты евро (single currency, the euro). Автор анализирует три основные проблемы: как функционируют система и зона евро, каковы предпосылки и факторы кризиса зоны евро и какие реформы предпринимает Европейский союз для его преодоления. Главная цель проводимых реформ – это обеспечение стабильности и ускорение развития целой зоны и отдельных государств – ее участников.

Подробные вопросы определяет тематика очередных глав монографии: 1) история Хозяйственно-валютного союза в Европе; 2) условия принятия единой валюты евро; 3) издержки и угрозы принятия валюты евро; 4) экономическая польза принятия валюты евро; 5) координация хозяйственной политики в зоне евро; 6) мандат, организация и функционирование Европейского центрального банка; 7) стратегия интеграции Польши в зону евро; 8) кризис системы и зоны евро; 9) реформы системы хозяйственного управления в зоне евро, новый механизм финансовой стабилизации и банковский союз.

В настоящее время в зоне евро участвуют 19 из 28 государств-членов Европейского союза. Польша не является участником этой зоны.

Автор констатирует, что кризис системы и зоны евро был результатом многих внутренних и внешних факторов, а главным образом:

- дифференциации уровня развития и хозяйственных структур государств-участников зоны;
- неадекватности инфляционной цели и уровня процентных ставок, определяемых Европейским центральным банком к хозяйственно-экономической ситуации и нуждам в области развития разных групп государств-участников зоны, особенно менее развитых;
- отсутствия эффективного надзора над финансовыми рынками;
- неполной способности части участвующих государств управлять и абсорбировать хозяйственно-финансовые потрясения, особенно внешние асимметрические потрясения (например, мировой финансовый кризис 2008–2013 гг.);
- несовершенства институциональных и рыночных механизмов, склоняющих правительства государств-участников зоны вести уравнивающую фискальную (бюджетную) политику (бюджетного дефицита и государственного долга).

Профессор Р. Полиньски пишет, что для стабилизации, повышения конкурентоспособности и динамического развития зоны евро необходима более эффективная синхронизация конъюнктурных циклов (business cycles) в государствах-участниках зоны, а также ограничение институционального дуализма в хозяйственной политике, т. е. централизации денежной политики на уровне зоны (роль Европейского центрального банка) и одновременной децентрализации фи-

© Никитенко П. Г., 2016

¹ Ромуальд Полиньски – выпускник Варшавского университета, доктор экономических наук, профессор; был советником Министра финансов и Председателя Совета Министров, а также заместителем министра. Автор многих публикаций в области экономической теории и финансов. Член Washington Academy of Sciences.

скальной политики. Дуализм такого рода способствует чрезмерной задолженности некоторых государств, прежде всего, меньших и слабее развитых.

В этом контексте, по мнению автора, существенным является обеспечение успешного надзора над финансовыми рынками, что касается особенно спекулятивных действий больших банков, инвестиционных фондов и других международных корпораций.

В заключении автор констатирует, что зона евро не стала еще оптимальной валютной зоной², несмотря на то, что в 2007 и 2011–2014 гг. было проведено много реформ в области управления (economic governance), хозяйственной координации и финансовой стабилизации. Участие в такой валютной зоне связано с риском, что издержки и угрозы были бы больше, чем польза, и поэтому Польша, имея хороший хозяйственный рост, подходит к этому делу осторожно.

Монография профессора Ромуальда Полиньского «Проблемы зоны евро» имеет существенное значение не только для теории экономической интеграции в Европе, но и практическое. Она может заинтересовать аналитические центры Республики Беларусь и быть полезна в процессе преподавания в системе образования.

² Теорию и критерии оптимальных валютных зон разработал в 60-х гг. XX в. профессор Роберт А. Манделл (Robert A. Mundell) – лауреат Нобелевской премии (1999 г.).

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ БАБОСОВ (К 85-летию со дня рождения)

Тематическое поле многолетнего творчества академика Евгения Михайловича Бабосова обширно и многогранно. Он ведет исследования в различных направлениях философской науки, включая социальную философию и историю философии Беларуси; в социологических отраслях – от политической социологии и идеологии, социологии экономической жизни и труда, социологии управления до социологии катастроф, конфликтологии и многих других, а также в областях культурологии, духовного развития общества, образования, подготовки кадров и др. Во всех своих работах Е. М. Бабосов уделяет пристальное внимание методологическим аспектам как самих проблем, выбранных для изучения, так и предпосылочным основаниям программирования эмпирико-социологических исследований по конкретной теме, включая операционализацию понятий, тщательную разработку шкалирования, измерительных процедур, концептуализацию предмета исследования, построение валидного инструментария по каждому из используемых методов. Еще одна отличительная черта творческого метода автора – это его исключительное умение использовать статистические данные. В отличие от тех социологов и других специалистов, для кого цифровой материал в научном тексте скорее иллюстративная поддержка или чисто внешняя презентация, для Е. М. Бабосова это самостоятельное и весьма важное средство аналитической работы. Любовь и навыки использования количественных данных в эвристическом направлении творческого поиска он, безусловно, приобрел во время работы в высшем руководящем органе страны и усовершенствовал в процессе многолетней научной деятельности.

Много раз уже отмечалась высокая научная интуиция Евгения Михайловича. Действительно, все, что обычно понимается под интуицией, – догадка, чутьё, проницательность, антиципация (предвосхищение), особенно ярко проявилось в его опережающем выборе тематики исследования, когда проблема еще не воспринимается как острая и злободневная, но растущую актуальность которой можно уловить только особым чутьём – интуицией. Так было со многими работами Е. М. Бабосова: от известных монографий, таких как «Тейярдизм: попытка синтеза науки и христианства» (1970 г.); «Социальные аспекты научно-технической революции» (1976 г.); «Катастрофы: социологический анализ» (1995 г.), «Конфликтология» (2000 г.), «Социальное управление» (2000 г.) и др. и вплоть до работы «Человек в социальных системах» (2013 г.).

Вместе с тем мы хотели бы привлечь внимание к той черте творческого эпоса Е. М. Бабосова, которая широко не обсуждается и самим автором упоминается не часто, но имеет первостепенное значение в его научной биографии. Мы имеем в виду тот особый феномен, который физик А. Эйнштейн поставил выше знаний, а русский философ И. И. Лапшин посчитал ответственным за изобретательность, рекомбинирование и воссоздание всего нового. Этот феномен есть человеческое воображение, иногда называемое фантазией, даже утопией.

По нашему убеждению, академику Е. М. Бабосову свойственно профессиональное владение тем, что польский социолог Петр Штомпка назвал «социологическим воображением», т. е. способностью связывать все, что случается в обществе, со структурным, культурным и историческим контекстом, с индивидуальными и коллективными действиями членов социума, при понимании вытекающих отсюда разнообразия и различий социальных форм. Наиболее ярко и последовательно это выразилось в его трилогии «Человек в социальных системах» (2013 г.), «Модернизация социальных систем» (2014 г.), «Человекомерность социальных систем» (2015 г.).

Разработка концепции «Беларусь-2030» – экономического, социально-философского и культурологического проекта с длительным горизонтом реализации актуализировала для ученого-исследователя такое направление фундаментальных исследований, каким является всестороннее изучение человека как уникального природно-социального феномена. В данном контексте наиболее перспективными становятся исследования человеческого капитала и его реализации в науке, образовании, здравоохранении, культуре. Особое внимание уделяется развитию человеческого потенциала, благоприятного для модернизации не только экономики, но и других сфер жизнедеятельности общества. А это предполагает формирование личности, способной не только воспринять вызовы модернизации, но и найти адекватные и эффективные ответы на эти вызовы.

В развитии модернизационных процессов возрастает значимость интеллектуального капитала, сформированного (в социологическом толковании) в результате инвестиций и накопленного человеком определенного запаса здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, используемых в той или иной сфере деятельности, содействующих росту производительности труда и влияющих на рост доходов человека. Применительно к конкретной стране это – «национальный человеческий капитал», который составляет национальное богатство общества и является главным фактором комплексной модернизации.

При таком понимании становится ясно, что комплексное социально-экономическое, политологическое, социально-психологическое и культурологическое исследование названных особенностей актуально для увеличения вклада социально-гуманитарных наук в повышение модернизационного потенциала страны во всем многообразии его сегментов.

Автором трилогии обосновывается, что человекомерность науки воплощается не только в развитии гуманитарных знаний, но и в общем движении естественнонаучного познания мира. Показано, что особенно рельефно человекомерность современной науки проявляется в антропном космологическом принципе (конец XX – начало XXI в.), который осуществляет связь между крупномасштабными, метagalacticкими свойствами Вселенной и существованием в ней человека, который соизмеряет свои возможности, замыслы и действия с окружающим миром в процессе его познания и освоения.

С новой, парадоксальной стороны идея человекомерности реализуется в создании науки синергетики, объясняющей процесс самоорганизации в сложных системах и возникшей на стыке физики, химии, биологии, социологии (И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен). Досконально исследованный И. Пригожиным феномен нестабильности окружающего нас мира, по его словам, позволил включить в поле зрения естествознания человеческую деятельность, преодолеть разобщенность между социальными исследованиями и науками о природе. По его утверждению, «универсум художественного творчества» отличен от классического образа мира, но он легко соотносим с современной физикой и космологией, а в философии нестабильности «универсум открывается как нечто многовариантное, подобное сфере человеческого бытия», вследствие чего «человечество... оказывается в самом центре законов мироздания».

На протяжении всей трилогии мы видим, как идея человекомерности социальных систем преобразуется Е.М. Бабосовым в социальный императив устойчивого долгосрочного развития, который состоит в признании того, что основным субъектом и движущей силой социально-экономического развития является человек, обладающий квалификационными и трудовыми возможностями, социальной активностью и мобильностью, достаточными, чтобы обеспечить достижение поставленных стратегических целей. Это означает необходимость всемерного раз-

вития и эффективного использования человеческого капитала, повышения качества жизни, наиболее полного удовлетворения потребностей личности, ее духовно-интеллектуального и гражданского возвышения.

В своем последнем по времени триптихе академик Е.М. Бабосов выступает прежде всего как социальный философ, профессионально владеющий «социологическим воображением» и имеющий все основания давать ориентиры в разработке исследовательских направлений не только социологам, но и экономистам, физикам, химикам, биологам и другим.

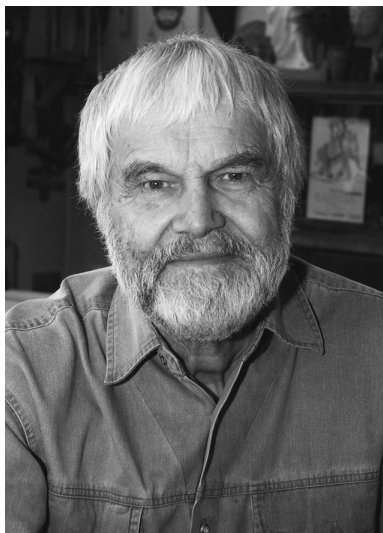
Мы отдаем должное интеллектуальному ресурсу Евгения Михайловича Бабосова, который не убывает с возрастом, а приумножается опытом и природной мудростью. От ученых Отделения гуманитарных наук и искусств, коллектива Института социологии Национальной академии наук Беларуси поздравляем юбиляра с научными достижениями и желаем здоровья, творческих успехов и всего самого наилучшего.

*А. А. Коваленя, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси,
член-корреспондент, доктор исторических наук, профессор,*

С. А. Шавель, доктор социологических наук, профессор,

Г. Н. Соколова, доктор философских наук, профессор

ГЕОРГИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ПОПЛАВСКИЙ
(К 85-летию со дня рождения)

Юбилейная дата всегда предполагает подведение некоторых итогов, оглядку на пройденный жизненный и творческий путь. Это повод коллегам юбиляра увидеть и оценить все то, что сделано виновником торжества, и порадоваться его успехам, сказать ему приятные слова, пожелать долгих плодотворных лет. Имя академика Национальной академии наук Беларуси и Российской академии художеств, народного художника Беларуси, лауреата Государственной премии Республики Беларусь Георгия Георгиевича Поплавского хорошо известно не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами. Вот уже шесть десятилетий он является активным участником республиканских и международных художественных выставок. Лауреат целого ряда самых престижных международных премий и наград, Георгий Георгиевич Поплавский – выдающийся мастер графики и живописи, чьи произведения находятся в музейных и частных собраниях Беларуси, России, Украины, Германии,

Австрии, Швейцарии, Индии, США и других стран.

Книжная графика – одна из ярких страниц творчества Г. Г. Поплавского, где ярко, полно и многогранно проявился его талант. Для Георгия Георгиевича книга – это живой организм, целый мир, дающий бесчисленное количество тем, сюжетов и способов их художественного воплощения. Книжные иллюстрации для него не просто изобразительный пересказ текста, а вечное и порой мучительное стремление передать главную авторскую идею, графическими средствами убедительно воссоздать трепетную атмосферу литературного произведения. Г. Г. Поплавский требователен к литературному материалу, с которым ему приходится работать, – это произведения Ф. Шиллера, У. Шекспира, Ф. Петрарки, Дж. Лондона, Р. Тагора, Г. Лонгфелло, белорусских классиков Я. Купалы, Я. Коласа, В. Быкова, И. Мележа, А. Адамовича, И. Науменко. Яркими и запоминающимися являются его иллюстрации к белорусским сказкам, легендам и преданиям, поэме Я. Купалы «Яна і я» (1978), избранным произведениям Я. Коласа (1982). Книжная графика Г. Г. Поплавского завоевала широкую известность и признание в Беларуси и за ее пределами. Художник неоднократно участвовал в международных биеннале графики в Любляне, Кракове, Венеции, Лейпциге. Так, на международном конкурсе в Лейпциге за оформление книги Я. Коласа «Новая зямля» он отмечен дипломом «Красивейшая книга мира» (1968). За иллюстрации к книге Я. Коласа «Выбранае» художник награжден серебряной медалью Академии художеств СССР (1984). Неоднократно книжная графика Г. Г. Поплавского отмечалась дипломами им. Ф. Скорины, а книги с его иллюстрациями переиздавались на иностранных языках, что свидетельствует о высоких художественных и эстетических качествах представленных в них графических произведений.

Г. Г. Поплавский из того поколения художников, для кого Великая Отечественная война – не далекая история, известная только по книгам и фильмам. Детское сознание – яркое и эмоциональное – навсегда сохранило в его сердце и памяти те трагические для нашего народа годы. И неудивительно, что художник неоднократно обращается к теме войны в целом ряде графических циклов. Так, например, в автолитографиях из цикла «Память» (1968), будто из каменных плит, опаленных огнем войны, проступают монументальные образы тех, кого увидел худож-

ник, «... читая материалы Чрезвычайной Государственной комиссии», именно так назвал он один из графических листов этого цикла. Потом были иллюстрации к произведениям А. Адамовича (1975) и В. Быкова (1977–1982), цикл цветных автолитографий «Время долгих ножей» (1982), где каждый лист может рассматриваться не только в контексте книги или серии, но благодаря высоким композиционным, техническим и эстетическим качествам становится самостоятельным произведением искусства. Фашизм и война для Г. Г. Поплавского не имеют индивидуального лица, лишены психологических характеристик, для него – это проявление абсолютного зла, и он концентрирует внимание на главном, типичном и наиболее характерном, создает соответствующую атмосферу.

Не остается художник в стороне и от современной жизни. Поэтизация и романтизация присущи его работам. Человек очень отзывчивый и контактный Георгий Георгиевич всегда легко находит общий язык с людьми самых разных профессий – рыбаками, крестьянами, шахтерами, полярниками, артистами. Его привлекают натуры мужественные, романтические. У Г. Г. Поплавского свой узнаваемый изобразительный и композиционный почерк, своя живописная пластика. И независимо от того, кого или что художник изображает, в каждой его работе есть ощущение искренности и восторженности чувств, что превращает обыденность в явление высокого искусства. В серии литографий «Высокое небо» (1974) и серии офортов «Родина космонавтов» (1976–1978) условность графического языка подчеркнута композиционными и фактурными средствами. Острый монтажный принцип композиции, объединяющий разновременные явления и разномасштабные изображения на плоскости графического листа, создает условное пространство, объединяющее человека и далекий и бесконечный космос.

Георгий Георгиевич – неутомимый путешественник, художник, своими глазами видевший экзотику разных уголков Земли. По его графическим циклам можно изучать географию – «Северный Казахстан» (1963–1964), «Белый континент» (1970), «Индийский дневник» (1970–1973), «Командоры» (1973), «Море Беринга» (1979), «Енисейский альбом» (1980), «Десять страниц мексиканского альбома» (1983–1984) и др. Во время этих путешествий он обращает внимание не только на красоты природы, но прежде всего проявляет острый интерес к людям. Особое место в творчестве Г. Г. Поплавского занимает Индия – страна, по словам художника, воплотившая в своем образе «нравственную чистоту и нежность, знания и мудрость, неистребимую любовь к прекрасному». Яркие и незабываемые впечатления от встреч с этой загадочной, сказочной страной, которые Г. Г. Поплавский на протяжении нескольких лет воплощал в разных по характеру живописных и графических произведениях, составили еще один выдающийся цикл – «Индийский дневник» (1970–1973). За работы этого цикла и оформление книги «Тирукурал. Избранные афоризмы» художник в 1974 году был отмечен индийским правительством Международной премией им. Джавахарлала Неру.

И все же куда бы не заносили Георгия Георгиевича ветры странствий, для него самым лучшим и привлекательным местом на земле остается родная Беларусь. Он искренне и навсегда отдал свое сердце Браславщине – краю голубых, прозрачных озер, искренних, трудолюбивых и добрых людей. Это те места, та земля, в которой он, подобно легендарному Антею, черпает жизненную силу и творческое вдохновение. Не случайно, что вновь и вновь художник обращался и обращается к природе и людям этого края, ставшим для него образным воплощением Беларуси. Графические серии Г. Г. Поплавского «Браславщина – край озерный» (1971–1972), «Озерный край» (1975), «Прогулки с Ганешем» (1977–1979), «Льны Браславщины» (1982) и, наконец, серия акварелей «Браславский альбом» (1997–2001) обладают цельностью и яркой национальной спецификой, связью с народными истоками.

Серия акварелей «Браславский альбом» и графический цикл по итогам творческих экспедиций по Индонезии и Кубе были отмечены Государственной премией Республики Беларусь 2002 года. Серия акварелей и графических листов Г. Г. Поплавского – еще одно свидетельство высокого мастерства художника, весомый вклад в изобразительное искусство Беларуси. Графической интерпретации белорусской природы в акварелях Г. Г. Поплавского присущи не только связь с национальной художественной школой, но и чувство современного в решении поставленных творческих задач. Браславские пейзажи полны поэзии и искренней любви к родному краю. Вир-

туозная техника исполнения, прекрасное композиционное чутье дают возможность художнику в самых, казалось бы, простых и обыденных сюжетах увидеть скрытую красоту и поэзию и донести ее зрителю. Графические и живописные произведения Г. Г. Поплавского – пример синтеза реальных зрительных впечатлений и эмоционального переосмысления увиденного, где неразрывно переплетены экзотические и фольклорные мотивы с остро современным авторским видением. В его работах фантастика увиденного часто воплощается в реальность изображаемого и наоборот. Произведения Г. Г. Поплавского отличаются гармоничным сочетанием остроты художественного видения с мягкостью, добротой, искренней, нежной любовью и теплотой к изображаемому им окружающему миру. Образность и поэзия находятся в согласии с неторопливым, внимательным анализом того или иного мотива, вниманием к наиболее существенным мелочам и деталям. В таких работах, как «Зимний вечер», «Октябрь», «Ранний снег», «Деревенская банька» и других, художник мастерски поэтизирует конкретный, обыденный мотив, возводя его до символа. И вот уже небольшой уголок природы вызывает у нас теплые воспоминания о детстве, о местах, близких сердцу каждого. И даже за определенной сюжетной привязанностью, проступающей в отдельных его произведениях, отчетливо видна авторская фантазия, стремление к синтезу впечатлений, образному воплощению темы.

Произведения Г. Г. Поплавского отличает виртуозное владение техникой. Он мастер рисунка, для которого нет неразрешимых творческих задач. Художник умело сохраняет композиционную целостность в каждой своей работе. Это не просто декоративные и виртуозно исполненные картины для интерьера, а эстетически важный компонент, мир, по которому можно увлекательно и с пользой путешествовать. Каждая из живописных и графических работ – закончена и выразительна по своим композиционным и художественным качествам, отличается свободным, утонченным рисунком и тонким, рафинированным цветом, моделирующим объем. Пространство листа, или холста, обработано с присущими Г. Г. Поплавскому артистизмом и легкостью.

Георгий Георгиевич не останавливается на достигнутом, он постоянно находится в движении, творческом поиске. Значение его личности для нашей культуры значительно шире – он не только выдающийся художник, талантливый педагог, подготовивший плеяду учеников, он искренний и последовательный хранитель высоких принципов искусства, мастерства и художественной правды. К целому ряду наград (орден Дружбы народов (1986), Золотые медали им. М. Грекова за разработку военно-патриотической темы (1990), им. Ю. Гагарина за цикл «Высокое небо» (1988), им. Пушкина за вклад в развитие культуры XX в. (2000)) Г. Г. Поплавский в 2011 году добавил еще одну – важную и значимую премию Союзного государства в области литературы и искусства.

Пожелаем ему дальнейших творческих успехов, оптимизма, свежести художественного восприятия и счастливой способности удивляться. Доброго Вам здоровья, счастья, новых творческих достижений, дорогой Георгий Георгиевич!

*В. И. Жук, заместитель директора по научной работе
Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
доктор искусствоведения, профессор*

МІХАІЛ ІОСІФАВІЧ МУШЫНСКІ

(Да 85-годдзя з дня нараджэння)

2016 год – юбілейны для Міхаіла Іосіфавіча Мушынскага ў двух аспектах: 85-годдзе з дня яго нараджэння і шасцідзесяцігоддзе навуковай дзейнасці (у 1956 годзе ён пачаў працу ў Інстытуце літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР).

М. І. Мушынскі – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар філалагічных навук, прафесар, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі БССР імя Якуба Коласа. Такія факты афіцыйнага прызнання і ўшанавання заслуг і дзясятванняў гэтага вучонага можна працягваць іншымі сцверджаннямі і азначэннямі, развіваючы іх і ўдакладняючы.

Грунтоўная характарыстыка этапу навуковай дзейнасці М. І. Мушынскага і іх вынікаў здзейснена ў бібліяграфічным даведніку «Міхаіл Іосіфавіч Мушынскі (да 80-годдзя з дня нараджэння)»¹. У гэтай крыніцы прадстаўлены асноўныя даты жыцця і дзейнасці вучонага, бібліяграфія яго навуковых прац, даследаванняў, якія ён рэдагаваў і інш. Акрамя гэтага, у дадзеным выданні зафіксаваны сведчанні і характарыстыкі адносна навуковых інтарэсаў і дзейнасці вучонага (артыкулы члена-

карэспандэнта НАН Беларусі В. А. Каваленкі, прафесара В. П. Рагойшы, ліст акадэміка Л. М. Навічэнкі). У адпаведных частках даведніка паўстае асоба Міхася Іосіфавіча як даследчыка і навуковага каардынатора, арганізатара з рознабачковымі інтарэсамі (гісторыя беларускай літаратуры, крытыкі і літаратуразнаўства, ацэнка твораў беларускай літаратуры з пазіцыі гістарычнай рухомасці, тэксталогія, выдавецкія праекты і адпаведныя канцэпцыі выданняў, праца ў саветах па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый, выступленні ў ролі навуковага апанента па доктарскіх і кандыдацкіх дысертацыях, навуковае рэдагаванне разнастайных даследаванняў, арганізацыя і каардынаванне навуковых канферэнцый, прынамсі, «Каласавінаў», «Гарэцкіх чытанняў» і інш.).

Навуковыя інтарэсы М. І. Мушынскага і іх вынікі асэнсоўваліся і асвятляліся ў артыкулах Д. Бугаёва, С. Лаўшука, М. Мішчанчука, У. Конана, А. Марціновіча, В. Жураўлёва, В. Каваленкі, Т. Голуб, В. Рагойшы² і інш.

З упэўненасцю можна сцвярджаць, што навуковая праца М. І. Мушынскага – гэта каштоўная і неад’емная старонка беларускага літаратуразнаўства, адным з галоўных вынікаў якой з’яўляецца стварэнне своеасаблівага напрамку, які можна вызначыць наступным чынам: *навуковая школа М. І. Мушынскага ў гісторыі літаратуразнаўства і літаратурнай крытыкі, у тэксталогіі і выдавецкіх праектах, навуковым кіраўніцтве дысертацыямі, апаніраванні і экспертызе дысертацый*. У сувязі з гэтым можна прыгадаць наступныя знакавыя для беларускага літаратуразнаўства факты: стварэнне гэтым даследчыкам «*творчых гісторый*» мастацкіх твораў Я. Коласа, манаграфій па гісторыі беларускай крытыкі і літаратуразнаўства, «*летанісаў жыцця і творчасці*» М. Зарэцкага, М. Гарэцкага, Я. Коласа, «*тэксталогіі твораў*» Я. Купалы, Я. Коласа; асэнсаванне літаратурна-крытычнага працэсу, асаблівасцей беларускай тэксталогіі ў форме аглядавых артыкулаў; падрыхтоўка тэксталагічных каментарыяў да твораў (Я. Купалы, М. Багдановіча і інш.); распрацоўка «*прынцыпаў, канцэпцыі выдання твораў*» (Я. Коласа, Я. Купалы, І. Шамякіна); «*спроба сучаснага прачытання*» твораў (Я. Коласа, К. Чорнага, М. Гарэцкага, М. Зарэцкага, І. Шамякіна і інш.). У прыведзеным вышэй пераліку ў якасці апорных вызначэнняў узяты аўтарскія ў адносінах да пэўных пісьменнікаў, аднак яны поўнаасцю падыходзяць і да іншых творцаў у галіне мастацкай літаратуры, дзейнасць якіх разглядаецца гэтым даследчыкам у іншых навуковых кантэкстах.

¹ Міхаіл Іосіфавіч Мушынскі : да 80-годдзя з дня нараджэння / Нац. акад. навук Беларусі ; склад. Т. Ф. Мушынская. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 94 с.

² Бібліяграфічнае апісанне артыкулаў названых аўтараў гл. у: Міхаіл Іосіфавіч Мушынскі : да 80-годдзя з дня нараджэння / Нац. акад. навук Беларусі ; склад. Т. Ф. Мушынская. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 55–58.

Многія працы М. І. Мушынскага можна вызначыць як выхад на стварэнне адметных жанраў сучаснага літаратуразнаўства, для якіх уласцівы непаўторны і пазнавальны (!) даследчыцкі стыль, метадалогія, што вызначаюцца гістарычнай далікатнасцю і ў той жа час прынцыповасцю, доказнасцю і пільнай увагай да тэксту мастацкага твора, дакумента, сведчанняў, фактаў гісторыі, доказнасць і пераканальнасць супастаўленняў, параўнанняў, бездакорная сістэматызацыя літаратурнага і біяграфічнага матэрыялу («Беларуская крытыка і літаратуразнаўства» (20–30-я гады)) – 1975 г., «Беларуская крытыка і літаратуразнаўства: 40-я – першая палова 60-х гг.» – 1985 г., «Каардынацыі пошуку: Беларуская крытыка: набыткі, перспектывы» – 1988 г., «І нічога, апроч праўды: Якой быць “Гісторыі беларускай літаратуры”» – 1990 г., «Нескароны талент: Праўдзівая гісторыя жыцця і творчасці Міхася Зарэцкага» – 2005 г., «Тэксталагія твораў Янкі Купалы і Якуба Коласа» – 2007 г., «Падзвіжнік з Малой Багацькаўкі: Жыццёвы і творчы шлях Максіма Гарэцкага» – 2008 г., «Мае Каласавіны: 3 вопыты вывучэння літаратурнай і грамадска-культурнай дзейнасці Якуба Коласа» – 2010 г., «Летапіс жыцця і творчасці Якуба Коласа» – 2012 г. і інш.).

Паказальная з’ява ў навуковай дзейнасці М. І. Мушынскага – яго імкненне да яднання даследчыкаў розных рэгіёнаў у справе здзяйснення пэўных праектаў і праграм. Выразным сведчаннем таму можа быць стварэнне па яго ініцыятыве часовага навуковага калектыву пры Магілёўскім дзяржаўным універсітэце, які плённа супрацоўнічаў з аддзелам выданняў і тэксталагіі Інстытута мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі ў працэсе падрыхтоўкі да выдання першага навуковага зборнага твораў І. Шамякіна ў 23 тамах.

Прафесар М. І. Мушынскі – аўтар больш за 370 навуковых прац, 15 манаграфій і навуковых кніг. Паказальнай прыкметай яго даследаванняў – навуковая і грамадзянская надзённасць. Сведчаннем таму можа з’яўляцца, напрыклад, яго манаграфія «І нічога, апроч праўды...», у якой прапанована сваёасаблівае выйсце з той сітуацыі, калі палітычныя тэндэнцыі ў сучасным беларускім літаратуразнаўстве ў адносінах да нацыянальнай мастацкай літаратуры савецкага часу ў пэўных адносінах ставяць даследчыкаў па розных бакі навуковых «барыкадаў». У сувязі з гэтым варта прыгадаць наступную выснову М. І. Мушынскага: *«Стварэнне новай навуковай «Гісторыі беларускай літаратуры» сёння ўсведамляецца як задача выключна вялікага грамадска-палітычнага і нацыянальна-культурнага значэння. І сапраўды! З якой бы рашучасцю мы ні выкрывалі сталінізм і сталіністаў, адміністрацыйна-камандную сістэму, сучасны бюракратычны апарат, – працэс фарміравання нацыянальнай свядомасці будзе разгортвацца заўважна да таго часу, пакуль уся праўда пра наша мінулае – далёкае і нядаўняе – не стане агульным здабыткам грамадства»*³.

Названыя вышэй і іншыя метадалагічна-стылёвыя прынцыпы, на якія паслядоўна арыентуецца і якія вытрымлівае М. І. Мушынскі, ён перадае не толькі сваім чытачам, але і дактарантам, аспірантам, працай якіх кіраваў і даследаванні якіх характарызаваў як навуковы эксперт і апанент. Літаратуразнаўчая сістэма М. І. Мушынскага спрацоўвае ў розных аспектах: у гістарычных ацэнках, метадалогіі літаратуразнаўчых даследаванняў, падрыхтоўцы навуковых кадраў і інш. Гэтыя і адзначаныя вышэй факты яшчэ раз сведчаць пра тое, што навуковая школа М. І. Мушынскага не толькі сцвердзіла сябе, а знаходзіць свой працяг і развіццё ўжо на іншых узроўнях даследаванняў маладых вучоных нашай краіны. З поўным перакананнем можна сцвярджаць, што многія з тых маладых (ды і не толькі) даследчыкаў, якія асэнсоўвалі працы М. І. Мушынскага, мелі і маюць з ім разнастайныя навуковыя кантакты, адносяць сябе да яго вучняў. Такое адносіненне накладвае і адпаведны абавязкі: быць годнымі свайго настаўніка. Тут можна правесці аналогію з вядомым сцверджаннем пра тое, што *«вучань не бывае вышэй за свайго настаўніка; але, удаканаліўшыся, будзе кожны, як настаўнік ягоны»* (Лука 6: 40). Як бы гэта ні банальна гучала, а праца, грамадзянская і навуковая пазіцыя М. І. Мушынскага даюць нагоду, падставы, інтэлектуальнае і духоўнае натхненне для такога ўзвышэння. Ён – Настаўнік для многіх навукоўцаў нашай краіны, памяркоўны, дасведчаны і шчыры дарадца па пытаннях гісторыі беларускай літаратуры і літаратурнай крытыкі, тэксталагіі, асоба, якая ў прафесійных і прыватных кансультацыях, парадах, гутарках душэўна і духоўна ўзвышае і натхняе калегу, суразмоўцу.

Асоба М. І. Мушынскага як вучонага, чалавека, калегі, сябра знакавая для многіх тых, хто мае з ім рознага кшталту кантакты. Гэтая знакавасць – у яго выключным грамадзянскім і навуковым сумленні, чалавечнасці, прафесійным і міжасабовым разуменні.

А. М. Макарэвіч, прафесар кафедры літаратуры і міжкультурных камунікацый МДУ імя А. А. Куляшова, доктар філалагічных навук

³ Мушынскі, М. І. І нічога, апроч праўды: Якой быць “Гісторыі беларускай літаратуры”. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – С. 3.

АЛЯКСАНДР АЛЯКСАНДРАВІЧ КАВАЛЕНЯ

(Да 70-годдзя з дня нараджэння)

Імя акадэміка-сакратара Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, члена-карэспандэнта, доктара гістарычных навук, прафесара Аляксандра Аляксандравіча Кавалені шырока вядома ў асяроддзі вучоных, педагогаў і студэнтаў.

Аляксандр Аляксандравіч нарадзіўся 14 сакавіка 1946 г. у гарадскім пасёлку Капыль Мінскай вобласці ў сям’і настаўніка. Бацька Аляксандр Емяльянавіч, былы партызан, пасля Вялікай Айчыннай вайны працаваў дырэктарам школы, маці, Ганна Аляксандраўна, партызанская сувязная ў гады Вялікай Айчыннай вайны, рызкуючы жыццём, выконвала баявыя заданні, пасля вайны была хатняй гаспадыняй. У вялікай дружнай сям’і Каваленяў было 6 дзяцей: 4 хлопцы і 2 дзяўчынкі. Менавіта ў сям’і, а затым у школе сфарміраваліся цэльнасць характару Аляксандра Аляксандравіча, яго пастаянная прага да ведаў, настойлівасць і працавітасць.

Пасля заканчэння дзевяці класаў А. А. Каваленя ў 1962 г. паступіў у Мінскае ПТВ № 23, якое скончыў на выдатна і атрымаў спецыяльнасць слесара. Навучанне ў прафесійным вучылішчы юнак сумяшчаў з вучобай у школе рабочай моладзі, якую паспяхова закончыў у 1964 г. Маляды хлопец актыўна ўдзельнічаў у грамадскім жыцці. Яго заняткі ў аэраклубе і радыёшколе паўплывалі на тое, што пасля прызыву ў Савецкую Армію ён быў накіраваны ў элітныя дэсантныя войскі. У 1968 г. Аляксандр Аляксандравіч быў дэмабілізаваны ў званні сяржанта і адразу прадоўжыў працу на будоўлях Мінска.

У 1970 г. ён паступіў на гісторыка-геаграфічны факультэт Мінскага дзяржаўнага педагогічнага інстытута імя М. Горкага. У інстытуце актыўна займаўся грамадскай дзейнасцю, працаваў у студэнцкіх будаўнічых атрадах у Карэліі, Сібіры, на будоўлях Беларусі. Выкладчыкі і сябры паважалі сціплага і працавітага студэнта, неаднаразова выбіралі яго старшынёй прафсаюзнага бюро факультэта, з 1974 па 1979 г. А. А. Каваленя ўзначальваў студэнцкі прафсаюзны камітэт інстытута.

У 1973 г. Аляксандр Аляксандравіч ажаніўся і вось ужо 43 гады побач з ім, нягледзячы на ўсе жыццёвыя цяжкасці, яго жонка Тамара Кузьмінічна. У 1975 г. у іх нарадзілася дачка Алена, а сёння ўжо радуе поспехамі ў навучанні ўнучка Насця.

У 1979 г. А. А. Каваленя стаў аспірантам кафедры гісторыі КПСС МДП імя М. Горкага. Яму пашанцавала быць аспірантам, а потым і дактарантам таленавітага вучонага, выдатнага чалавека, доктара гістарычных навук, прафесара Аляксандра Мікалаевіча Мацко. У 1983 г. пад яго кіраўніцтвам ён абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Ідейно-политическая работа подпольных партийных организаций КП(б)Б в партизанских зонах».

Са снежня 1982 г. Аляксандр Аляксандравіч працаваў на пасадзе асістэнта кафедры гісторыі КПСС МДП імя М. Горкага, а ў маі 1987 г. быў абраны на пасаду дацэнта гэтай кафедры. З 1983 па 1991 г. ён з’яўляўся членам Рэспубліканскага каардынацыйнага савета па распрацоўцы праблем гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, з 1987 г. падтрымліваў цесныя сувязі з аддзелам ваеннай гісторыі Інстытута гісторыі НАН Беларусі, удзельнічаў у распрацоўцы дзяржаўных праграм фундаментальных даследаванняў нацыянальнай гісторыі Беларусі. У 1994 г. быў залічаны

ў дактарантуру, а ў 1996 г. абраны загадчыкам кафедры айчыннай і сусветнай гісторыі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка. Пад кіраўніцтвам А. А. Кавалені кафедра стала адным з цэнтраў вывучэння і папулярызацыі гісторыі Вялікай Айчыннай і Другой сусветнай войнаў.

Станоўчую ацэнку навуковай грамадскасці атрымалі выдадзеныя ім манаграфіі і вучэбныя дапаможнікі, якія падрыхтаваны з улікам новых метадалагічных падыходаў і з'яўляюцца вынікам дзясяткаў гадоў працы ў архівах і бібліятэках, шматлікіх сустрэч і гутарак са сведкамі гістарычных падзей. Манаграфія Аляксандра Аляксандравіча «Беларусь у гады Другой сусветнай вайны (1939–1945)» (Мн., 1996) была адзначана прэміяй і Дыпламам лаўрэата конкурсу БДПУ імя М. Танка за 1997 г. Вынікам руплівага пошуку даследчыка стала манаграфія «Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць» (Мн., 1999). У 2000 г. па гэтай тэме А. А. Каваленя абараніў доктарскую дысертацыю, якая ўнесла важкі ўклад у навуковае вырашэнне адной з самых складаных і вострых праблем айчыннай гісторыі перыяду Другой сусветнай вайны. У 2004 г. яму было прысвоена навуковае званне прафесара. Падрыхтаваны пад кіраўніцтвам Аляксандра Аляксандравіча па даручэнні Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь вучэбна-метадычны комплекс «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)» (Мн., 2006–2009), які ўключае праграму, падручнікі для ВНУ і сярэдніх агульнаадукацыйных устаноў (адзначаны спецыяльнымі дыпламамі на рэспубліканскіх конкурсах «Мастацтва кнігі» ў 2005 і 2006 гг.), даведнік, рабочы сшытак, хрэстаматыю, дапаможнік для настаўніка, прызнаны лепшым сярод краін СНД. Але самай высокай адзнакай гэтай тытанічнай працы з'яўляюцца шматлікія падзякі ад настаўнікаў і ветэранаў Вялікай Айчыннай вайны.

У 2004–2010 гг. А. А. Каваленя працаваў дырэктарам Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі і выразна прадэманстраваў, што ён не толькі таленавіты вучоны і педагог, але і выдатны арганізатар навукі. Дзякуючы энергіі і арганізацыйнаму таленту Аляксандра Аляксандравіча як кіраўніка, Інстытут гісторыі ператварыўся ў дзяржаўны цэнтр арганізацыі сістэмных гістарычных даследаванняў; навукоўцы Інстытута паспяхова выканалі Дзяржаўную комплексную праграму навуковых даследаванняў на 2006–2010 гг. «Гісторыя беларускай нацыі, дзяржаўнасці і культуры»; упершыню за ўсю гісторыю краіны ў Інстытуце была адкрыта ўнікальная Археалагічная навукова-музейная экспазіцыя, якая яскрава раскрывае багатую гісторыка-культурную спадчыну Беларусі; вучонымі Інстытута былі падрыхтаваны і рэалізаваны на практыцы навуковыя канцэпцыі абноўленага Музея гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Музея прыроды і гісторыі Нацыянальнага парка «Белавежская пушча», а таксама распрацавана навуковая канцэпцыя Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь.

У лютым 2009 г. А. А. Кавалене быў аказаны высокі давер з боку кіраўніцтва дзяржавы. Ён быў прызначаны акадэмікам-сакратаром Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі і ўведзены ў склад Прэзідыума Нацыянальнай акадэміі навук.

Сёння Аляксандр Аляксандравіч у творчым росквіце. Пад яго кіраўніцтвам паспяхова выканана Дзяржаўная праграма навуковых даследаванняў на 2011–2015 гг. «Гісторыя, культура, грамадства, дзяржава». За ўвесь час навукова-педагагічнай дзейнасці ім апублікаваны больш 400 навуковых і навукова-метадычных прац, у тым ліку 4 асабістыя і 20 калектыўных манаграфій, 58 падручнікаў, вучэбных дапаможнікаў і праграм. Ён з'яўляецца навуковым рэдактарам і рэцэнзентам звыш 100 манаграфій, навуковых зборнікаў, навукова-метадычных дапаможнікаў, падручнікаў і дысертацыйных прац. Пад яго навуковым кіраўніцтвам сфарміравана цэлая навуковая школа маладых даследчыкаў Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў. Ім падрыхтаваны 6 кандыдатаў навук. Ужо 11 гадоў А. А. Каваленя ўзначальвае савет па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый у Інстытуце гісторыі НАН Беларусі. Аляксандр Аляксандравіч – навуковы рэдактар, член рэдакцыйных калегій і саветаў часопісаў «Доклады Национальной академии наук Беларуси», «Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук», «Архівы і справаводства», «Беларуская думка», «Беларускі гістарычны часопіс», «Гісторыя і грамадазнаўства», «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ».

Сведчаннем высокага навуковага аўтарытэту А. А. Кавалені з'яўляецца яго ўдзел у міжнародных кангрэсах, сімпозіумах і канферэнцыях не толькі ў Беларусі, але і далёка за яе

межамі. За час навукова-педагагічнай дзейнасці ён прыняў удзел больш чым у 150 навуковых канферэнцыях, кангрэсах, сімпозіумах і «круглых сталах», пры гэтым выступіў арганізатарам звыш 130 з іх.

За вялікую плённую працу Аляксандр Аляксандравіч неаднаразова адзначаўся Ганаровымі граматамі прафсаюзных камітэтаў розных узроўняў, двойчы (у 2002 і 2003 гг.) – Пасведчаннем Спецыяльнага фонду Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь за асабісты ўклад у развіццё здольнасцей таленавітай моладзі, у 2002 г. з’яўляўся стыпендыятам Спецыяльнага фонду Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, у гэтым жа годзе ўзнагароджаны знакам «Выдатнік адукацыі», у 2005 г. – юбілейным медалём «60 год вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў», у 2006 г. – медалём Францыска Скарыны, у 2009 г. – Падзякай Упраўлення справамі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь і Ганаровай граматай НАН Беларусі, у 2010 г. – юбілейным медалём «У гонар 80-годдзя Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». За ўклад ва ўмацаванне адзінства славянскіх народаў у 2006 г. абраны сапраўдным членам Міжнароднай славянскай акадэміі адукацыі імя Я. А. Каменскага. За плённую працу па вывучэнні, захаванні і папулярызацыі гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі 30 декабря 2011 г. А. А. Кавалене аб’яўлена Падзяка Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 23 чэрвеня 2014 г. Аляксандру Аляксандравічу прысвоена званне заслужанага дзеяча навукі Рэспублікі Беларусь. У гэтым жа годзе А. А. Каваленя быў выбраны членам-карэспандэнтам Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Бясспрэчна, сёння Аляксандр Аляксандравіч Каваленя – адзін з буйнейшых спецыялістаў у галіне гістарычнай навукі. З нагоды яго 70-годдзя вучні, сябры, калегі жадаюць глыбокапаважанаму юбіляру добрага здароўя, творчага натхнення і новых поспехаў на ніве арганізацыйнай дзейнасці дзеля росквіту сацыяльна-гуманітарных навук нашай краіны.

*В. В. Даніловіч, дырэктар Інстытута гісторыі НАН Беларусі,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт,*

*М. П. Касцюк, галоўны навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі,
акадэмік, доктар гістарычных навук, прафесар*